

Иван Федорович Фролов

ЖИЗНЬ
ПРОЖИТЬ —
НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Иван Фролов

Жизнь прожить – не поле перейти

«Издательские решения»

Фролов И. Ф.

Жизнь прожить – не поле перейти / И. Ф. Фролов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515603-7

Книга о дружбе трех ребят, учебе, работе и карьере. Один стал ученым, второй президентом холдинга, третий вице-губернатором. Два друга чуть не погибают при покушении. Здесь и их любовь, но по-разному сложившаяся. Один женится на первом курсе, у второго невеста отдалается, у третьего выходит замуж за дипломата и вскоре с мужем и ребенком погибают в авиакатастрофе. Это и усыновление ребенка. Став взрослым, чуть не женится на сестре. Это возвращение отца одного друга домой, при возвращении памяти.

ISBN 978-5-00-515603-7

© Фролов И. Ф.
© Издательские решения

Содержание

ДРУЖБА РЕБЯТ И ЗАБОТЫ ИХ МАТЕРЕЙ =====	6
СТУДЕНТЫ. ПОЗИЦИЯ НА ЖИЗНЬ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Жизнь прожить – не поле перейти

Иван Федорович Фролов

© Иван Федорович Фролов, 2020

ISBN 978-5-0051-5603-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДРУЖБА РЕБЯТ И ЗАБОТЫ ИХ МАТЕРЕЙ =====

За окном раздается протяжный знакомый свист Павлика, зовущего друга в школу. Степа вскинул взгляд на старенькие ходики на стене. По времени надо было выходить. Для достоверности выглянул в окно, оба друга с книгами под мышками уже дожидались его, что-то деловито обсуждая. Быстро натянул свитер, надел курточку, давно выцветшую и ставшую уже не по росту, одернул ее, словно вытягивая, и посмотрел в зеркало. Потом в прихожей, завязывая шнурки и видя, как все более выпячивается на туфле палец правой ноги из протертого, почти насквозь верха туфля, вдавил это место, топнул ногой, но ничего не изменилось, усмехнулся своему желанию поправить изъян, быстро выбежал из квартиры.

– Степа, ты что-то долго сегодня собирался? Спал что ли, и только проснулся? – недовольными голосами, почти одновременно проговорив, спросили друзья.

– Да нет, наоборот, я рано встал, правда, не вылезал из постели, дочитывал последние страницы книги. Мне был интересен конец всей описываемой истории, – боевито, с улыбкой, ответил он. Немного подумав, добавил, – рекомендую тоже прочитать. Потом я долго искал туфли, ведь совсем высохло под ногами, в ботинках уже тяжело. Вижу, и вы в туфлях, тоже весеннюю теплоту почувствовали.

Павлик посмотрел на основательно стоптанные туфли Степы, на его торчащий палец ноги на правой туфле, на стертые каблуки, остановил его и поставил свою ногу рядом с его вытянутой ногой. Поняв шутку друга, подставил рядом ногу и Коля. Сличая их сильную изношенность, довольные своей шуткой, глядя, друг другу в глаза, расхохотались, хлопая дру друга по плечам.

С юго-востока у горизонта показалась небольшая клинообразная плешь голубого неба, постепенно увеличивающаяся. По всему было видно, что день ожидается не только теплым, но и безоблачным, наконец небо очистится, засветит солнце. На ветках деревьев, на крышах домов, на электрических и телефонных проводах, на пристроенных у крыш скворечниках, сидели группами скворцы, иногда куда-то перелетали, непрерывно кричали, щебетали, свистали, как бы, стараясь, перекричать друг друга.

Не могли пройти мимо такого птичьего веселья и три друга, ос-тановившись, начали их копировать и свистом, что у них неплохо получалось, цоканьем языков и каким-то пением. Спohватившись, что они могут опоздать к уроку, сгорбившись, чтобы не растерять учебники, сжимая их под мышками, они наперегонки побежали в направлении школы и уже при звонке вбежали в коридор. Увидев их, остановилась у открытой двери в класс улыбающаяся учительница. Оглядев их снизу доверху, она вздохнула, пропустила в класс и вошла вслед за ними, здороваясь со всеми учениками.

Проверив по журналу наличие учеников, поставила еле заметную точку в клеточке напротив фамилии Потапова и спросила:

– Потапов, ты готов отвечать по теме домашнего задания?

– Да, попробую, – ответил Коля, и пошел к доске.

Он как-то медленно начал говорить, потом уверенность его все нарастала и нарастала, соответственно голос его тоже усиливался, стал похож, как бы, на докладчика с трибуны. Учительница от такого усердия заулыбалась, остановила его, попросила сесть на свое место и вызвала Борисова Павлика. Тот уже успел повторить далее по тексту и тоже начал уверенно отвечать. Анастасия Степановна и теперь, улыбнувшись довольной улыбкой, остановила его, отправив на место, попросила продолжить Степана Кузнецова. Когда тот завершил свой ответ, учительница для интереса задала несколько вопросов из прошлых уроков. Получив удовлетворение ответами всех троих, сегодня опоздавших учеников, она взяла ручку и громко, чтобы все слышали в классе, сказала:

– Молодцы, сегодня вы все трое заработали по пятерке. Ребята берите с них пример. Надо уметь так дружить и хорошо учиться.

На перемене, увидев на одном из своих сверстников, сшитые чужаки из какой-то прорезиненной ткани, они подошли к нему и стали расспрашивать, где он купил или сшил. Тот назвал дядя Игната, из будки по ремонту обуви. После уроков зашли в мастерскую. Узнав о возможности сшить такие же чужаки, как у своего товарища, обрадовались, но сразу были огорчены их стоимостью, поняв, что не смогут купить и за такую, казалось бы, низкую цену. Тогда дядя Игнат предложил скопать ему огород, а им обещал за это сшить чужаки, а еще лучше, если они под его надзором сами сошьют себе. Обрадованные ребята, не откладывая надолго, принялись копать участок. За три дня участок был готов, и дядя принялся учить их шить. После занятий в школе, они ежедневно приходили в мастерскую к дяде Игнату, занимали рабочие места и с увлечением орудовали, пыхтя и сопя, шилом и кривой иголкой с дратвой (крепкой льняной ниткой, натертой смолой), постоянно, спрашивая у дяди Игната, как лучше сделать тот или иной этап работы. Через неделю все трое пришли в школу в новых чужаках. От счастья они были на седьмом небе, постоянно поглядывали на свои ноги, на которых красовались новые темно-серые чужаки. Заметила их радостное возбуждение и их учительница Анастасия Степановна, и поняла, чем это вызвано, увидев их обновки. Придя в учительскую, она поделилась этой новостью с завучем школы. Та, зная из каких они семей, вздохнула и начала рассказывать в полголоса:

– У этих замечательных троих ребят очень схожее и трудное семейное положение. По разным причинам они остались без отцов. Матери их честные труженицы. У Коли мать учительница младших классов, у Степы мать работает в райсобесе, у Павлика на почте. Все они получают сущие гроши, прокормиться и нормально одеваться на эти деньги просто невозможно. Здоровье их тоже не радует. Вот и живут, перебиваются. Хорошо, что ребята степенные, не воруют, не хулиганят. Для этого тоже своя позиция необходима. Молодцы, учатся хорошо, знают, что достойную жизнь можно создать только своим трудом. Дети, но они всё видят, как кто живет. Мне их жалко.

Время шло, ребята росли, вытягивались, выросли. Они уже заканчивали девятый класс. До получения аттестата зрелости оставался всего один год. Через кого-то узнали, что пригородному совхозу требуются на лето на уборке урожая дополнительная рабочая сила. Съездили туда, поговорили с директором совхоза. Их обещали принять. И вот они в совхозе. После долгого раздумья, учитывая возраст и физическое состояние ребят, их определили штурвальными на комбайны, считая, что за время подготовки к уборке они познакомятся с устройством комбайнов, а уже в процессе жатвы изучат их основательно и справятся с обязанностью помощников комбайнеров. Радостные ребята с интересом включились в работу по ремонту комбайнов, помогая во всем опытным механизаторам, в то же время, изучая их устройство. Работали они с увлечением, пытаясь завоевать авторитет. Наконец наступило время уборки. С утра до позднего вечера, они на комбайнах. В сумерках смазка узлов, осей и всего что крутилось и терлось, подготовка комбайна к работе на завтра. Утром рано вставали, умывались, быстро завтракали и выезд на участок. Через каких-то часа два их лица, шея, руки становились черными от спор головни, есть такая болезнь у зерновых культур, у всех на лице выделялись только белые зубы. К этому они быстро привыкли и уже не смеялись друг над другом, как это было в первые дни работы. А как каждый из них радовался самостоятельному управлению этой сложной машиной. Надо было не оставлять нескошенными полоски густого стояния стеблей пшеницы, следить, чтобы как можно ниже они были срезаны, следить, работая штурвалом, чтобы не подхватить в хедер какой ни будь камень или предмет, который мог бы поломать приемный барабан и молотильные зубья, следить, чтобы все шнеки валов вращались и выполняли свои функции. Несколько дней они неустанно следили за действиями комбайнеров, работающих и руками, и ногами, переключая и нажимая разные рычаги и педали управления этого сложного меха-

низма. Наконец, им доверили сесть за штурвалы комбайнов. И вот их первые метры самостоятельного управления под незыблемым контролем комбайнера, готового в любую минуту вмешаться. Но, видя, что у ребят неплохо получается, комбайнеры все более и более доверяют им. Теперь они работают самостоятельно, даже без комбайнеров. С гордостью они ссыпали зерно из бункеров в автомашины, и, если шофер почему-то запаздывал подъезжать к комбайну, неистово сигналили, как и комбайнеры, громко ругая, чтобы тот поторопился. С какой гордостью они вечером возвращались на полевой стан, по-взрослому докладывая комбайнерам, сколько они сжали и загрузили машин. Потом, как это делали каждый вечер, они вместе с комбайнерами, снова заправляли комбайны горючим, смазывали узлы, промывали их радиаторы, мылись сами, ужинали и с чувством выполненного долга ложились спать, чтобы завтра, несмотря на сегодняшнюю усталость, надо было рано встать и начать работать.

На большой площадке тока, на которую ссыпалось зерно от комбайнов, работало много девушек на его очистке. Во время перекура ребята частенько оказывались около них. Те, иногда подшучивая над молодыми штурвальными, нередко валили их в бурты, засыпая зерно им за шиворот рубашек, или, играя, обливали из ведер с ног до головы холодной водой из колодца. Чтобы не остаться в долгу ребята проделывали то же самое, бегая за девушками между буртов зерна, иногда перепрыгивая или перелезая через них, догоняя шутниц. Так интересно закончилось их первое рабочее лето, так уж совсем быстро миновали, как им показалось, летние каникулы. Прошел последний месяц лета, уборка зерна закончилась, свои комбайны ребята почистили, помыли и поставили на специальной площадке на хранение до лета следующего года.

Деньги, впервые ими заработанные, с чувством гордости они принесли своим матерям. Те и не могли предположить, что их дети могут заработать такую сумму. Потом уже осенью, когда они уже учились, их пригласили и довели до сведения, что они могут получить причитающуюся им оплату еще и натурой, зерном, в совхозе, где они работали. Зерно можно продать и опять деньги, при том в их оценке, немалые. Их мамы договорились ехать туда в ближайшие дни, решив сразу продать его там же на месте.

За лето Степа, Паша и Коля не только научились управлять комбайнами, но и научились водить автомашины. Иногда водители, отвозящие зерно от комбайнов, давали им поездить за рулем их грузовых машин по полю под их контролем.

Мамы не могли нарадоваться своими взрослеющими детьми.

Чтобы как-то улучшить материальное состояние Маргариты Семеновны, матери Коли, дирекция школы, пойдя навстречу, предоставила возможность вести еще и группу продленного дня в своем классе. Соответственно, она стала получать, при невысоких ставках, все же почти в два раза больше. Теперь она находилась в школе две смены. В первую же получку, с учетом денег, заработанных сыном, сразу же купила давно облюбованные и понравившиеся ей для сына новые, хотя и недорогие, простые туфли, в которых он стал ходить в школу. Потом в следующие месяцы она обновила ему курточку, а затем, за несколько последующих месяцев набрала сумму, добавив из заработанных денег сыном на каникулах, на простенький костюм. Коля, как и большинство ребят класса, у которых были и работали на производствах отцы, стал ходить в чистенькой и новой одежде.

Мать, ежедневно, утром отправляясь на работу, выходила из дома с сыном, но далее она ехала до своей школы автобусом, а он пешочком с ребятами, до своей. Ото дня ко дню она видела, как ее, еще недавно маленький мальчик, на глазах взрослеет, у него поменялся и голос. Уже, практически по-взрослому, рассуждает, не по-детски многим интересуется. Стала гордиться им, его успехам, но и нередко плакала, и почему-то в последнее время больше, не от горя, к которому, за долгие годы ее непростой жизни, пришлось давно привыкнуть, а скорее от счастья. Как, например, вчера не удержалась от слез, когда увидела его в новом костюме,

в новых туфлях и новой куртке модного фасона. Он понял расстройство матери, подошел, обнял и почти, по-взрослому сказал:

– Не волнуйся, мама, все самое трудное позади, теперь и мы стали жить немного лучше. Вырасту, буду работать, совсем будет хорошо, потерпи.

– Миленкий, плачу-то я от радости, что ты у меня становишься уже таким взрослым. А в этой новой одежде ты просто сыночек из богатой семьи. Наконец-то я смогла более-менее тебя нормально одеть. Теперь тебе не стыдно и на людях показаться, и в школу ходить, – высказалась со слезами, но со счастливыми глазами мать, обнимая и целуя его.

Часть денег, из заработанных Колей, Маргарита Семеновна отложила на всякий случай. Впервые за многие годы у нее появились такая возможность.

Оставаясь одна, она часто вспоминала мужа, ведь сын во многом напоминал его. Черты его лица, вроде бы больше походили на нее, в то же время они напоминали Гену, даже его мимику, его улыбку, не говоря о цвете глаз, их прищуре, и волосах на голове, их жесткости и цвету, красиво укладывающихся в тот же чуб, с волной. Нелепая смерть мужа на третий год их совместной жизни, не выходила у нее из головы все эти годы.

Первый раз они встретились еще шестилетними детьми во время страшной войны, когда оказались на одной платформе поезда, готового вывезти их в тыл вместе с оборудованием эвакуированного завода куда-то за Урал. Несколько дней, уже разместившись по платформам, они бегали, играли около поезда на площадке завода, дожидаясь распоряжения об отправке. Там и познакомились. Родители их хорошо знали друг друга по совместной работе в одном и том же цехе завода. Тронулись в далекий и опасный путь в одну из ночей. Но на другой же день подверглись бомбардировке немецкими самолетами. Бомбили долго и постоянно. Самолеты улетали и снова с ревом прилетали. От взрывов, пыли и разлетающихся комьев земли ничего не было видно. Вместе с новым знакомым мальчиком их до этого усадили внутри какой-то большой детали, завалив проход разными железными щитами. Потом все стихло. Выполняя напутствия родителей, они не высовывались из своего убежища. Слышали душераздирающие крики, вопли, стоны. Через какое-то время, показавшееся им вечностью, все стихло и совсем рядом послышались голоса. Они не выдержали, стали пробираться сквозь завал, но детских усилий не хватало, и они в один голос заплакали. Их услышали. Мальчики лет по тринадцать – четырнадцать влезли на платформу, раскопали проход и вытащили их. Теперь перед их взором открылась страшная картина. Многие вагоны и платформы были перевернуты, некоторые лежали на боку, где-то что-то горело, заволакивая черным едким дымом, кругом без движения в разных позах лежали люди, одни вниз лицами, распластавшись, другие, скукожившись, третьи окровавленные в луже крови. Помнит, как она завизжала, увидев прямо у своего открытого вагона, оставшегося стоять на рельсах, около колеса, на шпалах, лежащую, словно заснувшую, родную мать, как упала она на нее, не понимая, почему она лежит без движения. Ее оттащили, и вместе с Геной потом повезли куда-то на бричке. После долгой тряски оказались в деревне, расположенной среди леса. Там, нечаянно, из разговора между соседями, они с Геной услышали, что их родные матери и отцы погибли во время бомбежки. Она заболела и долго лежала, не могла встать, за ней ухаживал Гена и мальчик хозяйки дома по имени Ваня. Затем приход немцев, какая-то стрельба, опять крики и плачь, а их снова отправили под пол в хате, в темный подвал, наказывая сидеть тихо. Мальчик хозяйки дома, вместе с матерью, выкопали в сарае большую яму, по ночам вытаскивая землю в недалеко расположенный пруд, хороня ее в воду, чтобы не видно было. Яму накрыли сначала досками, потом сеном, оставив небольшой лаз. Туда снесли и уложили много, много мешков с мукой, чтобы не увидели и не отобрали немцы. При выпечке хлеба муку вынимали из погреба только ночью, ночью месили тесто, днем топили печи, старались не привлекать внимания даже соседей, на другую ночь выпекали хлеб. Она неоднократно видела, как ночью, под утро, к хозяйке приходили какие-то люди и забирали выпеченный ею хлеб из той самой муки, видимо для этого и заготовленной, и как им же доста-

вали картошку из погреба. Хлеб и картошку грузили на лошадей и куда-то увозили тоже темной ночью.

От старших мальчиков и девочек, с которыми подружились, они слышали, что где-то на востоке, чуть ли не у самой Москвы, идет большое сражение. Вскоре шепотом стали говорить о партизанах, которые бесстрашно воюют где-то рядом.

В одну из ночей все были разбужены выстрелами, лаем собак и криками. Их, всех детей, снова немедленно посадили под пол, в подвал, приказав, без разрешения не высовываться, где они просидели до самого утра. Оказывается, за эту ночь в деревне сгорело несколько домов, немцы искали партизан.

Теперь открыто и громко заговорили о необходимости перебазироваться к партизанам на базу, организованную среди болот в лесах. Как-то ночью их погрузили на подводы и повезли, запретив громко разговаривать. Потом переправляли на лодках через какую-то широкую не то речку, не то ее широкий разлив, где их уже ожидали люди с автоматами и винтовками на ремнях через плечи.

Тетя Феня, у которой они с Геной жили, стала работать на общей партизанской столовой, а они с другими детишками помогали ей подносить воду, дрова. Часто привозили на лодках раненных, она, маленькая девочка, вместе с другими девочками ухаживали за ними. Несколько раз их пытались бомбить, но к счастью, бомбы взрывались рядом. Для обмана немцев там, в стороне, подальше, иногда зажигали костры. В лагере появилась тушенка, макароны, крупа. Партизаны радовались присланным боеприпасам, радиостанции, радиоприемнику и продуктам. Все это сбрасывалось с наших самолетов на парашютах. Уже летом им с Геной объявили, что их отправят на самолете на большую землю. Самолет прилетел ночью, и ночью они улетали. Их везли с двумя тяжело ранеными. Так они с Геной оказались на каком-то аэродроме Подмосковья, откуда их поездом решили отправить в Узбекистан, в Самарканд, в детдом. Об этом они узнали от назначенных для них провожатых. Таких, как они, здесь оказалось много. В Самарканде их с Геной, как и других детишек, помыли, постригли, поселили в разных комнатах, но в одном и том же здании. Здесь они жили, пока не закончилась война, продолжили жить и после войны, учась уже в школе и постоянно встречаясь. Роднее Гены у нее никого не было. За год до окончания десятилетки ее разыскала тетя и забрала к себе, а Гена продолжал учиться в ремесленном училище, немного поработал, потом армия. После школы поступила в педучилище, закончила и стала работать в одной из школ далеко от Самарканда, уже в России, куда ее увезла тетя. Связи между собой они с Геной не теряли, постоянно переписываясь.

Разыскивая племянницу Риту, тетя побывала в Брянске, откуда их эвакуировали вместе с заводом, разыскала оставшихся в живых работников завода после той бомбежки и всей войны. Выяснила, что ее сестра с мужем погибли, а куда исчез ребенок, никто не знал. В то время много людей теряли друг друга. Но потом кто-то рассказал о братском кладбище недалеко от железнодорожной станции у небольшого села, где похоронено много заводчан. Она поехала туда. Тете посчастливилось встретиться с хозяйкой дома, где им с Геной пришлось жить, той самой тетей Феней, чудом оставшейся в живых, но потерявшей всех своих детей. Узнала, как та приютила детей, оставшихся без родителей после бомбежки, которые прожили у нее больше полгода. Она же и поведала, что, опасаясь расправы немцев за помощь партизанам, детей из партизанского отряда, в число которых попала и ее племянница, потом отправили самолетом вместе с ранеными на какой-то аэродром в Подмосковье. Дальше след терялся. Тетя неоднократно писала в архив министерства обороны страны, в другие инстанции, но положительного ответа получить не могла. Время шло, и тетя уже смирилась с мыслью, что племянницы ей не найти. Думала, что может она сейчас носить другую фамилию, или могли же затеряться документы на нее в той самой бомбежке, где погибли ее родители, и потом в деревне, или партизанском отряде, в котором ей пришлось быть все же долго. Но мать Риты, перед эвакуацией, как бы предчувствуя, что дочь останется одна, метрическое свидетельство

и подробное описание места ее рождения и местожительства зашила в нее, в то время, новенькое пальтишко. По этим документам, которые теперь потребовались, ее и определили в детдом в Узбекистане, в городе Самарканде.

После войны, отдыхая в одном из санаториев в Сочи, тетя подружилась с женщиной из Ташкента, работавшей в прокуратуре. Слово за слова тетя в разговоре рассказала со слезами на глазах о своей печали, о без вести пропавшей племяннице. Та, тоже сердобольная женщина из Ташкента, уезжая домой из санатория, взяла адрес проживания тети и все данные ее племянницы, пообещав поискать ее в детдомах Узбекистана и других республиках Средней Азии вместе с работниками прокуратур городов, с которыми ей приходится часто общаться по различным вопросам ее работы.

И вот в один из дней, в почтовом ящике тети лежало извещение на получение заказного письма на почте. Получив письмо, она дрожащими руками кое-как распечатала его, и еще не прочитав до конца, поняла, что работница прокуратуры сдержала слово. Ее племянница нашлась в городе Самарканде.

О ее счастье узнали на работе, помогли деньгами, отправив в далекий Самарканд. На вокзале в Ташкенте ее встречала та самая работница прокуратуры, пригласив к себе домой, вместе с ней они поехали в Самарканд, нашли тот детдом. Радовались и плакали всем детдомом при ее встрече с племянницей. Всем детдомом и провожали их с тетей домой на городском вокзале.

Уезжая с родной тетей, всматриваясь в лица своих детдомовцев, своих подруг и товарищей, а им суждено было оставаться и надеяться на какое-нибудь чудо, она видела в их глазах не скрываемую печаль, в то же время какие-то проблески радости за нее, за свою уезжающую подругу. Им оставалось верить и надеяться, что, может быть, и им улыбнется счастье. И многие из них верили и долгие годы ожидали такого счастливого часа.

Провожать пришел и Гена, он не скрывал своего расстройств, отпросившись с занятий ремесленного училища, куда он устроился, чтобы приобрести специальность, но и продолжая учиться в школе. Несмотря на то, что они договорились поддерживать связь, писать друг другу, сдержаться он не смог. Сквозь слезы он признался ей в любви, говорил об этом, не стесняясь, и ей, и тете. Тетя обняла его, улыбаясь и тоже уже плача, пригласила к себе жить, сказав, что, как только он отслужит в армии, пусть тоже сразу перебирается к ней.

Каждую неделю Рита получала от него письма из Самарканда, а затем из армии с северного Кавказа. В каждом письме он подтверждал свою клятву в своей любви к ней и просил дожидаться его возвращения, предлагая разные варианты их совместной жизни.

Вспомнила, как он появился в военной форме, возмужавший, высокий, симпатичный. Он сразу же устроился на работу и, не откладывая, они пошли в ЗАГС, зарегистрировались. Тетя уговорила его жить у нее. Родился мальчик, по обоюдному согласию, назвали его Колей, как звали погибшего мужа тети. Но счастье продолжалось недолго. Купаясь в речке, Гена наткнулся на заброшенные рыбацкие сети, запутался в них и утонул. Только на второй день его нашли водолазы. Не прошло и года, тяжело заболела тетя Маша. Приходилось постоянно класть ее в больницу, но болезнь прогрессировала, спасти ее не удалось. Так и осталась снова одна, только теперь с маленьким Колей. С трудом, пришлось устроиться на работу педагогом младших классов в недалеко расположенной школе. Так и жили на маленькую зарплату педагога с сыном.

О всей своей жизни она недавно подробно рассказала сыну, когда поняла, что он теперь достаточно повзрослел и ему следует все знать о своих родителях и, как им пришлось еще маленькими пережить ужасы войны, лишения тех лет и еще преодолевать не совсем обеспеченную жизнь и теперь, еле укладываясь в зарплату педагога начальных классов в школе.

Коля и так был вежлив, старался помогать ей во всем, а теперь после ее рассказа, стал еще более внимательным, стал лучше учиться. Не стесняясь, поделился с матерью, что ему нравится девочка из его класса по имени Таня, они дружат.

Матери Степы, Паши и Коли знали друг дружку, встречаясь на родительских собраниях в школе, но близко не общались, хотя их дети дружили. Впервые они собрались вместе и поехали в совхоз, где работали летом на комбайнах их дети, чтобы продать причитающееся им зерно за работу. Там они провели целый световой день до самого вечера. Здесь они располагали достаточным временем поговорить, поделиться друг с дружкой о наболевшем.

У них было много общего, все они жили без мужей, одни воспитывали своих детей. Здесь каждый из них поделился своей судьбой. О чем бы они ни говорили, разговор затрагивал и их незабываемое детство, совпавшее с войной и первыми послевоенными годами, когда еще во многом ощущался недостаток.

Ольга, мать Паши, родилась и жила в полной семье в городе Орле. Отец был военным и с первых дней войны оказался в гуще военных действий. Вскоре город подвергся бомбежке. После длительного сражения город был занят немцами. Она плохо помнит лицо отца, скорее всего она его знает по фотографии, он как ушел на фронт, так больше и не вернулся. Только после войны ее мать узнала, что он пропал без вести впервые же месяцы войны. Оля хотя и была маленькой, и смутно помнила многие события, но хорошо запомнились ей годы оккупации, те голодные годы, как они голодали, как мать доставала пропитание и как кормила ее, оставаясь часто без еды, голодной сама. Уже более отчетливо помнит, как прятались в подвале дома во время боев за освобождение города, как вошли в город первые советские танки, как люди вылезали из подвалов, встречали со слезами радости своих освободителей. Видела и запомнила на всю жизнь, как плакали от счастья люди концу оккупации.

Нелегко сложилась жизнь без отца и после войны. Жили они с матерью в другом городе. Мать, не отличавшаяся здоровьем, работала, не покладая рук, но зарплата ее была небольшой, и денег постоянно не хватало. Несмотря на постоянные недостатки во всем, мать делала все, чтобы дать ей образование, в результате удалось окончить среднюю школу, поступить в техникум связи. Со дня окончания техникума работает на почте.

С тоской она говорила о первой любви к бравому парню, только, что устроившемуся работать у них в связи шофером. Дима был для нее не сказанным красавцем. Был весел, играл на баяне, хорошо пел, не менее хорошо танцевал. Она сначала боялась его, он часто шутил, трудно было ей домашней, не отесанной девчонке, понять, где он шутит, где говорить серьезно. Она отказывалась от его приглашений пойти куда-то с ним, даже в кино, куда охотно соглашались идти ее подружки. Но он постоянно увивался около нее, стараясь делать ей, какие-то одолжения. Так вышло, что она сама заинтересовалась им. Позволила проводить себя с танцев один раз, другой, так и поехало. Не стала сторониться его присутствия, стала ходить с ним в кино и на танцы. Не могла дожидаться субботы и воскресенья, когда мать ее одну отпускала из дому, вроде бы, с подружкой. Мать переживала за нее, когда она приходила позднее обычного. Правда, всегда помнила напутствие матери о девичьей чести. Так и влюбилась. Согласилась на его предложение быть его женой. Вышла замуж, через год родился Паша, вроде бы все было нормально. Через три года нормальной жизни мужу удалось купить старенькую машину, даже съездили на отдых на море, но стала замечать, что частенько после работы он стал приходить выпившим и всегда для этого находил оправданье, потом запил основательно. Никакие уговоры на него не действовали, давал слово прекратить пить, но через неделю, другую все повторялось вновь и вновь. Выгнали с работы. Устраивался куда-то, но до первой бутылки. Ездил на заработки куда-то на строительство каких-то ферм в колхозах, потом после долгого перерыва устроился работать вахтами где-то на севере, много зарабатывал, но почти и все пропивал. В конце концов, спился окончательно. Стал пропадать, не появляясь дома сутками. Потом ушел из семьи совсем, не объяснив причины, куда-то исчез, его поиски результатов не дали, пришлось расти сына одной. Зарплата была небольшой. Жили на небольшую пенсию матери и ее зарплату, а после смерти матери, только на ею заработанные деньги. Сейчас она работает начальником почты, зарплата стала большей. И вот подспорье, сын заработал за лето

неплохие деньги. Теперь она имеет возможность его одеть подобающим образом, будет ходить, не стесняясь, не хуже других. Говоря, о сыне, переживала, как бы он не пошел по стопам отца, не запил бы и не оказался бабником. Он уже сейчас является предметом внимания девочек, которые пишут ему откровенные записки. Она видит, как он перед выходом из квартиры прихорашивается перед зеркалом, улыбаясь самому себе, даже собираясь в школу. Видя это, она начала переживать за него. Мысли, что ее сын может унаследовать привычки отца, не покидали ее. Больно уж он стал похож на него внешне, да и его привычки он полностью копировал, только вежливость сына была другой. Хорошо, что он еще не курит, видимо, на него оказывают влияние его хорошие друзья. В то же время была довольна и горда, что ее Паша неплохо учится, считала в этом опять положительное влияние друзей Степы и Коли. Она часто была свидетельницей, когда Степа не соглашался идти куда-то играть, зная, что Паша плохо выучил уроки по тому или иному предмету. Садись и он при них, что-то заучивал. Потом они шумно, постоянно что-то обсуждая, выходили из дому и куда-то скрывались. Познакомившись, здесь в совхозе, основательно с матерями друзей сына, она поделилась с ними своими наблюдениями, что друзья в последнее время стали реже появляться у них дома, считая, что теперь они собираются у Степы или Коли. Но, выяснив, что и там они стали встречаться реже, еще более забеспокоилась, зародив и у подружек чувства какого-то сомнения и переживания, до того не свойственного им. Неожиданно вступила в разговор, до этого молчавшая Галина, мать Степы, наиболее степенного из их детей:

– Знаете, что я вам скажу подружки? Мы на своих детей смотрим как на маленьких, готовы продолжать их водить за ручки, а нам надо смириться с тем, что они уже выросли. Хотим мы этого или нет, они начинают жить уже без былой оглядки на родителей. Их поступками все более будут руководить гены наследственности, и правила поведения, которые мы успели им привить, и которые они сумели впитать сами из окружающей их обстановки, в быту, в школе. Наша задача теперь помогать им советами, особо не навязываясь, иначе перестанут слушаться нас, за глаза будут называть предками, как сейчас это принято у подростков.

После этих слов наступила тишина. Каждая из них знала, что ничего нового Галина не сказала, но заставила посмотреть на своих детей, как бы, со стороны. Действительно их дети выросли, в школе они учатся последний год, теперь надо думать об их взрослой жизни, предугадать которую еще никому не удавалось. Их первая с трудом решенная проблема – одеть детей не хуже других, теперь показалось мелочной, незначительной, каплей в море, в сравнении с предстоящими проблемами. Видимо, их мальчики начали встречаться с девочками, придется при их малом семейном бюджете, все же выделять им определенные суммы на развлечения. Надо подумать об их будущей специальности, учебе или работе после окончания школы и это уже никогда-то, а определяться надо уже сейчас, и чем раньше, тем лучше, учеба в школе заканчивается через несколько месяцев.

Ольга при этих мыслях взялась за голову, об этом она как-то предметно не задумывалась, конечно, знала про все это, но как-то откладывала все на потом. Ей захотелось завтра же пойти в школу, поговорить с учителями, узнать, как они отзываются об ее Паше, в смысле, возможности его поступления в институт, как он на самом деле учится, стоит ли надеяться, что он самостоятельно куда-то поступит учиться дальше. Прервав молчание, спросила Галину:

– Скажи, рассчитывает ли твой Степа учиться дальше? Он не говорил, кем хочет стать после окончания школы? Какая специальность больше всего его прельщает?

– Почему не говорил, говорит постоянно. Он хочет продолжить дело своего отца, который был хорошим инженером, ученым. Через два года после окончания института мой муж защитил кандидатскую диссертацию. Продолжал вести какие-то исследования. В свое время мы жили на Сахалине. Там мы с ним и познакомились, потом там же поженились. Он постоянно там у нас пропадал в длительных командировках, вел исследования от института. Подружился с моим отцом, у них что-то общее было по работе, и отец помогал ему. Отец старейший

работник нефтяной промышленности. Во время войны они тянули нефтепровод через Татарский пролив. Его из-за этого по брони на войну не взяли. Когда японцев изгнали с островов, мы и переехали жить в Южно-Сахалинск, так там и жили. Потом отец сильно заболел, и умер, а мы с мужем вернулись в город, где он работал в институте, и где у него была своя квартира. Теперь он уезжал в долгие командировки, а мы оставались одни с мамой, постоянно находясь в ожидании. Потом у нас родился Степа. У мужа была уже готова докторская диссертация, он должен был ее защитить, предполагая, полностью перейти на преподавательскую работу. Ему и место на кафедре предложили. Но его снова вызвали в министерство, и он опять поехал в командировку. Там, как потом нам сказали, на буровой нефтяной скважине произошел мощнейший взрыв. Больше мы его не видели. Так мы и остались одни. Мама умерла, а я долго болела. Потом продолжила учебу в институте. Жили на пособие за погибшего мужа и мою стипендию. Думала, что окончить институт сил у меня не хватит, но все же окончила, получила диплом, дали направление в министерство социального обеспечения, направили в этот город, так и работаю здесь. Сначала на самых низших должностях, с небольшими окладами, теперь дослужилась до начальника районного отделения, стала получать больше. Теперь и Степку одевать стала более-менее нормально, а то ходил во всем старом и облезлом. Так, что, подружки мои дорогие, судьбы наши удались незавидные. Теперь, когда материальные вопросы как-то решены, сами мы постарели, главной нашей радостью и заботой являются наши дети. Надо собирать опять эти проклятые деньги, чтобы ребята могли поступить учиться в институты, получить высшее образование. Без этого сейчас нельзя. Пусть Степа продолжить дело отца, тем более что он хорошо учиться. Я понимаю, как и вам одним трудно воспитывать своих мальчишек, сама тоже испытываю это, но надо еще напрячься, и главное настроить их, пусть не ленятся, учатся. Пусть пока сильно не увлекаются девчонками, будет потом у них на это время, а сейчас все усилия надо приложить к учебе, чтобы они окончили школу с хорошими оценками. Теперь мы должны контролировать каждый их шаг, пусть через день собираются у кого-нибудь из нас, чтобы мы могли быть спокойными.

После таких слов Галины матерям Коли и Паши стала ясна цель их подруги в отношении своего сына. Ее уверенность как-то передалась и им, и они тоже загорелись желанием дать высшее образование своим чадам. Теперь матери понимали, что потраченные усилия на их содержание и воспитание, это еще не все, оказывается, главное еще впереди. Приходилось мириться с понятием, что их дети уже выросли. Их установившиеся суждения, как матерей, о еще казавшейся абстрактной, какой-то далекой предстоящей не скорой взрослой жизни детей, суждениям, к которым они привыкли, и которым приходит конец, должны смениться конкретными решениями и желанием самих детей уже сейчас.

С таким настроением они вернулись из совхоза и выбрали момент обстоятельно поговорить с детьми об их будущем. Как потом выяснилось, их дети давно уже определились, кем они хотят стать, с учетом своих возможностей, приценились в каком институте могут сдать вступительные экзамены каждый из них. Степа, как самый усидчивый, серьезный, и пока круглый отличник, планировал попробовать свои силы поступить в Московский Государственный Технический университет им. Баумана. Коля, почти отличник, рассчитывал стать инженером, но еще не определился, какой институт ему выбрать, а Паша, подумывал поступать в народнохозяйственный, размышлял, какой институт выбрать, в каком городе учиться, здесь у себя в родном городе, или поехать тоже с ребятами в Москву.

Коля, Степа и Паша сегодня пришли в школу раньше обычного. Паша уселся доделывать домашние задания. Он вчера вечером рассчитывал выучить тригонометрию, но, возвращаясь с секции, где они все трое уже третий год занимаются каратэ, они встретили Аню из параллельного класса, поздоровались. Степа с Колей заспешили домой, а он задержался. Она, почему-то обратилась к нему, выясняя какой-то вопрос, не уточненный ранее.

На ней было новое пальто и какая-то своеобразная шапочка, придававшие ей привлекательный вид. В разговоре они переходили от одной темы к другой, стоя на тротуаре улицы, мешая прохожим. Отодвигаясь в сторонку, ближе к стене дома, освобождая проход, он как-то, не задумываясь, взял ее за руку, почувствовал приятную ее теплоту, она не только ее не убрала, а сама перехватила своей и уже держала его руку в своих обеих. Держа его руку, она весело и увлеченно продолжала рассказывать какую-то историю, поглядывая на него прищуренными, светящимися глазами. Он внимательно и с интересом слушал ее, не перебивая, иногда поддакивал или кивал головой, а она находила, о чем говорить, вовлекая его в дальнейший разговор. Уже стало темнеть, на столбах зажглись осветительные лампы, а они этого как бы не замечали. Начало подмораживать, откуда-то с востока потянул леденящий ветерок, пробирая их до костей, но им, почему-то, не хотелось расставаться. Как-то машинально, они начали понемногу притоптывать, а потом, уже, взявшись за руки подплясывать, не переставая разговаривать и одновременно посмеиваться, над вынужденным способом разогреться на холоде, да еще с ветерком. Аня, от которой исходила не скрываемая ею радость этой долгожданной встречи, вся светилась. Желая продолжить это приятное общение, она, вдруг, предложила:

– Паша, здесь мы с тобой замерзнем, нас сильно продувает, давай завалимся к кому-нибудь в подъезд, там все же теплее, чем здесь на открытом пространстве.

– А нас не выгонят? – спросил Паша, не менее обрадованный такому предложению Ани.

– Выгонят, перейдем в другой, так и будем переходить, – ответила Аня, тем самым, выразив свое желание, остаться вместе.

Такая озорная идея ему понравилась, и уже он тянул ее в ближайший подъезд. Жильцы дома еще возвращались с работы и с интересом рассматривали незнакомых им людей, вдруг оказавшихся в их подъезде, предполагая, чьи же это гости. К мусоропроводу, а они оказались на четвертом этаже, меняя свое пребывание, уже второй раз выходила из одной и той же квартиры полная пожилая хозяйка, недоверчиво всматриваясь в них. Пришлось спуститься вниз и осваивать другой подъезд. Здесь было тихо, спокойно, никто им не мешал разговаривать в полголоса. Как-то незаметно, они оказывались все ближе и ближе друг к другу и давно уже не разнимали своих рук. Им обоим все более приятным становилось их такое близкое общение. Он давно уже позабыл про не подготовленную к завтрашнему уроку тригонометрию. Хотя темой их разговора были и изучаемые ими предметы, но они вспоминали о них просто так, к какому-то сказанному слову или эпизоду.

Слушая Аню, он видел ее счастливые ласковые глаза, и совсем, совсем рядом ее приятные, почему-то влажноватые, розоватые губы, манящие его к их прикосновению. Впервые для себя и, видимо, для нее, он приблизился и поцеловал ее. Она не отпрянула, наоборот, как-то поддалась, прильнула к нему, он почувствовал ее ответный поцелуй. Хотя это было недолгое, как бы мимолетное прикосновение, но оно понравилось ему, и как он чувствовал, ей тоже. Он посмотрел ей в глаза и не ошибся, ей это понравилось, она была не прочь повторить то же. Теперь смелее он обнял ее, целуя, почувствовал объятия ее рук. Вдруг, громко с каким-то скрежетом, загремел лифт, заставив их прерваться, не договариваясь, они побежали вниз. Выбегая из парадной двери, они были во власти только что постигших их, до сего неизведанных ими чувств, оба ощущали внутреннее тепло, но обжигающий холодный ветер охладил их пыл, тем более, по хорошо освещенной улице еще плотным гуськом быстро куда-то спешили люди. Оба поняли, что их общение затянулось, их дома ждут родители, и будут интересоваться, где они все это время пребывали.

– Паша, а нас же ждут дома. Я сказала маме, что выхожу на минутку, а мы проговорили с тобой не менее двух часов. Теперь надо придумать что-то в оправданье. Не скажу же я ей, что мы с тобой обсуждали заданные уроки в такое позднее время, да еще в чужих подъездах. Надо меру знать. Следующий раз не выпустят из дома. До свидания.

Она взяла его руку, и мягко, как-то многозначительно пожала ее, и побежала по направлению к своему дому, но потом вернулась, подбежала, обхватила его за шею обеими руками и крепко, как-то по-особенному, поцеловала. Он подхватил ее, прижал к себе и долго не выпускал из объятий, но потом ей удалось довольно легко выскользнуть из его рук, улыбаясь, вся сияя, побежала уже без оглядки. Только теперь он обратил внимание, как на них смотрела недалеко стоявшая старушка, одной рукой опирающаяся на клюшку, второй держала на длинном поводке спокойно взирающую на него собачку. Ему стало как-то неловко, ведь непристойно на виду у посторонних, им еще школьникам, так открыто выражать свои чувства, сорвался с места и побежал в конец улице, где был их дом.

Поднимаясь по лестнице в свою квартиру, зная, что его ждет мать и, наверное, уже волнуется, он пытался найти какие-то слова в свое оправдание, но ничего не мог придумать. Иногда ему и раньше приходилось врать по мелочам, но теперь другое дело.

Открыв дверь квартиры, он увидел расстроенный вид матери, и ее вопросительный взгляд. Ему стало жаль ее, он снял ботинки, куртку, подошел к ней, обнял и произнес:

– Прости мама, по дороге домой с занятий в секции каратэ, я встретился с девочкой из параллельного класса, зовут ее Аней, слово за словом, незаметно и проболтали все это время. Вот я и немного задержался. Ты не волнуйся за меня так, я же уже не маленький. Покушать, что-то есть, я что-то проголодался?

Мать, уже простившая его за задержку, прошла на кухню накрыла на стол, села напротив и стала смотреть, как он торопливо опустошает содержимое на тарелках. Он кушал точно так же, как и его отец. От этих воспоминаний у нее защемило сердце. Она встала, походила по кухне, стала немного успокаиваться, потом остановилась около него и произнесла:

– Паша, больше так не делай. Приучись заранее предупреждать. Я уже многое передумала. В голову лезло всякое. Я тебя понимаю, ты повзрослел, тебе хочется погулять, я не возражаю, но ты предупрежди – дай меня, пожалуйста, чтобы я знала, где ты находишься.

– Хорошо, мама, больше не буду, – улыбнувшись, ответил он, вспомнив довольно знакомые слова, которые ему не раз приходилось говорить матери ранее.

– Ну и хорошо, договорились, – довольная окончившимся разговором, проговорила мать и пошла, заниматься своими делами.

Паша, взял учебник по тригонометрии, лег на старенький диван с целью выучить новый раздел. Прочитав один раз, пытаясь выделить главное из прочитанного, он понял, что ничего не запомнил, попытался начать снова, но в голову ничего не лезло, смысл слов не соединился в единую нить. Незаметно учебник оказался у него на груди, и он уже незаметно, вроде не задаваясь целью, начал придаваться воспоминаниям об Ане, так неожиданно, оказавшейся у них на пути по дороге домой. Перед ним проплывали очертания ее лица, эти миленькие губки, оказавшиеся такими сначала мягкими и теплыми, какими-то инертными, потом изменившись, уже вроде как активными, ласкающимися, говорящие о чем-то новом, ранее не знакомом, но так желаемом. Эта сладостное ощущение первого в своей жизни поцелуя не покидали его еще долго, пока учебник не скатился с груди, не шлепнулся о пол, но и раздавшийся звук не отвлек его от таких сладких воспоминаний. Теперь он был не доволен собой, что согласился так быстро расстаться с Аней. Надо было уговорить побыть еще какое-то время вместе. Она снова стала появляться перед ним такой, какой он видел ее только что. Он еще не понимал своих чувств по отношению к Ане, но она уже его интересовала никак ранее знакомые девочки-одноклассницы, а как-то по-другому, и этот интерес увлекал его все больше и больше.

Назвать ее своей невестой он еще не мог, одной встречи для этого еще мало, да, какая может быть невеста в таком-то его возрасте, просто хорошенькая ласковая девочка.

Вдруг ему захотелось завтра же поделиться своим более близким знакомством с Аней, теперь поглощавшей все его сознание, с неразлучными друзьями, Колей и Степой. Представил, как они удивятся этому и еще более, когда узнают, что они с Аней целовались и не про-

сто так, а по-настоящему, как взрослые. Ведь из них он первый поцеловался с девочкой, вернее, не он ее поцеловал, а они вместе целовались. И он чувствовал, что ей это тоже нравилось не меньше, чем ему. Он долго размышлял, как им все это преподнести, не хотелось особенно хвалиться, мол, смотрите, каков он хороший, девочка его сама выбрала, в то же время, как не похвастаться, если это так было на самом деле. Потом представил, как они ему не поверят и будут над ним подсмеиваться, как над хвастуном. Об этом он как-то и не подумал. От этих мыслей, вдруг, возникшее желание поделиться с друзьями, о своем сокровенном, сразу отпало. «Ладно, об этом я с ними поделюсь потом когда-нибудь, когда уже будет возможным, чтобы никому не навредить», – засыпая, думал он.

Мать подняла с пола учебник, положила на стол, подошла по-ближе к сыну, вытянувшись во сне на диване, так и не раздевшись. «Да ведь он совсем стал взрослым, вон и усы скоро надо будет брить, и с девочками стал встречаться, может, пока еще и несерьезно, но уже встречается. Это видно по его глазам. Появилась какая-то Аня из параллельного класса, раньше он о ней ничего не говорил. Интересно, а как его друзья? Заметили ли их мамы какие-либо изменения в поведении своих детей? А может быть, Колю и Степу пока не затронули эти изменения?» – думала мать Паши, приготовившись его разбудить, чтобы он разделся, не помял одежду, и лег на свою кровать.

Она дотронулась до его плеча, он как-то вздрогнул, улыбнулся и повернулся на бок. Ей было жаль будить его, но она решилась, ведь сомнет всю одежду, снова еще раз дотронулась, потолкав слегка, потом сильнее, чтобы проснулся, наконец, и проговорила:

– Паша, встань, разденься и ложись на кровать.

Он молча встал, разделся и улегся, быстро уйдя снова в сон.

Все же не выученный урок, ответственность за который, видимо, отложилась где-то в подсознании, заставила его встать рано, он быстро позавтракал и побежал за друзьями поторопить их школу, рассчитывая выучить его перед занятиями в классе.

Паша успел выучить, учил он теперь основательно, почему-то уверенный, что его сегодня обязательно вызовут отвечать. Действительно, как только начался урок, учитель после некоторого просмотра журнала, посмотрел на него и вызвал к доске. Только что выученный урок он, конечно, ответил на пятерку. Его успеху не меньше самого радовались Коля со Степой. Так уж у них было заведено, переживать друг за друга. На большой перемене друзья, отправляясь в конец коридора, встретили снова Аню, вежливо с ней поздоровались, но она как-то своим взглядом заметно больше задержалась на Паше. Изменился в лице и Паша, его состояние тоже выдавали глаза, что не осталось незамеченным друзьями. Оставшись одни, Коля, решив подтрунить над Пашей, спросил:

– Паша, ты, по-моему, при встрече с Аней как-то покраснел, да и она как-то ступевалась. Это мне показалось, или здесь что-то есть, чего я пока не знаю?

– Тебе все же показалось, но Аня хорошая девушка и мне она нравится, скрывать не стану. Теперь я должен выяснить, как она относится ко мне. Ты как считаешь, я достоин ее? – не то, шутя, не то, серьезно, ответил Паша.

– А это недолго проверить. Давай пойдем в класс и прямо спросим при свидетелях, чтобы потом не отказалась, – шутил Коля.

– У меня в этом деле опыта мало, но, мне кажется, что обо всем этом громко не говорится, по крайней мере, до определенного времени. Коля, вот я, например, вижу, как вы с Таней с симпатией относитесь друг к другу. Это же прекрасно, но только ты почему-то всегда робеешь перед ней. Придется тебя на курсы какие-то определить. Как ты думаешь, я прав, Степа? – спросил Паша, с улыбкой до этого молчавшего и наблюдавшего за ними другом.

Коля от слов Паши ничуть не смутился, но не стал ни отказываться, ни что-то утверждать.

– Паша, по-моему, ты у нас скоро станешь в этих вопросах главным экспертом, – подытожил Степа, и все трое закатились от смеха, хлопая друг друга по плечам. И продолжил: – все с вами ясно, только не забудьте, потом, пригласить на свадьбу.

Это медленное и членораздельное заключение Степы, опять рассмешило их. Смеялись они этой полуправде и полу шутке, считая, что серьезно об этом говорить пока еще очень и очень рано, это будет когда-то потом, в перспективе.

Расставшись с Пашей, после пребывания в чужом подъезде, Аня тоже возвращалась домой окрыленная, ведь, наконец, ей удалось встретиться и поговорить наедине с мальчиком, который ей уже давно нравится, и не просто поговорить, а обратить на себя его внимание и даже поцеловаться, при первом общении. Об этом она, конечно, не думала и не мечтала. Уйдя и вернувшись, чтобы еще раз попрощаться, она попала в его объятия, и он стал ее целовать? С ошущением такой неожиданной встречи с понравившимся мальчиком, воплотившейся таким сближением, и ее первым поцелуем, она влетела в свою квартиру. Открыв дверь, она увидела одетого отца, готового куда-то идти в такой поздний час, и встревоженный, укоризненный взгляд матери. Она поняла, что причиной их тревоги стало ее долгое исчезновение. Ведь она побежала на минутку, как сама выразилась, к подружке взять обещанную выкройку на новое платье, понравившегося фасона, которое ей собиралась шить ее мать.

Отец стал быстро раздеваться, а мать спросила:

– Где же твоя выкройка, за которой ты пошла на минутку и исчезла на несколько часов? На улице ночь, а ты бродишь одна, не боишься хулиганов встретить?

Аня хотела соврать в свое оправданье, что они с подружкой болтали все это время, и не заметили, как оно пролетело, но, подумав, что мать не дай бог узнает, что она вовсе не была у подружки, решила не врать, а сказать, как было на самом деле. Дождавшись, когда отец ушел и уселся у телевизора, она приблизилась к матери и произнесла:

– Мам, прости, пожалуйста, но к подружке я не дошла.

– Как так, а где же ты все это время пропадала? – недоуменным голосом спросила она, не сводя с нее глаз.

– По дороге к ней я встретила Павлика из параллельного класса, он возвращался из спортзала. Вот слово за слово разговорились и проболтали все это время. Мама, я же ничего плохого не сделала, прости меня, если сможешь. А стояли мы недалеко от нашего дома, сначала на улице, потом во дворе, – рассказывала дочка матери, конечно, утаивая главное.

По тому, как дочка уважительно назвала имя мальчика и не заметила, как проболтали вдвоем столько времени, она догадалась, что может быть, ее дочка и встретилась с этим мальчиком нечаянно, но он ей нравится, и еще, что ее дочка уже выросла и удержать ее запретом в квартире теперь будет невозможно. Она также поняла, что, если она ее отругает, правду она от нее потом никогда не услышит. Она обняла ее и вежливо спросила:

– Он тебе нравится? Расскажи, каков он? Кто родители, ты видела кого-нибудь из них?

– Да, мама, он мне нравится. Он такой красивый, высокий, стройный, представительный, современный. Спортсом занимается. Их всегда с Колей и Степой можно видеть вместе, они неразлучные друзья. И все трое порядочные, степенные и учатся все трое хорошо. Говорят, что у них отцов нет, живут с мамами. Мать Паши, работает начальником почты. Вот, что я знаю о нем, – желавшая, чтобы с ее слов Паша понравился и ее матери.

Елена Николаевна, мать Ани, работающая бухгалтером в ЖЭК, конечно, знала нового начальника почтового отделения Ольгу Ефимовну, видела ее неоднократно, даже разговаривала с ней по какому-то вопросу, но это еще до ее назначения на должность начальника почты. Это была симпатичная русоволосая женщина, почти высокого роста, интеллигентного вида, но в совсем простенькой одежде и, как ей показалось, была чем-то постоянно озабоченной.

«Интересно, каков у нее был муж. Если Паша пошел в мать, то он должен быть таким же симпатичным, как и она» – думала Елена Николаевна, сидя напротив дочери, занятой запоздалым ужином и время от времени поглядывающей ей в лицо.

Аня, войдя в свою комнату, улеглась на кровать с еще не поки-давшей ее радостью такой неожиданной встречи с Пашей. Закрыв глаза, представила его лицо, его робкий неуверенный поцелуй, вопросительные взгляды, как бы извиняющиеся, потом радостные,.

Вспомнила как она опьяненная его поцелуем, сама прильнула к нему, готовая не отрываться, целовать, и целовать его бесконечно. Какой он был милый, радостный в это время, как он ласкался к ней. Теперь стала удивляться своей необузданной смелости, которую ранее за собой не замечала, ей стало как-то неудобно за свою проявленную смелость, за свое поведение. Ей стало жаль саму себя, ведь она не такая и ничего такого не хотела. Она просто влюбилась. Это впервые осознанное слово, казавшееся каким-то далеким, загадочным, значение которого свойственно кому-то другим, скорее героям романов и кино, теперь применимо и к ней. Да она влюбилась, влюбилась в этого симпатичного, высокого парня, лучше которого для нее никого нет. Она любит, и чувствует, что любима сама. И это блаженство продолжалось и потом во сне до самого утра, с этими же мыслями она проснулась утром, но пока не вставая с кровати, еще мечтала.

Мать украдкой поглядывала на сияющий вид Ани, сочувствовала ей, но сердце понемногу сжималось, щемило. «Рано, ох, как рано ее Аня засветилась, как бы из этого чего бы плохого не вышло, надо найти повод и поговорить с ней, она же пока такая глупенькая. И кто кроме матери, так нежно и кровно может пожалеть свою дочь, и кто может вразумить ее, чтобы не натворила глупостей? Ведь ей еще надо учиться и учиться. Дочь стала уже взрослой и повзрослому с ней надо вести себя», – думала мать.

В один из дней, собираясь, после занятий домой, Паша подошел к своим друзьям, ожидающих его, и смущенно вымолвил:

– Ребята сегодня я с вами домой не иду, у меня дела, какие, потом я вам о них постараюсь рассказать.

– Не идешь, не надо, мы не заблудимся. Что передать матери, если искать начнет? – спросил Коля, с ухмылкой и многозначительно поглядывая на друга.

– От тебя не скроешься, Коля. И до всего тебе надо докопаться, притом до конца. Вон Степка, тоже знает не меньше твоего, а молчит скромно, ни во что ни вмешивается. А ты без этого не можешь, – ответил Паша, думая, что дал достойный ответ другу.

Но вдруг, подойдя ближе, заговорил Степа:

– Паша, конечно, это твое личное дело, но не забывай, что завтра у нас сочинение, а ты, как я понимаю, не совсем готов, надо было бы за книгами посидеть. Сейчас смеркается рано, а вечером тебя за книги усадить трудно, это ты сам знаешь.

– Ребята, вы, что серьезно думаете, что я исчезну до вечера? Я просто хочу поговорить с Аней по пути до дому. Мне есть, что сказать ей. Думаю, это не повредит подготовке к сочинению, – уже совсем серьезно говорил друзьям Паша.

– Хорошо верим, но проверим, – снова проговорил более миро-любиво Степа, поглядывая на друга.

На ступеньках школы появилась Аня, она смотрела по сторонам, явно кого-то высматривая. За Пашу решил отозваться Коля:

– Аня мы здесь, – когда она подошла, продолжил, – мы решили проводить тебя домой втроем. Ты не возражаешь против такого нашего предложения и желания?

Та растерянно осмотрела всех троих, остановилась недоуменным взглядом на Паше, не понимая, что это значит, и смущенно, но уверенно, ответила:

– Конечно, не возражаю. В такой компании даже интересно побывать, узнать, откуда у вас берутся столько тем для разговоров и каких-то обсуждений. Мне до сегодняшнего дня никогда не приходилось бывать в таком близком общении с мальчиками.

– Ты, Аня, извини, я пошутил. Пошли Степа, нам с тобой есть, о чем поговорить, – успел сказать Коля, как рядом оказалась Таня, и не одна, а с подружкой Ниной.

Коля изменился в лице, заметно было, как он стушевался, от былой его уверенности ничего и не осталось.

Таня с улыбкой произнесла:

– Коля и Степа, вам некого проводить? Проводите нас.

От этих слов Коля, сначала стушевался, даже покраснел, потом снова как-то воодушевился, заулыбался, и умоляюще, вопросительно поглядывая на Степу, сказал:

– Мы с большим желанием, верно, я говорю, Степа?

– Конечно, я согласен, и с удовольствием составлю вам компанию, – ответил Степа.

– Я предлагаю пройтись по скверу и соседней улице. А если не возражаете, давайте, как сделаем уроки, соберемся, сходим и посмотрим какой-нибудь фильм, – предложила Таня.

Это предложение всех заинтересовало, и все сразу согласились.

Сделав крюк через сквер, сначала общей компанией, потом, рассредоточившись на три пары, дошли до дома девочек, и ребята, надолго не задерживаясь, побежали домой, чтобы сделать уроки, повторить материал к сочинению и успеть, по договоренности, на первый сеанс кино, начинающийся в пять часов.

Приготовив уроки, и собираясь в кино, каждый из них соврал своим родителям одинаково. Не дождав их с работы, написали записки, что идти в кино собираются всем классом. Ребята, придя пораньше и взяв билеты, поджидали девочек. Но вот они все в сборе, вошли в зал, нашли свои места, но садиться замешкались, не зная, как же разместиться. Не сговариваясь, Аня села рядом с Пашей, Таня с Колей, а Нине оставалось сесть со Степой. Если Паша уже разговаривал о чем-то с Аней, Таня увлеченно что-то рассказывала Коле, Степа, почему-то, не находил темы для разговора с Ниной. Тогда Нина решила взять инициативу на себя:

– Степа, я много времени сегодня потратила на решение задачи по алгебре, вроде бы решила, ответа в задачнике нет, чтобы сопоставить, теперь думаю, правильно ли я решила. Ты тоже, наверное, решил ее, может, после кино посмотришь мое решение?

Вот по таким вопросам Степа мог говорить часами, это был его конек, и он начал объяснять, как решаются такие задачи. Он хорошо помнил все формулы и, даже, все цифры из задания. Он задал ей несколько вопросов, но не получив вразумительных ответов, пообещал, после кино зайти и посмотреть ее решение, и, если возникнут вопросы, объяснить, как это делается.

Свет в зале погас, начали показывать какой-то научно познавательный киножурнал. Степа и здесь снова со знанием темы, стал давать обстоятельные пояснения. Нине нравилось его логические суждения, он приводил много каких-то данных, откуда-то и когда-то вычитанных, и запомнил их, его было интересно слушать. Когда какая-то тема менялась, Нина находилась и задавала вопрос по другой теме, по которой он также со знанием дела, увлекаясь, рассказывал. Нина не переставала удивляться багажу его знаний. Она тоже неплохо училась, но о многом вспоминала только тогда, когда Степа что-то приводил и довольно точно. Сама бы она этого вряд ли вспомнила.

Нина видела, как Паша с Аней давно сидят, взявшись за руки, думая, что, в темноте зала невидно этого, и часто наклонялись друг к другу. Коля с Таней тоже сначала сидели просто рядом, но потом Таня сделала так, что, Коля уже держал ее руку двумя своими, близко к ней наклонившись, иногда о чем-то перешептываясь. Она сидела рядом со Степой, разговаривать уже было нельзя, надо было смотреть на экран, но, видя его друзей и подружек, как они взаимно держатся за руки и часто посматривают друг на друга в полутемноте, тоже решила действовать.

Наклонилась к Степе, беря его руку, смущаясь, тихо спросила:

– Степа, тебе не холодно? Пощупай, какие мои руки холодные, давай я погрею в твоих теплых, хотя бы недолго. Не возражаешь?

– Нет, не возражаю, я с удовольствием их погрею, – ответил Степа, накрывая ее руки своими большими ладонями.

– И еще, что-то вся мерзну, можно я к тебе прижмусь? – дополнила она свое желание.

– Конечно, можно, какой вопрос, прижимайся, – ответил он, держа ее руки в одной своей, другой обнял, прижимая ее к себе, и больше не отпуская.

«То-то, давно бы так, сам не мог догадаться. Придется мне самой проявлять инициативу с этим тюфяком. Парень как парень, и умный, симпатичный, высокий, здоровый, а какой-то инертный, не решительный и стеснительный. Какой-то, не современный. Интересно, а мне именно такой и нравится» – думала Нина.

Мелькнули последние кадры фильма, в зале зажегся свет, все встали, засуетились, а три пары невозмутимо сидели, как бы ожидая дальнейшего продолжения. Первым нашелся Степа, подавая руку Нине, помогая встать, и обращаясь к ребятам, произнес:

– Фильм, конечно, хороший, но не настолько, чтобы оставаться на повторный сеанс, да и билеты снова попросят. Поэтому прошу вставать и идти на выход.

Всем стал понятен далекий намек, сказанный Степой. Девчонки сразу встали, а Коля с Пашей с улыбками продолжали некоторое время неподвижно сидеть.

– Скажу более прямо. Понравилось? Хорошего понемногу, пошли, – снова, но более уверенно и твердо произнес Степа, на этот раз пошлепывая Павла по спине.

Теперь все встали и побрели к выходу. Выйдя на улицу, неожиданно для всех, Степа остановился, подождал, когда все подтянутся поближе, произнес:

– Ребята, извините, мы с Ниной покинем вас, я пойду, посмотрю, правильно ли она решила задачу по алгебре, если нет, помогу разобраться и решить.

Он взял ее за руку, и они быстро зашагали на автобусную остановку. Оставшиеся переглянулись, удивленные прыткости Степы, которого все они считали каким-то увальнем, и разом громко рассмеялись. Паша не выдержал и с удивлением вымолвил:

– Ну и Степа удивил. Если кто-нибудь мне рассказал, что он в первый вечер знакомства с девушкой, пошел знакомиться с тещей и тестем, не поверил бы. Возьмет еще и раньше времени жениться. Вот да Степа, молчал, молчал и оторвал. Не каждый на такое решится. Да и Нина, какая, сразу быка да за рога. Вот так Коля, а то ты считаешь себя смелым, а при Тане робеешь, становишься каким-то не решительным. Правду я говорю, Таня?

Таня, покраснев от такого прямого вопроса, поглядывая на еще более растерявшегося Колю, подбирала слова, как ответить Паше, потом нашлась и отшутилась:

– Паша, не вгоняй в краску, мы с Колей как-нибудь сами разберемся. А если уж возникнуть затруднения, тогда уж обратимся к тебе. Коля пойдем. До свидания, до завтра.

Она взяла за руку Колю, и вместе побежали к подъехавшему к остановке автобусу, войдя в него перед самым закрытием дверей. Паша, не ожидавший такого поворота в действиях его друзей, улыбнулся многозначительно Ане, взял ее за руку, и медленно побрели, беседуя и обсуждая сегодняшние обстоятельства до кино и после него, не переставая удивляться проявленной ретивости Степе и находчивости Тани, сумевшей так ответить.

Сегодня Аня предупредила родителей запиской, что пошла вместе с классом в кино, поэтому домой особо не торопилась, как не торопился и Паша. Нашли место в сквере, на дальней уединенной скамейке, и уселись. Паша покопался в кармане куртки, достал припасенные для такого случая несколько шоколадных конфет и угостил Аню. Разговаривая на разные темы, они, не договариваясь, оглядывались по сторонам, и по взаимному согласию целовались, испытывая взаимное наслаждение и удовлетворение.

Нина и Степа, проехав две остановки автобусе, сошли недалеко от дома Нины и, не спеша, пошли по направлению к дому. Нина знала, что ее отец находится в командировке,

а мать после работы решила зайти к подружке, и пригласила Степу домой. А он принял ее приглашение за чистую монету, согласившись решать с ней задачу. Он даже не спросил, почему она сейчас не торопится домой, доделывать урок. Ей нравилось впервые вот так открыто повзрослому, у всех на виду, прогуливаться по улице, не стесняясь, что увидят и что потом скажут соседи и знакомые. С ней был рослый, симпатичный парень и ей хотелось, чтобы их видели, как можно, больше знакомых. Она не переставала что-то ему рассказывать, а он внимательно слушал, иногда что-то переспрашивая. Попросила его рассказать что-нибудь о себе. Он как-то смутился и ответил, что ему и рассказывать то, вроде бы, нечего, но преодолевая свое смущение, стал рассказывать:

– Живем вдвоем с матерью, которая с недавнего времени работает начальником отдела соцобеспечения. Отец погиб на взрыве – шейся буровой, на Сахалине, где он проводил какие-то исследования, находясь в командировке. Мама говорит, что он был хороший ученый, защитил кандидатскую диссертацию, почти приготовил докторскую, но защитить ее не успел. Его пригласили на кафедру в институт на преподавательскую работу, но поработать ему не пришлось. Его послали в очередную командировку на нефтепромыслы. Кто знал, что там произойдет такая катастрофа.

Так разговаривая, они подошли к входной двери квартиры, в которой почему-то не хотел открываться замок. Его помог открыть Степа. Сняв свои простенькие туфли и такую же куртку, которыми он еще продолжал гордиться, приобретенными в начале учебного года на им заработанные деньги в совхозе и добавленные матерью, и прошел в гостиную. В отличие от их небольшой двухкомнатной квартиры, у Нины была просторная трехкомнатная, обставленная модной, сравнительно новой мебелью какого-то гарнитура. На тумбочке стоял цветной телевизор, в отличие от их небольшого, черно-белого, на другой тумбочке лежал магнитофон. Стояли какие-то вазы, в одной были еще свежие цветы, в другой искусственные, но умело сделанные. Через стекло серванта можно было рассмотреть выставленные сервизы, множество всевозможных по размерам рюмок, фужеров, бокалов. Такого, конечно, у них дома с матерью не было, они о таком пока не мечтали и не задумывались, у них с матерью были свои совершенно другие заботы.

Нина, переодевшись в другой комнате, вышла к нему, сидевшему в мягком кресле. Теперь без куртки она выглядела совсем другой. Он невольно загляделся на нее, что ни осталось не замеченным с ее стороны, она мило улыбнулась, прошла в кухню, принесла вазу с красными крупными яблоками и два ножа, положила на середину стола. Потом пригласила его помыть руки. Здесь, в ванной, тоже было ни как у них. На стенах белый кафель, блестящие ручки на кранах. Нина подала чистое полотенце. Присев вместе с ним к столу, она принялась, работая ножом, чистить от кожуры яблоко, приглашая его последовать ее примеру.

Степа, скушав одно, стесняясь, отказался от предложенного Ниной другого. Нина принесла из кухни чайник, конфеты, какие-то ранее не пробованные им печенья, налила в бокалы чая и принялась пить, предлагая ему отведать и разные печенья. Не то от дружеского расположения Нины, не то от выпитого чая, он взбодрился, перестал стесняться и у них завязался разговор. Только через какое-то время он вспомнил для чего он сюда пришел и напомнил Нине, что они совсем забыли про алгебру. Она как-то виновато и неопределенно улыбнулась, и сказала:

– Степа, может нам плюнуть сегодня на эту алгебру, у нас такой сегодня не обыкновенный день.

Он вскинул на нее недоуменный взгляд и увидел ее изучающие, а потом довольные и веселые глаза, в которых высвечивался какой задорный многообещающий и в то же время ласкающий огонек, по которому он догадался, что он Нине интересен вовсе никак помощник в решении задачи. Она предлагает ему свою дружбу. Он приблизился к ней, даже почувствовал ее взволнованное дыхание, внимательно посмотрел ей в глаза и неожиданно почувствовал, что

ему хочется поцеловать ее, но, испугавшись своих мыслей, замешкался в нерешительности, но сказал:

– Нина, какая ты симпатичная. Мы могли бы встречаться?

– Не только могли бы, я очень и очень этого желаю. Ты мне тоже симпатичен, – ответила она, и приблизившись к нему, закрыв глаза.

Он неумело, стеснительно побаиваясь, нерешительно обнял ее, и, почувствовав, что она подалась к нему, так что ее лицо и губы оказались вплотную к его лицу, он поцеловал и быстро отстранился. В один миг Нина обвила руками его за шею, подтянувшись на цыпочках, прильнула к его губам и долго не отпускала. Вдруг послышался какой-то глухой удар в входную дверь, они в испуге, что к ним войдут, отпрянули друг от друга, опустили на стулья, оба красные, возбужденные и счастливые. Нина, чтобы погасить свое возбуждение, направилась в свою комнату и вскоре вернулась с тетрадями и сборником задач по алгебре. Степа стал разбираться в ходе ее решения, а Нина объяснять, как она это решала и почему так, разыскивая свои черновики. Через какое-то время в замке двери послышался звук ключа, дверь открылась, и из прихожей послышался голос матери Нины, откуда-то вернувшейся:

– Нина ты дома, помоги мне с сумками, все руки оттянули. Нина встала и побежала помочь матери. Из прихожей Нина несла сумки, а мать, тяжело дыша, шла вслед за ней. Увидев чужого молодого человека в комнате, она с интересом и внимательно осмотрела его и произнесла:

– У нас сегодня гость?

– Мам, познакомься, это Степа, одноклассник. Мы решаем задачи по алгебре. Я вообще то решила, но сомневаюсь, правильно ли, – проговорила Нина, немного покраснев.

– Очень приятно, меня зовут Антонина Степановна, – представилась мать Нины.

– Здравствуйте, Антонина Степановна, – поздоровался Степа.

Мать прошла на кухню, а они продолжили решение задачи. Степа быстро нашел ошибку подруги. Нина исправляла свое решение, а Степа диктовал ей, потом она переписала исправленное, и громко произнесла, чтобы слышала мать:

– Спасибо тебе, Степа. Оказывается, здесь не особенно и сложно. Надо было немного поработать мозгами и сообразить.

Степа помялся немного и пошел к вешалке одеваться. Видя, что гость уходит, из кухни к ним вышла Антонина Степановна и, обращаясь к дочке, сказала:

– Ты гостя угостила бы обедом. Наверное, не догадалась. Садись, я сама теперь на стол соберу.

– Спасибо, Антонина Степановна, Нина не забыла угостить, мы выпили чаю с вашим вкусным печеньем. До свидания, мне надо уходить, я и так засиделся у вас.

Нина пошла, проводить гостя на лестничную площадку, предполагая еще немного пообщаться с ним, но здесь то и дело появлялись соседи, возвращающиеся с работы, мило и с интересом здороваясь с ней. Потом все как-то стихло. Они отошли в сторонку. Осмелев, Степа нагнулся, обнял Нину, и украдкой на прощанье поцеловал ее еще раз. Счастливый и радостный он с шумом побежал вниз по лестнице, отстукивая каблуками. Нина, возвращаясь в квартиру, думала, что говорить матери о сегодняшнем визите Степы. Обманывать она не собиралась, этого не скроешь, и прятаться не стоит, скажет, как есть на самом деле.

Войдя в комнату, она встретила вопросительный взгляд матери, ожидавшей разъяснений. Нина подошла к ней, приласкалась, как ручной котенок, и вместо каких-то вводных разъяснений, не стесняясь, спросила, наблюдая за выражением ее лица:

– Мам, тебе понравился мой жених? Правда, он симпатичный? Он круглый отличник в школе и вежливый такой, хотя немного странный, у него какие-то староватые, уж очень правильные суждения, и поведение его не совсем свойственно сегодняшней молодежи. Видимо это результат их непростой жизни. Он еще недавно ходил в потоптанной обуви и в выцветшей

одежде. В этом году он работал на комбайне вместе со своими товарищами, неплохо заработал, вот и приделся немного. Мам он мне уже давно нравится, ничего, что я с ним буду встречаться? Я же, как ты говоришь, стала взрослой?

– Милая моя, кого любить, с кем встречаться это тебе решать. Только не рано ли еще влюбляться, надо еще школу закончить, да учебу надо было бы продолжить. Я не хочу тебе запрещать встречаться с этим парнем, видно, что он домашний, воспитанный, вежливый, и может помочь тебе в учебе, но чтобы это было без ущерба занятиям, и чтобы помнила главную заповедь девичьего поведения до замужества, – отвечала мать, не предполагая, что так рано приходится говорить с дочерью о таких вещах.

– Мам, не маленькая же я, и не глупая. Конечно, обо всем этом я помню, не переживай за меня, ласкаясь к матери, говорила Нина. Потом продолжила, – мы сегодня в кино вместе ходили. С нами ребята и девчонки были с нашего и параллельного класса.

Послышался телефонный звонок, трубку сняла мать, из командировки звонил муж, предупреждая, что задержится еще на три дня, просил не волноваться.

Мать включила телевизор, как это делала каждый вечер.

Подойти Нину к ребятам, где был Степа, уговорила ее Таня. Сама она начала уже встречаться с Колей, который запал ей в сердце, считала себя более опытной и предложила свои услуги познакомить ее более близко со Степой. Таня знала, что ей нравится Степа. Знала от Коли, что Степу разогреть, как выразился Коля, много угля потребуется, поэтому посоветовала подружке взять инициативу на себя, как и она сама стала инициатором дружбы с Колей. Она была уверена, что из их тройки только Паша более смелый, он сам с кем захочет познакомиться и кого-то познакомит, а эти двое какие-то мамыны сыночки, без подсказки им не обойтись.

Степа оказался очень стеснительным и не активным. Благодаря своей подружке Тани, давшей столько наставлений, Нина себя не узнавала из-за своей напористой активности. У нее все получилось так, как хотела, как того желала. Правда, все же инициатором первого поцелуя оказался он, видимо, поняв ее желание. Как бы там не было, но это была не она, а он сам. Теперь, лежа на диване, отдаваясь воспоминаниям, Нина, как бы, вторично ощущала прикосновение его губ, и от счастья улыбалась. Она вытащила из серванта альбом с фотографиями и стала искать вспомнившуюся фотокарточку, где они были сфотографированы всем классом и по группам на субботнике, и еще раз внимательно принялась рассматривать себя с граблями в руках, замахивающуюся на Степку, и, конечно, более внимательно его. Он тоже улыбался, пригибаясь, как бы пытаясь увернуться от граблей. Рядом стояла Таня, смеявшаяся открытым ртом до ушей. С фотографией она ушла в свою комнату, с ней же и уснула.

Дойдя до своего дома, Таня предложила Коле пойти на детскую площадку, опустевшую к этому времени, найти место и посидеть где-то там. В сторонке, менее освещенной большим фонарем на высоком столбе, была небольшая скамеечка, на ней они и обосновались. Продолжили начатый разговор о Степе с Ниной, потом незаметно перешли на взаимоотношение Паши и Ани. Вечер, как будто, был не холодным, но, посидев какое-то время, они начали ощущать свежий колкий ветерок. Волей, не волей, им пришлось ближе прижиматься друг к другу, взаимно согреваясь. Иногда она поднимала голову, поглядывая ему в глаза. Ее губы были так близки, сами просились к поцелую, чего он не выдержал и на этот раз, прикоснулся к ним своими. Почувствовав, как она тоже прильнула к нему, он смелее и все дольше и дольше не отрывался от ее губ, испытывая блаженство, счастье и не преодолимую радость. Теперь от его робости к ней ни осталось и следа.

Для нее он, в данный момент, стал неузнаваемо смелым и активным, она уже давно дожидалась этого часа, и вот он настал. Она хотела его видеть и чувствовать именно таким, каков он был сейчас. Об этом она сегодня, шутя, говорила Нине, и вот ее до того всегда не смелый Коля, боявшийся прикоснуться к ней, теперь не может оторваться от поцелуя и держит ее так

и в таком месте, где ей очень и очень нравится. Она полностью отдавалась его поцелуям, и сама целовала, наслаждаясь своим счастьем.

Они давно забыли начатые и не оконченные темы их общего разговора, сейчас было не до них, сейчас главными для них стали их близкие и желанные объятия и поцелуи. И сколько продолжалась бы их идиллия, не известно, если не послышался бы шум откуда-то из темноты, не ко времени, появившейся собаки и окрики ее хозяина, в котором Таня узнала соседа по лестничной площадке, дядю Сергея. «Интересно он видел, как мы целовались с Колей, или не заметил? Как он быстро подошел сюда, к нам, к этой уединенной скамейке? Видимо, он часто здесь бывает, прогуливая собаку по вечерам. Если шел быстро, то, скорее всего, оказался около нас, когда мы уже закончили целоваться, а если медленно, то мог и не видеть. Но если даже видел, может, и не угадал меня, здесь многие, видимо, уединяются. Я не стесняюсь быть с парнем, но не хотела бы, чтобы соседи видели, что целовалась. Могут и сплетни пойти, всякие пересуды. Дай людям только пищу для этого, все косточки перемелют», – думала Таня, не рассчитывая оказаться в такой ситуации, да еще на виду у соседа, с которым квартиры были рядом на одной лестничной площадке.

Сосед, не задерживаясь около них, крупно зашагал с поводком в руках за пробежавшей собакой, продолжавшей вилять из одной стороны в другую. Таня была не из робких девочек, но почувствовала, что ее ладони вспотели, был мокрым и лоб.

Не выдержав, она проговорила, все еще машинально продолжая потирать друг о дружку свои ладони рук:

– Слава богу, пронесло. Ходят здесь всякие, да еще с собаками, не сидится им дома даже ночью.

– Ты это о чем, Таня? И голос у тебя какой-то, вроде, испуганный Ты, что собаки испугалась? – видя изменившееся состояние Тани, спросил Коля, взяв ее снова за руку и ощутив влажность ее ладоней, продолжил, – да, у тебя и руки вспотели. Не знал, что ты такая трусиха. Не бойся ни людей, ни зверей. В обиду тебя я не дам, – не то в шутку, не то всерьез, произнес он уверенно.

– Будешь трусихой. Это был мой сосед по лестничной площадке, у нас входные двери в квартиры рядом. Они с женой часто у нас пропадают. Вдруг завтра, а то и сегодня, все родителям расскажет. Каково мне будет? – ответила она.

– Ну и что сосед, не укусил же. Только не поздоровался, как это делают нормальные и воспитанные люди, увидев знакомых, вот это плохо, – снова проговорил, желая как-то вывести ее из испуганного состояния, Коля.

– Да не того я испугалась, о чем ты думаешь, а что сосед видел, как мы целовались. Это ты понять можешь? – уже с раздражением в голосе говорила Таня.

– Ну и что здесь такого? Что он сам не был молодым и, скажешь, не целовался? Ты мне скажи, кто не целуется из ребят и девчонок?

Успокойся и ни придавай этому значения. Умные поймут, а другие пусть говорят, – продолжал он успокаивать подругу.

Говоря это, он прижал ее еще ближе к себе, заглянул в глаза, но в темноте что-то увидеть было невозможно, стал целовать. Она хотела было, вывернуться, но теплота его губ и собственное желание перевесило все остальное, и она снова поддалась ему, наслаждаясь прелестью поцелуя, забыв и про непрошеного соседа, и его собаку, и что надо ухо держать востро, здесь могут оказаться и другие соседи. Снова сидели, обнявшись, говоря о чем-то, пока Таня не опомнилась, что уже поздно и надо расходиться по домам. Она решительно встала и, улыбаясь, проговорила:

– Хорошего понемногу. До свидания. До завтра.

Он еще раз, на прощанье, обнял ее, поцеловал и сказал:

– Вот теперь до свиданья, до завтра.

Подходя к остановке автобусов, он увидел тоже спешно шагающего Пашу. До дому одна остановка, можно было бы дойти и пешком, но было поздно, они торопились. Подошел автобус, запрыгнув в него последними, поехали, оба довольные и счастливые, пока ничем друг с другом не делясь.

Только на вопрос Паши, из интереса заданный:

– Ну, как друг, сегодня настроение?

Коля, улыбаясь ответил:

– Ничего, нормальное, как обычно.

На завтра утром, три друга опять вместе, спешат в школу, с книгами подмышками. По дороге, как обычно, Степа объяснял друзьям ту или тему по какому-нибудь предмету.

Сегодня у них в школе намечалось комсомольское собрание по вопросу улучшения успеваемости в старших классах, в том числе и в выпускных. Собрание прошло как обычно. Говорили, спорили, вносили предложения. Всем понравилось предложение Паши – создать группы по пять – шесть учеников во главе с сильным товарищем, хорошо знающим тот или иной предмет и готовить вместе домашние задания, тем самым подтянуть отстающих учеников. Особо это относилось к математике. Предложение Паши приняли. Своим предложением Паша предполагал сделать благородное дело – помогать в учебе отстающим ученикам сильными, о чем громко говорил, и одновременно создать условия, о чем помалкивал, но которыми могли воспользоваться многие из ребят и девочек для легального общения, не надо будет каждый раз придумывать свое исчезновение и задержку в вечернее время. Немногие сразу сообразили о выгоде таких занятий.

Первые недели таких занятий во всех организованных группах по взаимной симпатии дали свои результаты. Почти исчезли тройки, появилось много четверок и пятерок, педагоги не могли нарадоваться. Повысились оценки и в группе, в которой ответственным был Степа. В их группе, конечно, были три друга и три девочки, с которыми они дружили, и не только дружили. По двум последним контрольным работам по математике пятерки получили все трое ребят и Нина, у Аня и Таня твердые четверки.

Занятия проводились на квартирах девочек, по неделям. У всех у них были просторные трехкомнатные квартиры и у девочек свои комнаты. После занятий ребята провожали девочек до дому, иногда шли всей компанией, а иногда парами. Кто командовал и назначал время проведения занятий, когда и куда идти, ребята мало интересовались, они и не хотели этого знать, их устраивал любой вариант, им было весело и приятно проводить время со своими девочками, к которым они все более и более привыкали. Только более коротким было общение после занятий у девочки-хозяйки квартиры, у кого проводились занятия и ее партнера, который, как правило, быстро попрощался с ней и в одиночестве в этот вечер шел домой.

Родители, конечно, догадывались, а некоторые точно знали, что их дети не просто задерживаются с занятий, а завели себе подруг и друзей, и общаются между собой. Радовались своим повзрослевшим детям, одобряли их общение, в то же время переживали за них. Если на учебу это повлияло исключительно с положительной стороны, то о другом, чего никто из родителей не хотел, не желал, о чем боялись даже подумать, уж больно молоды они были, еще дети, хотя и повзрослевшие, приходилось постоянно напоминать, как вести себя.

В один из вечеров Паша, возвращаясь, домой, не доходя автобусной остановки, услышал быстро приближающиеся шаги, и не одного человека, он повернулся и увидел занесенную над собой палку, заставившую его машинально отскочить. Не успел опомниться, как его окружили ребята, оказавшиеся сердитыми, которых в полумраке ночи сразу узнать не мог, но они, видимо знали его. Круг сжимался, он почувствовал, что его хотят побить. Самый здоровый, видимо главный из них, прошипел:

– Мы же вас предупреждали, чтобы вы здесь больше не появлялись. Вы геройство проявляете? Сейчас мы тебя отучим, как сюда к нам захаживать.

В голове у Паши пронеслась мысль, что, может быть, его спутали с кем-то, но в свете фонаря он же различает их лица, значит, и они его хорошо видят, путаницы нет никакой. По их настрою было видно, что его хотят побить, значит, как-то надо обороняться. Вряд ли кто из них знает приемы каратэ, главное, чтобы не зашли сзади и не шлепнули, как хотели сразу, дубиной по голове. Отступая назад, он произнес:

– Ребята вы меня с кем-то, наверное, спутали?

– Ничего мы не спутали, сказали вам не появляться здесь, значит, и не появляйтесь, – раздраженно говорил ближе всех подошедший парень, готовый нанести удар.

Паша успел уклониться от удара, напрягся, подпрыгнул и, в один миг, врезал ногой в подбородок этому приблизившемуся крупному парню, тот как-то глухо ойкнул и повалился. Второй, из нападавших ребят, подскочил с левой стороны, пришлось ударить его по коленям и еще куда-то по голове, тот тоже повалился. Но в этот же момент увидел, с другой стороны, ту же дубину, опускающуюся над собой, уклониться от которой, он не сможет, поздно. От удара по правой стороне затылка у него потемнело в глазах, почувствовал, что падает.

Коля, тоже проводив Таню, направляясь к остановке, увидел впереди идущего Пашу, хотел окрикнуть, позвать его, но в это время того окружили какие-то люди, и набросились на него, завязалась потасовка. Он понял, на Пашу напали, хотят побить. На какой-то момент, оцепенев, он остановился, потом рванулся к ним, с разбегу сбил одного, второго и увидел, как Паша от удара дубиной по голове падает. Здесь мгновенно ему вспомнились все приемы каратэ, набитые на тренировках. Он легко подпрыгнул и ударил парня, держащего дубину в руках, в правое ухо, почувствовал, что переусердствовал, но уже было поздно об этом думать, тот, как пласт повалился. Еще двое сорвались с места драки и побежали. Он нагнал одного и сходу ударил в спину, тот распластался, ударившись лицом об асфальт. Второго догнать уже было невозможно. Коля вернулся к Паше, уже пришедшего в себя, но еще сидевшего на земле, ошупывая место удара. Его рука была в крови, в крови были его куртка и рубашка. Коля дал ему свой носовой платок, поднял его, отвел на остановку, посадил на скамейку и выбежал на дорогу остановить такси или какую-нибудь машину. Минут через десять они были уже в травматологическом пункте. Рану промыли, сказали, что удар пришелся вскользь, поэтому это не опасно. Но все же перевязали, просили, в случае головокружения, позвонить. Выходя из здания, Паша поблагодарил Колю за то, что тот вовремя вмешался в драку. Но не тот, ни другой не могли понять причину нападения этих неизвестно чем разъяренных им, людей, и главное в такой суматохе они не могли их, как следует рассмотреть, запомнить их лица.

По заведенному правилу, врачи, при обращении за помощью в травматологический пункт пациента с травмами, обязаны сообщать в милицию, они и сообщили. Не успели ребята выйти из этого кабинета, как подъехала милицейская машина, составили протокол, записали адреса и предупредили, что их вызовут. Коля с Пашей понимали, что нападавшим тоже досталось от них, но не знали, что трое тоже попали с сотрясением мозга в ближайшую больницу, а двое в тот же вечер, вскоре после их ухода, оказались в том же травматологическом пункте клиники. Кто-то позвонил в скорую помощь, видимо, все же тот убежавший парень, их подобрали и доставили сюда. Если бы Павел с Колей задержались бы минут на десять в медпункте, они увидели бы доставленных нападавших, и узнали бы причину этого нападения.

Мать Паши, дожидавшаяся возвращения запаздывающего сына, не находила себе места. Она знала, что из его товарищей, с кем он обычно бывает, ни у кого нет телефонов, как и у них самих, звонить можно было бы от соседей, но некуда. Она быстро собралась и побежала к недалеко живущему Степе. Он больше часа, как вернулся домой и, открыв дверь тете Оле, матери Паши, очень удивился такому позднему ее визиту и не менее был удивлен задержке друга. На всякий случай стал успокаивать ее, что, мол, никуда он не денется, сейчас придет, они, видимо, с Колей, где-ни -будь, забыв о позднем времени, беседует. На шум вышла мать

Степы. Узнав, в чем дело, тоже была удивлена такому обстоятельству, и принялась успокаивать подружку. Степа, успокаивая женщин, предложил:

– Теть Оля, давайте сходим к Коле, если его тоже нет, значит, они где-то вместе.

Он быстро оделся, и они пошли. Дверь им открыла мать Коли. По ее состоянию тоже было видно, что она очень встревожена. Сына ее тоже не было дома. Войдя в комнату, обе женщины тяжело опустились на стулья со слезами на глазах, не зная, что им предпринять.

В это время послышался шум вставляемого ключа в замочную скважину, но дверь была не заперта, ее открыли, и кто-то вошел в прихожую. Это был Коля. Увидев Степу и мать Паши, Коля понял, что это ищут их. Чтобы успокоить тетю Олю он сказал:

– Вы у нас? А мы были вместе, разошлись, я пошел к себе, а Паша к себе. Если бы знали, что вы здесь у нас, мы зашли бы сюда с ним.

– Где вы были, Коля? Так нельзя. Вы хотя бы посмотрели на часы, сколько сейчас времени? Гулять можно, но и за временем надо следить. И вообще, хотя вы и повзрослели, по ночам вам гулять еще рано. Завтра пойду в школу и выясню, кто это придумал собираться на дополнительные занятия в вечернее время. Бог знает, что мы с твоей матерью передумали за это время. По улицам ночью столько хулиганья шатается. Вы, что, тоже такими хотите стать? Посмотрите вон на своего друга Степу, он всегда вовремя домой приходит. Скажи, с Пашей все в порядке? – перестав возмущаться, спросила тетя Оля.

– Конечно в порядке, чего ему сделается. Тем более что мы были вместе. Он вас уже дома дожидается. Теть Оля, мы со Степой проводим вас, – ответил и предложил Коля.

– Проводите тетю Олю, а вернешься, я с тобой еще поговорю. С этого дня по вечерам дома будешь сидеть, – проговорила еще не успокоившаяся Маргарита Семеновна.

В это время, Паша, вернувшись, домой, войдя в квартиру и видя, что матери нет, разделся, снял повязку, спрятал ее, помылся, на голову надел спортивную вязаную шапочку, и принялся застирывать куртку и рубашку от крови. К его удивлению, кровь, еще не успев, как следует засохнуть, хорошо отстирывалась. Только успел он все убрать за собой, как послышался топот ног, вошла мать и его друзья. Он понял, что она его искала и была у кого-то из них дома. Увидев ее встревоженный вид, даже растерянность на лице, ему стало жаль ее. Он обнял мать со словами:

– Прости мам, мы с Колей после занятий остались музыку послушать, увлеклись. Когда спохватились, уже было много времени, да мы еще решили не автобусом ехать, а пройти пешком. Этого больше не повторится, я обещаю больше не задерживаться, без предупреждения. Успокойся, пожалуйста, а то при твоём виде мне тоже плакать хочется. Мам, я больше не буду.

Он соврал матери, скрыв, что на самом деле произошло с ним, желая ее успокоить, а последнюю фразу «я больше не буду» он говорил всегда, и уже став взрослым, извиняясь, тоном, напоминавшим ей те его детские годы. Когда он произносил эти волшебные слова, сделав какой-нибудь проступок, она его прощала. Мать, вспоминая те времена, сравнивала его уже большого с той крошкой, была готова простить и сейчас, хотя и не подавала вида, стараясь быть в данной ситуации серьезной и требовательной.

Ребята собрались уходить, Паша вышел их проводить, прощаясь, сказал Степе, что подробности он расскажет завтра, а основное ему сообщит Коля по пути домой. Степа, выслушав историю, произошедшую с его друзьями, проговорил:

– Коля, недельку назад ко мне подходили два парня там же на остановке, мне показалось, они были во хмеле, и предупреждали, чтобы мы отстали от их девчонок, то есть от Нины, Тани и Ани. Грозилась побить, если появимся там еще раз. Может, это и были те самые ребята. Один среди них был такой здоровый, шея бычья. Я не придавал этому значение. Помню, что я спросил его, «Ребята, вы в какое время живете?» Тот здоровый парень сквозь зубы процедил –

«потом узнаешь в какое». Я хотел об этом вам рассказать, но потом как-то забыл, думая, что всяких «проходимцев на свете много». Как видишь, я не придавал этому значения.

– Ты лица ребят запомнил, которые тебя предупреждали, -пораженный рассказом друга, спросил Коля.

– Если еще раз увижу, конечно, вспомню, – ответил Степа.

– Эх, Степа, Степа, если бы ты про это чуть раньше сказал, всего этого не было бы. Ты знаешь, нас, наверное, в милицию вызовут. В порыве гнева мы так им вложили, наверное, не скоро на ноги встанут. Из-за Пашиной раны мы сами поехали в травматологический пункт, а там порядок – сразу сообщать в милицию. Ну и записали наши адреса, составили протокол, сказали, что вызовут для уточнений. Теперь неизвестно чего ждать. Если мы их сильно отделили, и они в больницу попали, то будут выяснять, кто прав, а кто виноват. Коле дома тоже пришлось выслушать от матери неприятные слова. Кроме Пашиных слов, сказанных им своей матери, что остались слушать музыку и засиделись, позабыв про время, ему тоже нечего было привести для оправдания, поэтому слушал молча, ведь она была во всем права. Но если бы она узнала действительную причину его задержки, и что у Паши на голове шрам от дубины, то она, упала бы в обморок, и в следующий раз, никуда бы из дома не выпустила.

Но завтра в школу. Паша, встав рано, не расставаясь со своей шапочкой, наспех позавтракав, побежал к дому Коли. Его здесь поджидали оба друга. Каждый из них внимательно осмотрел вчерашнюю рану Паши, слегка трогая руками, выясняя, как ощущается боль. Высказали свое заключение, что рана уже засыхает, но надо как-то утаиться на несколько дней, чтобы ее не увидела мать Паши, придется теперь приходиться несколько позже с дополнительных вечерних занятий, когда она станет спать.

В классе Паша сидел в крайнем ряду у стены, и выбирал такое положение, чтобы рана, прикрытая волосами, всегда была к стене. На перемене выходил только в своей шапочке, закрывавшей ею рану. За неделю так и никто в классе ее не заметил, он старался накрывать ее длинными волосам чуба.

Проходя мимо почтовых ящиков, Паша заметил торчащий край конверта, открыв, увидел на свое имя повестку из милицейского участка. Явиться надо было завтра до шестнадцати часов дня. Положил книги, подогрел обед, покушал и пошел к Коле узнать, не прислали ли ему такую же повестку. Подходя к дому Коли, он увидел его шагающего навстречу, видимо направляющегося к нему. Присели на скамейку на детской площадке и стали обдумывать, как вести себя на допросе. Решили говорить все так, как было на самом деле, но постараться умолчать, что они занимаются в секции каратэ, и что применили эти приемы при защите.

В милиции их допрашивал пожилой, седоватый следователь. В процессе допроса, Паша с Колей узнали от следователя, и были очень удивлены, что из шестерых напавших, от которых им пришлось защищаться, пятерым потребовалась определенная медицинская помощь, один с травмами лица, один с поломанным носом, трое оказались с сотрясением мозга, у одного из них была полома челюсть. Двое, с незначительным сотрясением мозга, выписаны из больницы.

Следователь интересовался, как они вдвоем смогли так отделать пятерых. Коля напомнил, что он подошел, когда собственно нападение тех ребят завершилось ударом по голове его друга, и тот уже лежал в крови без сознания. Он помог ему подняться с земли, потом довести его до остановки автобуса, где с трудом остановил такси, которые пронеслись мимо с пассажирами, и доставил в травматологию.

Ввели одного из нападавших, Коля узнал в нем прошлого года ученика выпускного класса их школы. Следователь спросил, кто ему сломал нос, тот указал на Пашу. Следователь попросил рассказать подробнее. Оказывается, этот верзился первым попал под удар Паши. Паша в то время не разглядел его лица. Потом ввели второго, с ободраным лицом, как бы проташенным по земле. На вопрос следователя, как он ухитрился так ободрать свое лицо, тот,

показывая на Колю, ответил, что получил от него сильный удар в спину, от чего упал вниз лицом. Следователь вопросительно посмотрел на Колю, ожидая его разъяснений. Тот подумал и стал говорить:

– Я не знаю, был ли это он, но, когда я подбежал к Паше, уже лежавшего на земле, кто-то двое со всей прытью побежали в противоположную сторону от остановки. Я видел, как один из них упал, видимо, споткнувшись, распластался на асфальте. Смысла не было их догонять, да они так бежали, что догнать их было невозможно. Ну, об остальном я уже говорил: поднял Пашу, довел до остановки, потом такси и в травматологический пункт.

Следователь улыбнулся и произнес:

– Говоришь, так бежали, что догнать их было невозможно.

Ввели третьего, выглядевшего, совсем нормальным, без царапин и ссадин. На вопрос следователя, какое участие он принял в этой драке, тот ответил:

– Я в драке не участвовал. Никого ни разу я не ударил, даже не вступал в драку, я просто присутствовал. И вообще мы не собирались их бить, а просто хотели поугубить вот его, – показывая на Пашу, говорил все же испугано новый участник допроса, потом продолжил, – для устрашения Толя взял палку. Но как только мы подошли к нему, – опять показывая пальцем на Пашу, продолжил, – он в один миг, как на пружине, высоко подпрыгнул и одним разом повалил Гену, а потом и Славу. Ответно, находящийся сзади Толя, и ударил ему палкой по голове, он и повалился. Вдруг откуда не возьмись, подбежал вот этот, – теперь показывая на Колю, продолжал он, – и сходу ударил ногой, также высоко подпрыгнув, Толю, не успевшего даже свою палку поднять. Ну, а мы с Андреем и побежали, от греха подальше. Оглянулся, вижу, мой друг лежит лицом вниз, я и вернулся, помог ему подняться, теперь вон какая у него физиономия.

Следователь, обращаясь ко всем, спросил:

– С этим все ясно. Теперь говорите, почему вы начали драться?

– Мы даже не знали об их существовании. Я был удивлен, когда они меня окружили с намерением побить, спросил их, что, может быть, они спутали меня с кем-то. Но они, не слушая, сразу полезли с кулаками, а один из них с большой дубиной. Что мне оставалось делать, я и стал защищаться, как мог. В ответ успел кого-то из них ударить, помню ногой, а потом меня стукнули чем-то по голове, я и отключился. Пришел немного в себя, когда Коля подошел. Хорошо он вовремя подвернулся. Не знаю, какие их были намерения, но, наверное, избили бы меня лежащего, как следует. Вот и вся история. Главное, я их не успел разглядеть, как следует. Теперь вот, вижу, и тоже хочу спросить, когда и где я им перешел дорогу, – рассказывал Паша.

– Ну, а вы что скажете, где и когда он вам дорогу перешел? – сново спросил следователь.

– Они повадились к нам во двор ходить, – как-то неуверенно со смущением ответил один из них.

– А что к вам во двор ходить нельзя, это кем-то запрещено? – переспросил, удивленно, следователь.

– Они к нашим девчонкам ходят. Пусть ищут других и в другом месте, а от девчонок нашего двора и с нашей улицы, пусть отстанут, – снова ответил Слава.

– А какие это ваши девчонки, и когда они стали вашими, извольте полюбопытствовать? – спросил Коля.

– А то ты не знаешь? Аня, Таня и Нина, которые живут у нас во дворе, – ответил, потупив глаза, Слава.

– Так это же наши одноклассницы, – проговорил Коля.

– Ну и что, что одноклассницы, – еще тише вымолвил Слава, потом добавил, – мы хотели с ними встречаться, а они к вам.

Следователь, видимо, вспомнив свои такие же годы, как-то загадочно улыбнулся, и, обращаясь к Паше, спросил:

– А как ты оказался у них во дворе в такое время?

– Мы в неделю три раза собираемся по очереди у кого-нибудь из девочек дома и дополнительно занимаемся по математике. Иногда задерживаемся, слушаем музыку. Мы же никому не мешаем. Собираемся с согласия наших родителей, потом провожаем девочек домой, чтобы посторонние к ним не приставали.

– А сколько вас человек собирается? – спросил следователь.

– Как и в других группах, нас шестеро, три девочки, и нас ребят тоже трое, – ответил Паша.

– А где же третий был в тот вечер? И как его звать? – опять спросил следователь.

– В этот вечер он никого не провожал и ушел чуть раньше нас, он наш одноклассник, а звать его Степа, – ответил Паша.

– А собираться вы решили вместе сами, или было какое-то официальное решение дирекции школы? – продолжал задавать вопросы следователь Павлу и Коле.

– Было решение комсомольского собрания школы, о повышении успеваемости, согласованное с дирекцией, на котором и утвердили состав групп, – ответил теперь Коля.

– Ладно, с вами Павел и Николай, все ясно. Вы можете идти. А с этими голубчиками нам придется еще поговорить, а может быть и под суд отдать за хулиганство. По этой статье три года могут дать. Посидят в колонии, уму разуму наберутся, там научат, как родину любить, – проговорил, как бы, между прочим, следователь, видимо, решив их поугатать.

При этих словах все трое, недавних зачинщиков драки, изменились в лицах, побледнели. Они и не предполагали, что это дело примет такой серьезный оборот. Все трое, встав с места, стали упрашивать следователя не передавать дело в суд, оправдываясь, объясняли, что они просто хотели их поугатать, чтобы те не ходили к ним во двор, к их девчонкам.

– Не меня надо уговаривать и упрашивать, а тех, на кого вы напали с дубиной, – ответил следователь и дал указание посадить подозреваемых под охрану.

– Как это посадить, нас же будут родители разыскивать, мы же ничего дома не сказали, куда пошли. Потом, мы же работаем на предприятиях, на сегодня отпросились на полдня, считая, что дадим показания, и нас отпустят, – завопили они все сразу вместе.

Выйдя из здания милиции, Коля проговорил:

– Все же жалко, что их посадят. С кем не бывает, ну подрались. Правда, не по правилам, целой кучей на одного. Ты не возражаешь, чтобы их отпустили?

– Конечно, не против. Я уже простил им. Да мне, кажется, что их немного поугаю и отпустят. Тем более, что им скоро в армию. Там их научат, как вести себя, – ответил Паша.

Вечером друзья опять направились к девчонкам на занятия, на этот раз на квартиру к Ане. Теперь условились, к остановке автобуса после вечерних занятий, проводив девочек до подъездов их домов, подходить, по возможности, одновременно.

Как только ребята вошли в комнату, девочки, уже узнавшие о том происшествии, бросились к ним с просьбой все рассказать, как все было, но пока не говорили от кого они все узнали. Ребята с удивлением на них посматривали. Но в комнату вошла мать Ани и присоединилась к девочкам в их просьбе. Тогда Паша, нехотя, кратко рассказал, что ребята считали всех девочек со своего двора, почему-то, своими, не захотели, чтобы чужие ребята ходили в их двор, решили поугатать непрошенных гостей.

Елена Николаевна, поняла, что ребята не хотят распространяться подробностями инцидента, решила сама им рассказать, что было ей известно, как все произошло:

– Приходили родители Славы и с ними он сам с товарищем, просили, чтобы вы их простили, извинялись за свой поступок. Они спрашивали ваши адреса, чтобы прийти с извинениями к вам и вашим матерям. Двое из них еще лежат в больнице один с сотрясением мозга, другой с челюстью. Они тоже могут прийти. Без вашего согласия милиция не может закрыть

это дело, которое квалифицируется, как хулиганство, говорят, что по закону виновных должны судить.

– Да, мы уже забыли про все это, пусть успокоятся, – ответил Паша, переживая, что действительно они могут всей гурьбой ввалить-ся к его матери со своими извинениями, тогда точно она не выдержит, подумает, что он по ночам хулиганит.

Елена Николаевна подошла к телефону, и произнесла:

– Сейчас я им позволю, что вы против ничего не имеете. Согласны? Ведь матери их, как узнали о проделке своих детей, не перестают плакать, переживают, что их посадят.

Даже в стороне от телефона был слышан обрадованный голос матери Славы, прерываемый плачем.

Положив трубку, Елена Николаевна доложила о разговоре, и передала ее просьбу, что ребятам надо зайти в милицию и написать заявление о примирении.

– Придется зайти и написать, что делать, надо так надо, – ответил Паша, а потом тихо на ухо Коле, не без гордости, продолжил, – вот отморозки, в драку ввязываться они смелые, а как ответ держать ноги задрожали, шелковыми стали, не до гонора им теперь. Хорошо, что мы им так врезали, долго будут помнить, как на не виновных нападать.

– Утихнет все, надо тренеру похвастаться, как его наставления по разным приемам карате нам пригодились и как мы ими воспользовались в безысходной ситуации, – тихо, чтобы только слышали Паша и Степа, с гордостью сказал Коля.

Как и ранее, расселись вокруг большого, раздвижного стола и принялись заниматься решением дополнительных задач.

Все же чувствовалось, что девочки гордятся собой, что из-за них между ребятами их двора и их одноклассниками произошла драка, и старались быть с ними еще вежливее и еще внимательнее. Чувствовалось также, что они горят желанием выведать какие-то подробности произошедшей драки, зная, что двоим, Паше и Коле, удалось побить пятерых, которые оказались в больнице, нуждаются в медицинской помощи, а один удрал. Конечно, жалели Пашу, получившего удар палкой по голове, хорошо, что обошлось без сотрясения мозга. Он носил спортивную шапочку, ухитрился скрывать от всех свою рану, все же на видном месте.

Аня не могла дожидаться окончания вечерних занятий, чтобы подробнее расспросить Пашу об инциденте. Проводив гостей, направляющихся домой, она стала расспрашивать, как все произошло. Паша в свою очередь задал ей вопрос:

– А что, кто-то из этих ваших дворовых ребят пытался за тобой ухаживать, предлагал свою дружбу?

– Не знаю, я об этом как-то не задумывалась. Играли мы все вместе во дворе на детской площадке, потом в старших классах иногда вместе ходили в кино, вместе пели песни в сквере около дома. Да и с тобой мы каждый день виделись в школе, не придавая особого значения этому. Это потом вдруг все изменилось, и наши отношения приняли такой характер, как сейчас. Мне кажется, они просто из бабальства, не находя с нами общего языка, решили отвалить от нас всех других. Они же отлично понимают, что насильно мил не будешь. Я знаю, Гена все увивался около Тани, предлагая свою дружбу. Но, узнав об этом, Танин отец запретил ему на пушечный выстрел не подходить к ней. У Гены семья своеобразная, отец частенько бесконтрольно пьет и мать иногда бьет. А Танин отец ты знаешь кто? Он начальник какого-то большого главка. За ним каждое утро «Волга» приезжает и с работы привозит. И живут они безбедно, все у них есть. А Коля им понравился, он очень вежливый, начитанный. Когда родителей дома не было, Таня пригласила его в дом, думала, что они не скоро вернуться, а они оказались дома намного раньше. Так Тане пришлось знакомить Колю со своими родителями. Ужинали вместе, естественно разговаривали на разные темы, и Танин отец остался им очень доволен. Потом мать сказала и Тане, и Коле, чтобы они не стояли в подъезде по вечерам, а приходили в квартиру и проводили время в комнате Тани, естественно, под ее контролем. Я

это считаю правильным, поэтому я предлагаю, со следующего раза тоже заходить к нам домой и будем проводить время в моей комнате. Там имеется и телевизор, и магнитофон. Согласен? – говорила, а потом спросила Аня, одобряя поступок Тани и ее родителей.

– Конечно, согласен. Только я как-то стесняюсь твоих родителей. Может, привыкну потом. А Коля, каков, об этом ни слова, стал таким скрытным. Понять его можно, конечно, если подумать, он прав. Не все положено знать другим, даже нам друзьям, – ответил Паша, прижимая ее к себе и встречая уже приготовившиеся ее губы к поцелую.

Раздался не громкий свист, это уже вернулись его друзья, прово- див девочек. Теперь они уже по договоренности – по одному не дол- жны ходить, и втроем поспешили домой.

Ожидая автобус на остановке, Паша решил попытать Колю:

– Коля, а Танин отец оказывается шишка, начальник какого-то главка. Тебе повезло, у тебя будет богатый тесть. Его привозят и увозят домой на служебной «Волге». Так что, если задумаем куда -нибудь рвануть за город, будем к тебе обращаться. Согласен?

– Я не знаю, какой он шишка, но его действительно возят на служебной машине. Да и живут они ни как мы с тобой. Ты бываешь у них в квартире и видишь, там не подсчитывают гроши, как наши матери, когда на рынок отправляются. Что касается возможности воспользоваться чужой машиной, то я придерживаюсь правила – «на чужой каравай, рот не открывай». Спокойнее на своих двоих прошагать. Между прочим, а ты знаешь, кем работает отец Ани? По виду твоему догадываюсь, что ты не знаешь. Он главный инженер какого-то крупного завода, и его тоже на служебной машине возят, – отвечал, Коля и продолжил, – при необходимости мы можем рассчитывать и на тебя. В общем, счет одди-один.

– Степа, теперь твоя очередь, колись, рассказывай какой у тебя будущий тесть. Нина тебе ничего не рассказывала? – спросил Паша, с интересом ожидая рассказа друга.

– Честно говоря, я не знаю, кем работает отец Нины, вы его же видели, бывая у них на занятиях, но явно небольшим начальником, но человек он хороший, воспитанный, серьезный и очень сильно любит свою дочь, Нину. Он начитанный, очень интересный рассказчик и собеседник, много знает, его интересно слушать. Я думаю, не все достоинство в богатстве, и в занимаемой должности человеком, а в его интеллекте. Мне он очень нравится. Я хотел бы быть на него похожим, – серьезным тоном продекламировал Степа, считая, что удовлетворил интерес своих друзей.

Подошел автобус, в нем было много людей, но им удалось протиснуться в него, и остаться у дверей, им же недалеко ехать.

– Вы что-нибудь говорите дома с мамами о своих девушках, они знают о встречах с ними? – спросил Степа, выйдя из автобуса.

– Моя мама знает, что я встречаюсь с Таней. Она ее видела нес- колько раз. Иногда спрашивает о ней. Мама не возражает, что мы встречаемся, только просит не забывать об учебе, и чтобы мы вели себя подобающим образом, – ответил Коля.

– У меня тоже мама знает, что я встречаюсь с Аней, она нравится ей. Просит привести ее домой, хочет познакомиться поближе и, вооб- ще, пообщаться.

– А я все стесняюсь, – стал говорить Степа, – мама спрашивает, хотя сама, видимо, уже знает, что мы встречаемся, а я не могу с ней об этом говорить. Мне кажется, все это в какой-то начальной стадии и еще рано знакомить их. Мама все переживает, когда я вечером с опозданием прихожу домой. Хорошо это Паша придумал ходить на занятия, а то каждый раз надо было бы предупреждать, где будешь находиться и когда вернешься домой не с занятий, а со встречи с девушкой. Ведь, наши матери не могут свыкнуться с мыслями, что мы уже давно выросли, и у нас появились соответствующие интересы.

– Надо выбрать подходящий момент, привести девушек домой и познакомить. Нас же девушки познакомили со своими родителями, и ничего не случилось. Да так и лучше, мы же не прохвосты какие-нибудь, – тоже без шуток проговорил Паша.

На завтра прямо со школы они, все трое, зашли в милицию, переговорили со следователем, написали заявление о примирении, под его диктовку. Нападавшие ребята, тоже пришли сюда к этому времени. Теперь все были в сборе и могли рассмотреть, как следует друг друга, пожали руки примирения и разошлись.

Все же следователь в последний момент попросил остаться Колю с Пашей и спросил:

– Скажите все же, как вы ухитрились побить пятерых? В руках у вас ничего не было. Я угадаю, если скажу, вы использовали какие-то приемы единоборства?

– Да, вы угадали, мы занимаемся уже несколько лет в секции каратэ, многому научились. Однако, в минуты испуга, видимо, мы немного потеряли контроль над своими навыками, хорошо, что не до конца. У этого единоборства большие возможности. Видите, иногда это необходимо для самозащиты, – ответил Павел.

Следователь пожал им обоим руки и сказал:

– Вы молодцы, и учитесь хорошо, и спортом занимаетесь. Это в жизни вам и в дальнейшем, при случае, пригодится. Но помните, все в жизни должно быть в пределах дозволенного правилами поведения и в соответствии с законом. До свидания.

Примерно через неделю, возвращаясь из школы, домой, три друга зашли к Паше посмотреть найденного им котенка. К своему удивлению они увидели здесь в это рабочее время, что было исключением для их матерей, всех их вместе. Это их очень настроило. Они понимали, что сбор их матерей вызван, какими-то обстоятельствами, что-то случилось, тем более лица их были встревоженными. Разговор начала мать Коли, тетя Рита. Обращаясь, сразу к троице, она спросила:

– Кто из вас более смелый, сможет честно рассказать, что произошло, из-за чего вы оказались в милиции?

Ребята переглянулись, пожали плечами, но ответил Коля:

– В один из дней, после наших занятий дома у Нины, Степа сразу поехал домой, мы с Пашей пошли проводить девочек тоже домой, проживающих в разных домах их большого двора. Проводив, по одному направились к остановке автобуса. Он шел впереди, а я догонял его. Не доходя до остановки, на Пашу напали ребята со двора, где живут девочки, хотели, почему-то побить или напугать нас. Не убежать же от них, не трусы же мы, в конце концов, пришлось защищаться, ну и подрались. Да мы уже помирились, написали заявления, что ничего против них не имеем.

– А почему вы нам дома ничего не рассказали? Мы только сегодня узнали, когда напуганные родители тех ребят, узнав, что их детей теперь не посадят, пришли выразить благодарность вам и нам за чуткий жест прощения и примирения. Мы не знаем, что послужило причиной этой драки, но думаем, вы не должны были ввязываться в нее. Что скажут соседи, знакомые, когда об этом узнают, пойдут разные разговоры, пересуды, пальцем начнут показывать, какие вы у нас хулиганистые, и что это результат плохого воспитания, безотцовщины, – уже на слезах, расстроено, прерываясь, говорила, тетя Оля.

Потом принялись их увещевать с укором тети Маргарита и Галина, хотя точно не знали степень участия в драке своих детей. Раз провинились, то провинность их относилась ко всем троице и в равной степени. Так уж повелось, они всегда становились неразрывными участниками любых происшествий. Единственное, что утешало матерей, их дети не были зачинщиками драки. Выговорившись, матери как-то успокоились, подобтели. Степа и Коля со своими матерями пошли домой, о чем-то беседуя.

Матери ребят, собираясь вместе, отпросившись с работы, с намерением жестоко наказать своих чад, хотели запретить им ходить на занятия вечером, но теперь поговорив с ними, узнав, как это произошло, что их дети не виноваты, на них напали задиристые, практически такие же мальчишки, а они только защищались, довольно быстро забыли о своих угрозах. Иначе и не могло быть, их дети для них были всем, чему была посвящена вся их одинокая

жизнь без мужей все это долгое время. Скоро о происшествии с тремя друзьями стало известно всей школе. Здесь они в глазах большинства учеников школы выглядели героями, ведь наклепали пятерым, оказавшимся в больнице, двое дали деру.

В один из дней Паше не хотелось так рано расставаться с Аней, и он предложил ей зайти к нему домой, предполагая, познакомить ее с матерью. Аня сначала не хотела идти, считая неудобным кого-то тревожить, но потом согласилась. Увидев вместе с Пашей Аню, которую видела как-то издали, она мило и приветливо улыбнулась и пригласила войти. Оставив их в прихожей, сама подошла к столу и села на стул, ожидая их. Паша с Аней разделась, вошли в комнату и тоже присели к столу.

Паша, чтобы не смущать Аню представил ее, как свою одноклассницу из параллельного класса. Мать, улыбаясь, сказала:

– Аня мне очень приятно видеть тебя у нас дома, представилась возможность поближе познакомиться. Правда, похвастаться нам нечем. Видишь, какая у нас скромная квартира и все, что есть в ней. Никак не разживемся, надеемся на лучшее в будущем.

Аня была здесь впервые и непринужденно осматривалась в новой обстановке. Она знала, что Паша с матерью живут скромно, видела скромность у других, бывая у подружек, но не предполагала, что до такой степени. Квартира была, хотя и двухкомнатной, но очень малогабаритной и как-то давила и низким потолком, и стенами. Бедность ощущалась во всем ее интерьере, включая и старую мебель, давно вышедшую из моды.

Ольга Ефимовна и Паша копались на кухне, готовя что-то покушать, а она, оставшись одна, имела возможность все внимательно рассмотреть. Только сейчас она поняла, почему Паша ходит в школу практически в одной и той же куртке осенью, зимой с ее морозами и ранней весной. У него, наверное, только одни туфли, и те ботинки, которые она видела на нем. Потому-то он никогда не посещает школьного буфета. Ей стало жаль его. «Боже мой, а я еще недовольна своими родителями, возмущаюсь, считая, что они одевают меня хуже, чем другие родители своих детей. Это мне не так, да не то. Никогда не задумываюсь, есть ли у родителей деньги», – думала она, сравнивая убогую квартиру Паши со своей, светлой, просторной трехкомнатной, обставленной сравнительно новой, модной мебелью.

Из задумчивого состояния ее вывел появившийся Паша с тарелками в руках, передал их ей в руки, а сам снял скатерть, расстелил клеенку и скомандовал, чтобы теперь она их ставила на стол. Из кухни послышался голос Ольги Ефимовны:

– Аня, иди, помогай мне, носите на стол и расставляйте там все.

Она направилась на кухню, принося вместе с Пашей тарелки, бокалы и все другое, стала накрывать на стол, переговариваясь с Пашей. Это по-свойски сказанные слова Ольги Ефимовны и необходимость участия в накрытии стола взбудрили ее, она повеселела и с увлечением включилась в общую работу.

Во время обеда мать Паши умело поддерживала разговор и, как бы, между прочим, узнавала о семье Ани, о ней самой, ее взглядах и суждениях. Иногда шутили, смеялись. Пообедав, Аня в хорошем настроении стала собираться домой, а Паша пошел проводить ее, оставив Ольгу Ефимовну снова одну..

Убирая со стола и мою посуду, Ольга Ефимовна не переставала думать о только что ушедшей Ане, перебирая в памяти ее ответы и рассказы. Ей стало понятно, что Аня из хорошо обеспеченной семьи, отец ее работает главным инженером крупного завода, живут они в просторной трехкомнатной квартире. У них есть собственная машина, капитальный гараж. Собственно, она живет, ни в чем не нуждаясь, родители обеспечивают ее необходимым. Многие ее суждения и определяются, исходя из сложившегося образа жизни. Что для них с Пашей кажется роскошью, о чем они мечтают, для нее повседневная необходимость. Да и на ней все добротное, модное, дорогое. И те часики на руке, и те серьги, отсвечивающие бриллиантами, а та модная из крокодиловой кожи сумочка. С одной стороны, приятно, что ее сын дру-

жит с такой красивой и обеспеченной девушкой, с другой, что такие девицы требовательны к себе. Одно дело встречаться, проводить время, другое дело жить вместе, когда надо будет обеспечивать ее привычные запросы. Вряд ли она согласится жить в таких условиях, в каких живут они. Когда они с Пашей смогут побороть эту нужду? По крайней мере, сначала надо поступить и окончить институт, устроиться, если повезет, на хорошую работу, набраться опытом, вырасти по карьерной лестнице, это при хорошем раскладе еще лет пятнадцать. Разве будет ждать и надеется на лучшие условия такая видная и привлекательная девушка, как Аня? Конечно, не будет и вряд ли она захочет выйти замуж за Пашу, а если выйдет, долго жить с ним не будет, ей подавай богатого, обеспеченного, не меньше, чем на уровне ее теперешней семьи. Она пока учиться в школе, об этом не думает, а завтра непременно задумается, а может, уже и задумалась, увидев эту бедноту сегодня. Она предстала, как будет мучиться разрыву с этой, в принципе хорошей и общительной девушкой, ее сын. От этой мысли ей стало не по себе, она присела на табуретку и стала думать, как обо всем этом рассказать сыну, как довести до его сознания, чтобы он понял, что он для этой девушки не пара. Ох, как правдива и еще жизненна поговорка – «каждый сверчок, должен знать свой шесток».

«Господи, до чего же не справедлива жизнь. Всю жизнь работаю, но из-за маленькой зарплаты не могу жить по-человечески, нет, не богато, хотя бы на уровне среднего, когда можно было бы кого-то в дом пригласить, не стыдясь своей бедности. Нет, не стоит говорить Паше ничего, не стоит теревить ему душу, он же может бросить учиться, пойдет работать, думая, что этим он сразу обеспечит себе безбедную жизнь. К сожалению, многие рабочие семьи, за исключением не многих, живут скромно, тоже не блещут богатством. Пусть лучше учиться, все же для человека с образованием имеется больше возможностей создать для себя более-менее нормальную жизнь», – думала Ольга Ефимовна, сидя у себя на кухне.

Паша между тем, провожая Аню, пребывал в веселом приподнятом настроении, он был счастлив сегодня удачно сложившимся днем. Аня впервые побывала у них дома, познакомилась с его матерью, даже пообедали вместе. Дойдя до дома Ани, они попрощались, и увидев приближающийся автобус, побежал на остановку.

Ольга Ефимовна, работая теперь на повышенной должности, начала понемногу откладывать деньги, ее зарплата стала выше. Она наметила купить новый костюм и туфли Паше к окончанию школы, на выпускной вечер. Выбирая время, она все заглядывала в промтоварные магазины, посматривая, не появилось ли там что-то новое подходящее, но недорогое. Както в одном из магазинов она столкнулась с Маргаритой Степановной и Галиной Сергеевной, тоже занятых поиском костюмов и туфель Коле и Степе.

Отойдя в сторонку, они разговорились. У всех одна и та же забота – скопить деньги и одеть своих ребят подобающим образом, хотя бы теперь, к выпускному вечеру и еще купить что-нибудь пошевле на обычные будничные дни, но пригодные для посещения института, если удастся поступить. Договорились, кто найдет первым что-то подходящее, сообщает всем.

Ольга Ефимовна не удержалась и поделилась своими думами и переживаниями о том, что ее сын встречается с девушкой из обеспеченной семьи, ни в чем не нуждающейся, и выразила озабоченность, что такие девушки, выйдя замуж, будут предъявлять соответствующие требования. А когда сын будет иметь такие возможности, неизвестно, и появятся ли они вообще. Поэтому переживает, как бы он не раздумал поступать в институт, желая начать, как можно быстрее, зарабатывать деньги для семьи.

– В этом плане я спокойна. Степа давно определился, что пойдет по стопам отца, о женитьбе он и не думает. Сейчас главное получить образование. Будет получать стипендию, это все же добавка к моей зарплате. Как-нибудь проживем. На меньшие деньги жили, а теперь с его стипендией немного будет легче. Студенты тоже подрабатывают, и он может немного подрабатывать, разгружая вагоны. Что же делать? Потом будет легче. Все-таки получит образование. А девушки, если не Нина, которая, конечно, ждать не будет его диплома, так будет другая.

А если решится ожидать, ну и славу богу, значит, любовь настоящая, как говорят, до гроба, – говорила Галина Сергеевна.

– А я тоже переживаю за Колю. У него, как и у Паши, девушка из обеспеченной семьи, отец начальник крупного главка. Тоже ведь изнежена. Но мне, кажется, они очень любящая пара и будут, при необходимости, ждать друг друга сколько потребуется. А, скорее всего, они быстро поженятся, и жить будут у нее в квартире. А я согласна, пусть женятся и учатся на здоровье. Все равно будут и без женитьбы жить как муж с женой, так лучше пусть сразу объединятся и живут, как многие семьи. У нее характер покладистый, да и Коля спокойный, выдержанный, рассудительный, – делилась своими соображениями Маргарита.

– Я бы на это тоже согласилась бы, куда деваться, но, мне кажется, Паша не захочет жить у тестя с тещей. Да еще неизвестно пожелают Аня и ее родители, принять его в свою семью. В общем, чем ближе окончание школы, тем больше у меня вопросов. С одной стороны, хочется, чтобы он продолжил учебу, и чтобы не расстался с Аней, с другой стороны, как подумаю, о ее требованиях и о наших возможностях, меня сразу в дрожь бросает, – высказывалась Ольга.

Весна давно вступила в свои права. Выпускники школы отсчитывали последние оставшиеся дни до экзаменов, продолжая, усиленно готовится к ним и выбирать время для общения со своими девочками. В двух выпускных классах их школы, кроме известных пар, образовались еще другие. Если сначала большинство из них встречались скрытно, то теперь никто не таился. Многие строили планы совместной учебы, работы. Некоторые ребята к осени рассчитывали отправиться в армию. Но сейчас все усиленно готовились к выпускным экзаменам за среднюю школу.

Мамы Коли, Паши и Степы, наконец, в одном из магазинов наткнулись на только что выброшенные для продажи мужские костюмы. Одна из них осталась сторожить отобранные для ребят костюмы, две другие поехали за ребятами. Вскоре они вернулись вместе и занялись их примеркой. Костюмы были хорошо пошиты, нескольких расцветок. Степа выбрал серого цвета, Паша коричневый, а Коля темно-серый с заметной елочкой из этого же материала. Ребята, приодевшись, выглядели, непривычно, по-взрослому и интеллигентно. Мамы купили им и по паре новых рубашек. Туфли ребята купили сами, отстояв в очереди в универмаге.

Но вот и подошло время, начались экзамены. Сдан первый, потом второй. В свободные от экзаменов дни ребята продолжали усиленно готовится к следующим, забыв про свои развлечения. И вот, наконец, сдан последний экзамен, все облегченно вздохнули, намечен день выпускного вечера. Девушки заканчивали приготовление своих нарядов. Три друга радовались неплохо сданным экзаменам. Степа окончил школу с круглыми пятерками и должен был получить аттестат с золотой медалью. Теперь с интересом ждали выпускного вечера.

Ребят и девушек на вечере было не узнать, все разодетые, повзрослевшие, веселые, и серьезно относящиеся к сегодняшнему, долгожданному мероприятию. Пришли родители посмотреть, полюбоваться своими детьми. Пришли и матери Коли, Степы, Паши и их девушек Ани, Нины и Тани, да девушек, иначе уже называть их было нельзя, они повзрослели. Родители и до этого неоднократно виделись, бывая на родительских собраниях, но здесь другое дело. Сегодня последний вечер в школе.

Ольга Ефимовна обратила внимание, что Елена Николаевна, мать Ани, поздоровавшись, не пыталась как-то заговорить с ней, даже на отвлеченные темы, несмотря на то что сын практически не расстался с ее дочкой. Их дети были молоды, стройны, бросались в глаза своей красотой, от танцев щеки их горели, постоянно они улыбались друг другу, казалось, счастливее их нет на вечере. Но Ольга Ефимовна уже ощущала какую-то тревогу за своего сына, уж очень не нравилось ей поведение Елены Николаевны, держащейся по отношению к ней, как ей казалось, свысока. Не отличавшаяся здоровьем, она почувствовала тупую, хотя и не сильную, боль сжимающегося сердца. Незаметно, тихо она вышла из зала на улицу, прислонилась к перилам лестницы, вдыхая свежий вечерний воздух, продолжая думать, о сыне, о себе. Она поняла, что

Паша не нравится матери Ани, нет не по внешним данным и не по умственным способностям, а что он из бедной семьи. Она не может смириться с таким положением, считая, что ее дочь должна быть не с таким парнем. Почувствовав себе лучше, она вернулась в зал, с намерением немного посидеть и уйти домой, если захотят того же ее подруги, матери Коли и Степы.

Войдя в зал, она увидела мать Тани, Марину Григорьевну, на своем месте, на котором она только что сидела, рядом с Маргаритой Семеновной. Они мило и оживленно о чем-то продолжали беседовать. Не желая прерывать их разговор, она присела сзади них и невольно стала свидетелем их беседы. Они делились мнениями, как обустроить жизнь своих детей, одна сына, другая дочь, после окончания школы. Из их разговора выходило, что они обе желали бы видеть своих детей вместе в одном институте, и каждая хотела поговорить об этом дома.

Ольга Ефимовна была рада за обеих женщин, и невольно завидовала им. Марина Григорьевна, видимо, она была не жадной, чужда заносчивости, держалась просто, по-свойски, хотя тоже знала о небеспеченности семьи Коли. По положению ее муж занимал более высокую и более высокооплачиваемую должность, был в большем авторитете, чем отец Ани.

Мать Степы, увидев скучающую Ольгу, позвала ее к себе.

– Что-то у тебя невеселое настроение, сегодня же праздник, веселиться надо. Про заботы следует пока забыть. Смотри и радуйся какими выросли наши ребята – настоящие орлы, и каких красивых, статных девушек себе нашли», – говорила она, улыбаясь, решив поднять настроение подруге.

– Вот это, наверное, меня и пугает. Не по себе Паша выбрал невесту. Аня еще глупая, а вот ее мамаша мне не нравится своей чопорностью и высокомерием, не даст, наверное, она им быть вместе, – ответила, озабочено Ольга Ефимовна.

Побыв еще немного, они издали помахали своим сыновьям, и пошли к выходу, позвав Маргариту Семеновну, оторвав ее от интересной беседы с Мариной Григорьевной.

– А я почему-то не придаю значения увлечениям Степы. Ему долго учиться и вряд ли Нина станет его так долго ждать, хотя девушка она хорошая. Если он надумает жениться, то его мечте стать ученым будет не суждено сбыться. Пусть выбирает, что для него главней – учеба, или такая ранняя женитьба. Если хочет хорошо жить, то этого надо добиваться трудом, а не мечтать об этом. Об этом я им обоим и сказала, когда Нина была у нас дома. Да я и не думаю, что он с головой увлекся ей, – рассуждала Галина Сергеевна, держа под руки своих подруг, размеренно шагая к своим домам. Немного поговорив, матери ребят распрощались, договорились чаще звонить друг другу на работу.

Шли дни, выпускникам выдали аттестаты зрелости. Многие из них уже определились, в каких ВУЗах будут пробовать свои силы, но некоторые еще колебались, не зная, на чем остановиться. Одному Степе было все ясно. Он приготовился поступать в Московский Государственный Технический университет имени Баумана, у него была золотая медаль и он особенно не переживал за поступление в университет. Нина любила историю и хотела попробовать поступить на исторический факультет, рассчитывая стать педагогом.

Коля с Таней перебирали варианты, какой ВУЗ выбрать. Таня склонялась сдать документы в медицинский институт, и уговаривала Колю тоже стать врачом. Он предпочитал все же стать инженером. Здесь у них интересы расходились. Не помогало даже вмешательство их матерей. Тогда Маргарита Семеновна и Марина Григорьевна, встретившись, договорились, что пусть будет так, как каждый из них решит сам, но, чтобы это было в одном городе, где они имели бы возможность быть вместе.

Не определился еще, кем хочет стать Паша, он все раздумывал, какую выбрать специальность. Тем более ото дня ко дню, он стал ощущать меняющееся к себе отношение Ани и не мог понять, чем это обусловлено. На прямой вопрос, что случилось, она прямо не отвечала, но чувствовалась в ней какая-то недоговоренность, тяготящая ее. Ему показалось, что она даже заплакала, но быстро пришла в себя и даже стала шутить. Аня тоже еще подумывала,

что ей делать – пробовать поступать в институт или вообще не учиться. Потом все-таки решила поступить в университет, на биологический факультет.

Степа, Коля, Таня и Аня уехали в Москву. Как и ожидалось, Степа, пройдя собеседование, был первым из друзей, кто стал студентом. Коля все же сдал документы в технический ВУЗ, как он хотел, и на первом экзамене получил отличную оценку. Такую же оценку по первой дисциплине получила и Таня в медицинском институте. В университете на биологический факультет сдавала экзамен Аня. Паша, после долгий раздумий, неожиданно для себя и многих остался в родном городе, сдав документы в народнохозяйственный институт, пожелав стать экономистом. Переживал за первый экзамен, но напрасно, тоже сдал на «отлично».

Нина, в самый последний момент, заявила Степе, что они с семьей, не назвав причины, переезжают жить в Пензу, и что поступать в институт она будет там. Обещала поддерживать связь. Письмом сообщила, что, хорошо сдав вступительные экзамены, поступила на исторический факультет в том городе. Так из их компании Степа, Коля, Таня и Аня будут учиться в Москве, Паша у себя в городе. Сдав вступительные экзамены, и дождавшись списков принятых, все друзья, кроме Нины опять собрались вместе в родном городе, делясь впечатлениями пройденного марафона. Все они стали студентами. Несколько вечеров собирались на квартире Тани, где Марина Григорьевна с неподдельной радостью, накрывала на стол. К молодежи каждый раз приходил отец Тани и поддерживал веселую обстановку. Всеми ожидалось, что на какой-то ближайший вечер, всех их пригласит Аня, но она молчала.

СТУДЕНТЫ. ПОЗИЦИЯ НА ЖИЗНЬ

Подходили дни начала занятий в институтах, Степа, Коля, Таня и Аня уехали в Москву, Паша остался один. Степа и Коля устроились в общежитиях своих ВУЗов, для Тани, приехавший вместе с ней отец, снял комнату у одной пенсионерки. Почти каждый день после занятий сюда наведывался Коля, а по выходным здесь появлялся и Степа. На другой улице сняли одну из комнат в трехкомнатной квартире, у пожилой женщины, и для Ани.

С первых же дней занятий Степа и Коля почувствовали стесненность в деньгах. На этом сказывалась и их неопытность в их расходовании. Как-то между лекциями к Степе подошел второкурсник Леша и, познакомившись, предложил:

– Степа, я вижу, ты рослый здоровый парень и видно, что ты из простой семьи и испытываешь, как и мы, затруднения в средствах. Да и стипендии всегда не хватает. Мы решаем эту проблему, подрабатывая на разгрузке вагонов. Нам в группе грузчиков не хватает человека, если есть желание, можешь вместе с нами работать.

– Я с удовольствием, но не знаю смогу ли на равных с вами там вкалывать, хотя, наверное, привыкну. Леша, у меня есть хороший друг, тоже здоровый парень, можно и его пригласить, – ответил Степа, вспомнив о Коле.

– Я посоветуюсь с ребятами и вечером тебе отвечу. Работать начинаем с субботы. Начало работы вечером в шесть ноль, ноль, – подавая руку и уходя, проговорил Леша.

Вечером снова к Степе, в комнату общежития, пришли Леша со своим товарищем, и сообщили, что у них есть возможность принять в свою бригаду и его друга.

После занятий Степа побежал в общежитие к Коле, но не застал его. Подумав, он сел и написал ему записку с объяснениями вопроса, по которому приходил к нему. Уже вечером в комнату общежития раздался стук, Степа открыв дверь, увидел друга. Договорились, в субботу выйти на работу вместе.

И вот первый необычный день работы. Разгружали из вагона муку, загружая автомашины. Мешки были им под силу, работали с небольшими перекурами, но к окончанию смены силы были на исходе. Ребята, уже привыкшие к таким нагрузкам, посмеивались над новыми работниками, мол, это не на лекциях сидеть и мечтать. Результаты первого рабочего дня ощутимо сказались и на следующий день болью мышц рук, ног и спины. В последующем, привыкая, это стало проходить, и они, привычно перетаскав положенный груз за вечер, иногда только чувствовали некоторую усталость. Но эта усталость сразу забывалась, когда им выдавали заработанные деньги. Подрабатывая, они не только стали лучше питаться, но и скапливали определенные суммы на покупку чего-то из одежды, им хотелось одеваться также, как и многие их однокурсники, и покупку необходимых мелочей. Небольшие суммы денег присылали им из дому и их матери.

Так постепенно Степа и Коля привыкали к жизни вне дома. Занятия в спортзале в секции каратэ теперь им заменяла работа по вечерам на разгрузке вагонов.

Паша, оставшись один, все вечера проводил дома, не зная, как убить время. Танцы, куда каждый вечер бегали его бывшие одноклассники и новые однокурсники, его не прельщали. К девушкам он тоже относился равнодушно. Иногда получал письма от Ани, и сам писал ей. Получил письмо и от своих друзей Степы и Коли, в котором те подробно описывали свою ночную работу грузчиками. Он тоже задумался о возможности воспользоваться их опытом. Сходил на грузовой двор железнодорожной станции. К своему удивлению, он узнал, что там уже работают ребята из их института. В институте встретился с ними, поговорил. Через день, посоветовавшись, они дали согласие принять его в свою группу. С этого дня Паша вечерами уходил на станцию, работал до двенадцати часов ночи, возвращался домой к часу ночи, иногда чуть позже. Тоже в первое время ныли руки, ноги, спина, потом втянулся, боли уменьшились,

а со временем исчезли полностью, дела пошли. Принес домой первые заработанные деньги, удивив мать их суммой. Добавив к этим деньгам из скопленных, мать уговорила его пойти в универмаг, где, долго примеряя, купили новый модный плащ. Теперь в институт он ходил, как ему казалось, франтом.

Таня, уже привыкшая в первые дни своей жизни в Москве, когда вечерами у нее всегда находился Коля, или они вместе куда-нибудь уходили, теперь сидела по вечерам одна, короткая время. Вместе были они только по воскресеньям и только иногда в будничные дни, когда по каким-то причинам нечего было разгружать на железнодорожной станции. Она любила его, и все более к нему привязывалась. Зная его скромность, общаясь с ним, она давно привыкла к своему лидерству. В тоже время, с каждым его приходом, замечала происходящие изменения в нем. Работая грузчиком, он сильно изменился, возмужал, становился смелее. Чувствовала и боялась, что долго не выдержит его нежных ласок.

В один из вечеров они пришли к ней вместе со Степой, принеся бутылку водки и шампанское, веселые, радостные – сегодня они кроме обычного груза разгрузили дополнительно какую-то мебель и им заплатили сразу наличными. На радостях они решили как-то отметить столь необычный заработок. Кроме того, у них был большой пакет, как догадалась Таня, с закуской. Быстро накрыв на стол, тем, что у нее было и из их пакета, они втроем усадились праздновать. Два друга, Степа и Коля, обычно малоразговорчивые, теперь, после двух рюмок выпитой водки, говорили много и громко. Таня от выпитого шампанского, почувствовав легкое головокружение, пить больше не стала и с интересом наблюдала за своими захмелевшими друзьями. Ведь до этого они тоже практически не пили, тем более водку. Тане стоило больших усилий убедить их отказаться от дальнейшего распития, незаметно подкладывая им закуски, просила больше кушать, чтобы не опьянели. Но они и без этого напоминания, после тяжелой работы, проголодавшись, усердно работали вилками, но совета послушались, пить больше не стали. Коля, вспомнив, что они заходили в павильон цветов и купили для Тани букет. Это был первый его букет для любимой девушки, и купленный на свои заработанные деньги. Букет, завернутый в газету, он оставил на полке, где повесил свою куртку, зайдя в комнату. Теперь он, выскочив из-за стола, побежал за ним, извлек из завернутой газеты, и как настоящий джентльмен, привстав одним коленом на пол, вручил его изумленной Тане. Та, не выдержав, сначала радостно заулыбалась, потом нагнулась и поцеловала его при Степе. Коля встал и проговорил:

– Извини, Таня, я никогда не дарил тебе цветов, потому, видимо, и забыл про их, положив на полку в прихожей, где раздевался.

– Это я виноват, торопил его к столу. Извини меня тоже, Таня, – бормотал Степа.

– Хорошо, извинения принимаются, но вам обоим спасибо за цветы. – радостно говорила Таня, устанавливая букет в банку.

Степа, поговорив немного, встал и пошел к двери, сказав:

– Ребята, вы побудьте вместе, а я должен идти к себе, у меня кое-какие делишки есть, да и мое общежитие все же далековато.

Коля, посидев немного, решил тоже пойти, но Таня, видя, что его немного развезло, и было уже за полночь, решила оставить ночевать у себя в комнате.

– Коля, уже поздно, лучше останься у меня, чтобы я за тебя не переживала всю ночь до утра, – обратилась она к нему.

– Я с удовольствием, только спать на полу я не буду, во-первых, жестко, во-вторых, одному холодно и скучно, – шутя, ответил Коля, прижимая ее к себе.

Он как-то оставался у нее и, из своей скромности, спал на полу на расстеленном одеяле, теперь, смело сказал, что думал. Она ничего, не ответив, потушила свет.

– Отвернись, я переоденусь, в комнате и без света довольно светло, – проговорила она.

Действительно, даже при выключенном свете в комнате было довольно светло. Он стоял и не знал, что ему делать. Поняв его смятение, она продолжила:

– Ты что в одежде решил спать?

– Да нет, я жду приглашения. Потом, я раздеваюсь быстро, – от-ветил он, снимая брюки и рубашку и аккуратно, устраивая их на спин-ках стульев, чтобы не помять.

Таня уже лежала на не широкой кровати, оставив место с краю для него. Он лег, ощущая ее теплое тело, прижимаясь к ней, обнимая и целуя, прошептал на ухо:

– Ох, какая ты теплая, мягкая и очень приятная.

Она не отстранилась, наоборот, он почувствовал ее руки вокруг своей шеи и где-то за плечами. Он продолжал целовать ее, получая сам ее ответные поцелуи. Потом халат незаметно расстегнулся, и он почувствовал, что на ней нет ничего другого. В такой момент он забыл обо всем, обнимая целовал, ласкал, как мог, как подсказывало его сознание. Она тоже поддавалась тому, чего желало ее тело, без оглядки, без логического осмысления последствий, она любила сама и знала, что любима. Ни он, ни она до этого момента не оказывались в такой ситуации, теперь они ее осваивали вместе, без слов, без подсказок. Вся их жизнь теперь имела одно предназначение, быть в контакте с любимым человеком. Конечно, об этом много думалось, но все это относилось к какой-то далекой перспективе, казалось, пока не осуществимой в данное время. До этого момента ими самими была воздвигнута какая-то непреодолимая грань общения, руководившая их поведением, но с каждым днем уменьшающаяся, растворяющаяся, способствующая сближению и, наконец, случилось то, что случается у взрослых любящих друг друга людей, не задумываясь о завтрашнем дне и, что им еще далеко до окончания институтов.

Счастливые и довольные они долго лежали молча, обдумывая новые свои отношения. Таня встала и вышла из комнаты, вернувшись, предложила ему тоже пойти в ванную. Потом они снова обнимались, целовались и уже под утро крепко заснули, проспав первую двухчасовую лекцию в институтах. Прощаясь, договорились, что сегодня после его ночной работы, он придет к ней. С этого дня у себя в общежитии он не появлялся. Все чаще стал не выходить на разгрузку вагонов, придумывая для Степы и товарищей разные оправдания. Степа, конечно, догадывался с чем это связано.

В один из вечеров, планируя сегодня не выходить на разгрузку вагонов, Коля втайне от Тани купил бутылку шампанского. Таня, собирая на стол, вдруг обнаружила на столе откуда-то взявшуюся бутылку, подняла на него взгляд, а он, поставив на стол из ее рук тарелку и ложки, ласково привлек к себе и начал говорить:

– Таня, я весь день сегодня думал, как тебе сказать, а сейчас решил и говорю – выходи за меня замуж.

Она как-то изменилась в лице и произнесла:

– Я согласна. А я думала, что ты еще долго не решишься сделать мне это предложение.

– Ну, раз наше желание взаимное, остается отметить это событие и, конечно, все обсудить.

После нескольких дней таких невыходов на работу в ночную смену, Степа решил зайти к нему в общежитие и выяснить причину его невыхода. К своему удивлению, от товарищей по комнате, он узнает, что почти месяц Коля здесь в общежитии не появляется. Это подтвердило его предположение, где ночует его друг, и чем это обусловлено.

Через вторую неделю Коля появился в общежитии вновь. По секрету поделился со Степой, что ходить разгружать вагоны его отговаривает Таня. Ее устраивало больше, когда он находился рядом с ней. Материально она была обеспечена, ей каждый месяц родители присылали сумму денег, хватающей не только ей одной, но и вместе с Колей. Коля также поведал ему, что они с Таней договорились пожениться на предстоящих студенческих каникулах. Об этом она уже сообщила матери, разговаривая с ней по телефону. Степа, догадав-догадывающийся об отношениях друга и Тани, все же спросил:

– Не рановато ли? Как на это решилась Таня, такая рассудительная и ответственная? Ведь учиться еще долго, ребенок может появиться, учебу придется прервать. Да и на какие деньги вы собираетесь жить, семью содержать, на студенческие стипендии?

Коля улыбнулся и ответил:

– Ты бы нам это раньше подсказал, тогда можно было бы со свадьбой и подождать. Я никогда не думал, что буду жить за счет кого-то, но, если ее родители сами присылают на двоих, чего же отказываться. Таня у родителей одна, куда же им девать деньги при хороших заработках. Потом, когда они постареют, постараюсь долг вернуть. Думаю, к тому времени я сам буду материально обеспеченным, не вечно же жить нам в нужде. Степа, ты знаешь, мы с Таней любим друг друга, решили жить вместе. Может быть и рано, как ты говоришь, но у нас далеко зашло и лучше жить официально. Так что пожелай нам счастливой жизни.

– Конечно, желаю. Живите счастливо и долго. Коля, все же ты нас с Пашей обскакал, при том с двух сторон, жену хорошую нашел, умную, красивую и в придачу богатого тестя, и раньше нас познал счастье с любимой девушкой. Мне не повезло. Девушка вроде была у меня неплохой, но в один момент куда-то исчезла. И тесть мне не достался такой, как тебе. Придется ходить разгружать вагоны до конца. Да я уже привык, тяжело правда, но куда деваться. Только с женитьбой мне сейчас нельзя. Да и заводить новое знакомство по-настоящему, не хочу. Не все удачно, мне кажется, складывается и у Паши с Аней, он там, она здесь. Таня не встречается с ней? – говорил, а потом и спросил Степа.

– Видела ее раза два. Ей показалось, что Аня ее избегает, не договаривает что-то. Паша ее безумно любит, а она, видимо, имеет другие планы. Мать слушает. Ее мать спит и видит богатого зятя, а не такого парня, как наш безденежный Паша. И при всяком удобном случае капает об этом дочке. Казалось бы, семья их обеспеченная, не менее чем Танина, так нет, подавай ей зятя богатого и с положением, – говорил с возмущением Коля.

– Если это так, мне жалко Пашу. Он, видимо, об этом пока ничего не знает. Может, рассказать ему, как все есть на самом деле? Нет, наверное, не стоит, сам разберется, правда с шишками на лбу, но пусть сам разберется, – задумчиво говорил Степа, смотря на друга, как бы прося его одобрения своего решения.

– Я об этом уже думал, но тоже никак не могу прийти к единому мнению. Мне, кажется, все выяснится само собой и в самое ближайшее время. Не дурак же Паша, разберется, как бы она не пыталась скрывать свое поведение, считая, что он не узнает, – уже более уверенно, сделал заключение Коля.

Со Степой поделился, что для свадьбы ему будут нужны деньги, поэтому, несмотря на нежелание Тани, чтобы он не работал, он теперь будет выходить на работу, на разгрузку вагонов, каждую ночь и просил никого не брать на его место.

Из головы Нины не выходили слова мамы Степы, сказанные, вроде, так к разговору, в непринужденной беседе, когда она была у них дома в последний раз, о том, что заводить семью следует только после окончания ВУЗа, получив специальность, так как хорошо учиться семейным практически невозможно, или, по крайней мере, тяжело. Как-то в беседе со Степой она заинтересовалась его отношением к этому вопросу и услышала примерно то же самое. Теперь перед ней встала дилемма – смириться с этим и ждать возможности пожениться, где-то, лет через пять, надеяться, что его чувства не изменятся к ней за это время, или постараться его забыть. Пять лет, это очень долго, за это время много воды утечет, может всякое случиться. Переехав в другой город, попав в окружении новых молодых людей, она постоянно сталкивается с изменой и обманом среди студентов института, казалось бы, в завязавшейся их крепкой взаимной любви. Неуверенность, что его чувства останутся прежними к ней, да еще в разлуке, не считая временных общений, постепенно эта неуверенность у нее нарастала, и помимо ее воли, при всей любви к Степе, стала определяющей теперь в ее отношении к нему.

Отправив несколько писем в последнее время Нине и не получив в ответ ни одного, Степа тоже перестал писать ей, но сегодня на столе у охранника при входе в общежитие он увидел письмо на свое имя, подчерк был Нины. Письмо было довольно длинным, со всеми подробностями ее жизни на новом месте жительства, в другом городе, куда она переехала вместе с семьей, но о своих чувствах к нему ни слова. Письмо было написано в повествовательном изложении, как бы, просто знакомому и, вроде бы, между ними ничего не было. Степа стал мысленно гадать, – «Если она захотела разорвать сложившиеся между нами отношения, то почему она написала это письмо вообще, а если хочет поддерживать их, то почему в таком повествовательном тоне, без высказывания своих чувств?» Понять ее позицию он не мог. Напрашивался вывод, что она его не любила и не любит сейчас.

В один из дней, сидя в библиотеке, Степа, не отрывающийся от книг, подняв глаза, увидел почти напротив себя за большим столом сосредоточенную Лену, свою однокурсницу. Он стал ее рассматривать с близкого расстояния и, к своему удивлению, только теперь заметил, как она симпатична, можно сказать, красива. Он ее видел и раньше, но смотрел на нее как на однокурсницу, на студентку, а как девушку не замечал. Видимо, от его пристального взгляда, она подняла глаза и, встретившись с его взглядом, мило улыбнулась. Она, наверное, тоже уже долго здесь сидит, и не замечала его. Он встал и подошел к ней, она тоже встала.

Нагнувшись к ее уху, он негромко, чтобы не отвлекать других, сидящих рядом с книгами, спросил:

– Лена, извини, я тебя не видел. Ты часто здесь бываешь?

– Не то, что часто, но я люблю здесь заниматься. В общежитии всегда шумно, каждый о чем-то говорит, что-то делает, хлопочет, а здесь спокойно и любая литература под рукой, которой можно воспользоваться, – отвечала Лена, уже собирая книги со стола.

– Я тебя оторвал от занятий? – спросил извинительно Степа.

– Нет, я хотела еще раньше уйти отсюда, да засиделась. А ты останешься, или тоже собираешься домой? – тихо спросила она.

– Раз ты уходишь, мне тоже придется последовать твоему примеру. Тем более мы с ребятами идем на железнодорожный грузовой двор. Лена, если разрешишь, я провожу тебя до общежития? Я тоже туда иду. Мне нужно переодеться, и кое-что занести в свою комнату общежития, – решил сказать Степа.

– Я согласна, пошли, только надо сдать эти книги из читального зала, и попросим отложить их. Завтра они мне потребуются снова, – радостно ответила Лена.

Выйдя из библиотеки, они, не спеша, побрели по улице. Желая больше узнать о Лене, Степа, где в виде шутки, а где вполне серьезно, задавал различные вопросы. Из ее рассказов он узнал, что Лена родом из Горького, с отличием окончила среднюю школу, долго думала, какую выбрать специальность и решила поступить, как и он, в университет им. Баумана. Она рассказывала о себе, о своей семье без хвальбы, не выпячивая себя. Она все более нравилась ему, в ней все было просто, в то же время чувствовалась какая-то привлекательность. Он решил продлить время пребывания с ней и пригласил где-нибудь перекусить. Она с удовольствием согласилась. Им вдвоем было интересно, они сменяли темы разговора и находили общие для них вопросы и суждения. В ней чувствовался интеллект. Оказалось, она хорошо разбирается в музыке, сама играет на рояле и скрипке, и даже рисует, по ее словам, для себя. С каждой минутой в ней открывались все новые и новые стороны. Узнавая все больше о Лене, он стеснялся говорить о себе. Его стал интересовать вопрос – есть ли кто у нее из ребят. Спросить об этом он, конечно, не мог, ожидая, что может, она сама как-то об этом скажет, но этой темы она не касалась. но сделал предположение, что такая девушка одна быть не может.

Ему нужно было ехать на работу, время поджимало, но он проводил Лену до общежития, забежал в свою комнату, переоделся и побежал в метро. Все время пути перед ним стоял образ

Лены, мило улыбающейся и высказывающей свои суждения о чем-нибудь. Только сейчас здесь в метро он вспомнил, что хотел написать письмо Нине, теперь ему, вроде, и не хотелось.

«Интересно, может, я уже влюбился в Лену, или это первые впечатления о ней? Или я пытаюсь заполнить брешь одиночества? Да вроде бы мне скучать и не приходится, то занятия, то ночная работа, да еще такая, что по утрам все ломит, болит, думаешь, что до вечера не пройдет, и не сможешь работать», – думал он, чуть не проехав свою станцию, где надо было выходить

Подходя к эскалатору, он в сторонке увидел стоящую в обнимку пару, парень за талию прижимал к себе девушку. В стоящей к нему спиной девушке, он узнал Аню. От неожиданности, он остановился, хотел, было подойти, поздороваться, но они в это время, мило беседуя, начали целоваться. От удивления Степа стоял, как вкопанный, мешая спешащим прохожим, его толкали с разных сторон, тесня к стене. Аня повернулась и, встретившись с ним взглядом, узнала его. Сразу залилась краской, такого она предположить не могла, сделала вид, что не узнала, быстро влетела в двери остановившегося вагона, расталкивая локтями выходящих пассажиров. Поезд тронулся. Растерявшийся парень, только что целовавший податливую подругу, теперь стоял в недоумении, не мог понять внезапно изменившуюся ситуацию, попытался тоже попасть в вагон, сорвался с места и во всю мочь побежал, но не успел, двери вагона закрылись. Он стоял на платформе и с сожалением смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Степа, набравшись храбрости, решил поговорить с парнем, удовлетворить свое любопытство. Извинившись, спросил:

– Скажите, как мне проехать до Останкино? Живу более двух месяцев в Москве, а никак не привыкну. Вы, наверное, местный?

– Нет, я тоже приезжий. Студент, – ответил парень.

– Я тоже студент. А где вы учитесь? – спросил Степа.

– Какой может быть секрет, в университете, на геологическом факультете. Давай перейдем на «ты», – ответил дружелюбно снова парень, показывая, свой студенческий билет.

– А я в Бауманском, на первом курсе. Зовут меня Степан, Степой, а тебя как? – ответил и спросил Степа, поглядывая на парня.

– Виктором, я тоже учусь на первом курсе. Ты как, к занятиям привыкаешь, жить можно? – спросил для интереса Виктор.

– К занятиям почти привык, а вот без знакомых девушек скучновато. Можно, конечно, познакомиться, но пока не нашел, которая бы понравилась. А знакомиться просто, чтобы не скучно было, не хочется. А у тебя как? – ответил и спросил он.

Тот подумал и с улыбкой ответил:

– В этом плане я не скучаю. Вот только что был здесь с одной студенткой. Познакомился через неделю, как начались занятия. Вид- ная такая девушка. Но сейчас, ни с того, ни с сего, всплыла и сбежала. Теперь придется выяснять, какая муха ее укусила, – с недоумением говорил Виктор, посмеиваясь, не предполагая, что Аня и этот парень, довольно хорошие знакомые.

Подождал очередной поезд, Виктор подал руку, попрощался и вбежал в открытую дверь вагона, двери закрылись, и поезд снова тронулся. Эта неожиданная встреча с Аней изумила Степу, в нем возбудилась злость на нее из-за предательства близкого друга, заставила его почему-то вспомнить и Нину.

«Вот так, видимо, и Нина у себя в городе. Ребят навалом, выбирай, когда есть броская внешность», – такие мысли неожиданно пришли ему на ум. И снова вспомнил сегодняшний день, библиотеку и эту милую Лену с собой в кафе, в непринужденной, но много значащей, вдруг для него, беседе.

На выходной день Степа по приглашению Коли собрался к Тане. За эту неделю им хорошо заплатили, а, разгружая несколько вагонов шампанского, не разбили ни одного ящика, как они

иногда преднамеренно делали при разгрузке водки, им выдали по две бутылки этого вина. И вот направляясь к Тане, Степа прихватил одну из бутылок, предполагая, второй, потом, при пока им не придуманных обстоятельствах, он угостит Лену. Дверь открыла Таня, уже знавшая о приходе Степы, улыбаясь, она пригласила его в комнату. У стола, уже не на правах постоянного гостя, а хозяина, сидел довольный Коля, вставший, приветствуя друга. Таня была занята приготовлением обеда. Друзья сходили в магазин, купили свежего хлеба, и кое-что из списка Тани. На столе стояли и две их бутылки. Во время обеда говорили о многом, в том числе и о предстоящей свадьбе Коли с Таней. Таня встала из-за стола и, показывая, купленные ей к свадьбе новое платье, женские парадные туфли и туфли для Коли, не забыла похвастаться, что платье и туфли обоим купили на деньги, заработанные Колей на разгрузке вагонов на станции, куда они ходят после занятий.

Вчера после обеда и ночью стояла безоблачная погода, мороз, постепенно усиливаясь, перевалил за планку в тридцать градусов. Сегодня Коля стал покашливать, постоянно вытирая нос платком. Лечить его Степан с Таней решили водкой с перцем, от чего он долго отказывался, но потом сдался. Теперь они с сочувствием смотрели, как он потягивает эту горькую водку, да еще с более горьким перцем, а они попивали с улыбкой вкусное шампанское.

Заговорили о Паше, потом об Ане. Таня рассказала, как она встретила с ней в городе. Пересказала с ее слов, как она учится, как живет на снимаемой квартире, как она скучает по дому, как довольна ее мать, что она учиться в Москве, а не у себя в городе.

Степа, не говоря о неожиданной своей встрече с Аней в пикантной ситуации в метро, спросил:

– А о Паше она ничего не говорила?

– Нет, не говорила, может потому, что была ни одна, – ответила нехотя Таня, немного смутившись.

– Она была с Виктором? – спросил спокойно Степа, наблюдая за выражением ее лица.

– Да, а ты что его знаешь? – спросила удивленная Таня.

– Знаю, он тоже студент, приехал из Горького, учиться на гео-логическом факультете. Встречается с Аней со второй недели после начала занятий в институтах, – ответил снова спокойно Степа, обескуражив Таню своими познаниями и еще более Колю.

Коля с интересом переводил взгляд со Степы на Таню и обратно, пытаясь понять, откуда они знают так хорошо какого-то Володю, и почему-то до этого ничего не говорили об этом ему, не мог определить в каких тот отношениях с Аней.

– Действительно мир тесен, но каким же образом ты познакомился с этим Виктором? Аня познакомилась с ним? – спрашивала Таня, пытаясь удовлетворить свой интерес.

– Нет, Аня, увидев меня, сделала вид, что не узнала и быстро ретировалась. Какая же она все же предательница. Но как говорится «шило в мешке не утаишь». Паша верить ей, ждет ее, а она здесь бежит на сторону, не стесняется. Если разлюбила, скажи прямо, а врать нечего. Если она такая, она и Володю обманет, если подвернется какой-нибудь другой. Такого поведения я от нее ожидал, – высказался обиженно и с возмущением Степа.

– Степа, а почему ты мне ничего ни о ней, ни о Викторе не говорил раньше? – спросил Коля, до этого внимательно, но спокойно слушавший их разговор.

– Не было момента такого. Я и сам только узнал, и то случайно. Кто теперь об этом скажет Паше? Эта новость сразит же его. Дело не в Володе, не было бы его, другой бы нашелся кто-нибудь, – продолжал вслух размышлять Степа.

– Аня все же неплохая девушка. Это ее мать травить. Она прямо ей говорит, чтобы она не водилась с этим оборванцем, имея в виду Пашу. Мать ее считает, что он ей не пара, и мечтает найти ей богатого и достойного жениха, – говорила Таня.

– Ты об этом тоже знала и мне ничего не говорила? Да эта Аня и ногтя Паша не стоит, тем более с такой мамашей. Как сказать Паше? Я ему обо всем и расскажу, конечно, для него такая

новость будет неприятной, но мне кажется, он переживет, узнав, что Аня из себя представляет. Такой видный парень еще не такую девушку найдет. Окончит институт, будет работать, будет и обеспеченным, и с положением. Мать Ани, будет еще локотки свои кусать., – с возмущением говорил Коля, даже немного покраснев.

– Мне кажется, вмешиваться в их отношения мы не должны, они сами разберутся, а то они помирятся, а мы будем на всю жизнь виноватыми. Посмотрим, что дальше будет между ними. Аню я на свадьбу пригласила, там будет и Паша, пусть разберутся, – рассудительно высказалась Таня.

Нина, переехав с семьей в Пензу, походив и познакомившись с городом, через недели две сдала документы в пединститут, на исторический факультет, и успешно сдал экзамены, стала ожидать зачисления. Она хотела, как и ее подружки, ехать поступать в Москву, но мать, подумав, и поговорив с дочерью об ее взаимоотношениях со Степой и узнав о его твердых намерениях, что жениться до окончания университета он не собирается, уговорила ее остаться дома, приняв такое материнское решение. Она чувствовала, что дочь не устоит перед Степой, находясь там одна. Она думала, что, если Степа действительно любит ее дочь, и у дочки к нему тоже серьезные чувства, расстояние для этого не помеха и время покажет, какие их истинные намерения. Потом если их чувства подкрепятся, можно и дочку перевести в Москву, а если это временное увлечение, то они быстро потухнут. Дочка возражать не стала, поняла, что у них так и не возникли глубокие обоюдные чувства, а может, и не успели закрепиться. В тоже время она продолжала отвергать предлагаемые дружбы ребятами-однокурсниками, и другими ребятами, часто обращающими на нее внимание. Она сама еще не знала, что она хочет, но ощущала, что все более становится одинокой. Иногда она завидовала парам, шагающим вместе в обнимку, вспоминала Степу, но уже как-то в прошедшем времени. Он тоже против своей воли все более отдалялся и отдалялся, а она не предпринимала никаких усилий по его возвращению, видимо, такое положение устраивало ее, она даже первой перестала писать ему.

Неожиданно она получила письмо от Тани, которая делилась своим счастьем и приглашала ее на их с Колей свадьбу, которую намечали провести на студенческие каникулы. Как бы, между прочим, написала, что к ней вместе с Колей часто в выходные дни заходит Степа. Подробно описывала, как они оба почти каждый рабочий день ходят на железнодорожную станцию разгружать вагоны. На заработанные деньги Коля купил себе к свадьбе костюм и туфли, смог даже купить ей свадебное платье с туфлями. О том, что ее интересовало, в письме ни слова.

«Значит, – подумала она, – и Степа смирился с нашим расставанием». Вдруг ей захотелось поделиться новостью с матерью. Она встала и вошла в комнату к матери, занятой у швейной машинки. Подсела и спросила:

– Мам, мне Таня прислала письмо, сообщает, что выходит за Колю замуж и приглашает на свадьбу, которую намечают провести на каникулах. Прочитать тебе письмо?

" Esly секреты чистой, читать. Еще не слишком рано говорить, что это борьба? – Я мать.

Нина прочитала все письмо без пропусков, не пропустив место и о ночной работе Степы и Коли. Мать подняла на нее глаза и с интересом спросила ее:

– Ты хочешь поехать на свадьбу? Там, наверное, и Степа будет. Ты еще не забыла его? Он пишет тебе или уже нашел какую-нибудь другую себе невесту?

– Писал, пока я ему регулярно писала, а теперь больше месяца ни слуху, ни духу. Даже ничего конкретного и интересного о нем не пишет и Таня. Наверное, просил не писать. Он у них дома постоянно бывает. Мам, как я сейчас к нему отношусь? Не знаю, иногда мне хочется бежать и увидеть его, в другой раз думаю, хорошо, что мы разъехались. Если бы он кого-то там нашел, Таня все равно бы написала. Мне кажется, он и искать больше никого не будет. Все же я стала забывать его, и он, наверное, меня, потому-то и не пишет. Последнее письмо мое было пустым, повествовательным, я еще писать не хотела, но написала и, не подумав обстоятельно,

отослала, он все понял и больше не пишет. А на свадьбу поехать хотелось бы, ведь я его все же, наверное, продолжаю любить, но как подумаю, что придется выяснять свои отношения заново, которые нужны мне или нет, я теперь не знаю сама, охота пропадает. Надо подумать, – рассказывала, без особых переживаний, и каких угрызений совести Нина матери.

– Пора определяться, дочка, со своими чувствами, потом поздно будет. А, если чувства противоречивы, значит, не любишь. Здесь я тебе не советчица. И нечего парню голову морочить, – в заключении сказала Антонина Степановна.

Несмотря на то, что она приняла для себя твердое намерение – раз жениться он не хочет до окончания университета, значит не любит ее, и ей надо забыть про него, во что бы то ни стало, хотя ей все труднее приходилось мириться с этим принятым решением. Теперь ей казалось это не главным, можно было бы и подождать окончания им университета. Все же, со временем, без ее воли и желания, эти противоречия стали постепенно затухать. Ее, как-то, менее тянуло к нему. «Если поеду на свадьбу, надо сказать всю правду», – решила она, хотя сомнения не покидали ее.

Меж тем, в очередной раз, придя в библиотеку, Степа опять увидел на том самом месте Лену за разложенными книгами, но в другой одежде, в какой-то оригинальной блузке, в которой она выглядела еще привлекательнее, чем в прошлый раз. Рядом было свободное место, и это в почти полностью заполненном читальном зале. Он тихо прошел и также тихо опустился на свободный стул, здороваясь с ней. Она повернулась, посмотрела на него и улыбнулась своей милой улыбкой, приветствуя его, хотя они уже и виделись сегодня на лекциях в институте. Положив свои вещи, он пошел к стойке, попросил отложенные книги, и вернулся на свое место. Лена, что-то быстро выписывала из развернутой толстой книги, время, от времени поглядывая на него. Заметив его заинтересованный взгляд, ответно мило улыбнулась. Он почувствовал, что его присутствие рядом нравится ей. Позанимавшись, вместе часа два, увидела, что Степа, посмотрев на часы, заерзал, стал собираться уходить, складывая книги. Она поняла, что, наверное, он снова идет в ночную, тихо спросила:

– Степа, на сегодня все? Тогда я тоже собираюсь.

– Время уже, мне надо в ночную смену на железнодорожный вокзал, боюсь, опоздаю, – ответил он.

– Может, мне тоже с вами на работу ходить? Только, наверное, там мешки тяжелые. Это мне не под силу. Мне бы подыскать что-то не тяжелое. Стипендия же наша, маловата, – высказалась она.

– Лена, если есть желание подрабатывать, я могу узнать есть ли у них более легкая женская работа? – предложил Степа.

– Узнай, если можно, у нас наберется много девчонок, которые стали бы ходить на подработки, – говорила Лена.

Они быстро вошли в метро, через остановку Лена вышла, а Степа поехал на работу на грузовой двор железнодорожной станции, думая каким образом узнать, требуются ли им девушки для работы в ночную смену. Коля уже поджидал его у входа. Переодеваясь в раздевалке, Степа решил спросить друга:

– Коля, ты, случайно, не знаешь, девчонки могут где-то здесь у них на станции тоже подрабатывать по вечерам?

– Наверное, могут. Я знаю, что здесь женщины вагоны моют. А ты о ком печешься? Тебя об этом кто-то просил? – поглядывая с интересом на друга, спросил Коля

– Девчонки с курса просили узнать, – ответил серьезно Степа.

– Давай забежим в отдел кадров и узнаем, – предложил Коля.

До начала работы оставалось еще минут десять, и они побежали. Оказалось, что требуются работницы для мытья вагонов. На всякий случай уточнили, берут ли они студентов и какова продолжительность смены. Подсчитали, что, если выходить в неделю пять раз, и рабо-

тать по пять часов за смену, можно заработать сумму равную почти двум стипендиям. Для достоверности нашли, где моют вагоны, и все уточнили у самих работниц. Там уже работали студентки, и некоторые из общежития Степана, которые подтвердили сказанное им в отделе кадров, но предупредили, что работа все же тяжелая.

На следующий день в перерыве между лекциями Степа подошел к Лене и рассказал, что они вчера узнали с другом в отделе кадров о наличии работы для девушек, поговорили и с самими студентками непосредственно на мойке вагонов. Не забыл и об их предупреждении, что работа не из легких и к ней надо привыкать, многие девушки не выдерживают.

Теперь на работу на железнодорожную станцию они уже отпра- вились с Леной вдвоем. По дороге, по просьбе Лены, Степа подробно рассказывал о своей работе грузчика, о том, как было тяжело и непривычно в первые дни, болели и спина, и мышцы всего тела, потом постепенно привык, теперь все нормально. Из разговора с Леной, Степа узнал, что она из полной семьи, живут они на уровне многих семей их города. Дополнительно к ее стипендии ей присылают некоторую сумму денег из дома, но она решила, как и он, немного подрабатывать и кое- что покупать себе интересное, и заодно прове- рить себя – сможет ли она работать физическим трудом.

Коля уже знал, что сегодня его друг придет с однокурсницей, которая первой из подруг попробует устроиться на работу – мыть железнодорожные вагоны. Им предстояло отвезти ее в отдел кадров. Подойдя, здороваясь, Степа представил Лену. Коля, незаметно погля- дывал на новую знакомую, рассматривая ее. Лена, хоть и была в пальто, просматривалась ее пра- вильно сложенная фигура. Она была не полна, и не худа, выше среднего роста, с красивыми ногами. Придавали ей привлекательный вид и локоны вьющихся темно-русых волос, прикры- ваемых глубоко надетой на голову темно-серой каракулевой шапкой. Все в ней было хорошо, и подобранная одежда и она сама. Но более всего привлекали ее какие-то не то темно-зеленые, не то темно-коричневые светящиеся и улыбающиеся глаза. Щеки от мороза были розово-крас- ными, слегка покраснел и носик, подчеркивающий своеобразную форму ее привлекательного лица.

Начальница отдела кадров, просматривая документы, и погляды- вая на нее, спросила:

– Девушка, вы когда-нибудь занимались физическим трудом? Извините, но больно уж у вас вид интеллигентный. Работа у вас будет нелегкая, выдержите?

Лена, слегка смутившись, ответила:

– Кроме как мыть полы, посуду, стирать, другого делать не приш- лось, но попробую. Я девушка настырная. Если сегодня выдержу, приду завтра сама и приведу еще своих институт- ских подружек. Надо же когда-то привыкать и к такой работе.

– Ну, хорошо, идите и приступайте к работе. Будем считать сегодняшний день испы- тательным. Найдите Светлану Григорьевну, она выдаст рабочую форму и все что нужно для работы, – согласившись принять ее, говорила начальник отдела кадров.

Степа и Коля стояли рядом и переживали за Лену, желая, чтобы ее приняли на работу, но теперь после такого вопроса опытной нача- льницы, они тоже стали сомневаться – выдер- жит ли такая с виду интеллигентная девушка нелегкую нагрузку, если ей в жизни ничего тяже- лого делать не приходилось. Оставив Лену в раздевалке, они пошли к себе

– Степ, скажи, где ты откапал такую кралю, или она с тобой в одной группе учиться? Ты на нее имеешь серьезные виды? Мимо такой девушки не каждый пройти сможет, очень симпатичная, – высказался с интересом Коля, радуясь за друга.

– Да, она моя однокурсница. Узнала, что я по вечерам подрабатываю, и тоже решила. Девчонкам им всегда что-то хочется купить. Что касается второй стороны твоего вопроса, то здесь все гораздо сложнее. Во-первых, такая видная девушка не может быть одна, во-вторых, я уже научен опытом общения с Ниной, и начинать все заново я не готов, и пока об этом всерьез

не думаю, каждый раз отодвигаю. Вот и поддерживаю с ней дружеские отношения. Между прочим, школу она тоже, как и я, окончила с золотой медалью, – рассказывал другу Степан.

Отработав смену, сегодня разгружали сахар в мешках, они по-мылись в душе, быстро оделись и пошли за Леной. Та уже одетая поджидала их. Первый вопрос к ней:

– Ну, как прошел первый рабочий день?

За нее ответила, находящая рядом, старая работница:

– Сегодняшний экзамен она сдала успешно. Если переживет утреннюю ломоту в руках, ногах и спине, значит все нормально. Сначала ее шланг с водой чуть не утащил с площадки, но она справилась, устояла, крепкая девушка.

Лена слушала ее, не перебивая, и улыбалась, в знак одобрения, покачивала головой. Степа и Коля, почти одновременно протянули руки для поздравления с удачно завершённым первым рабочим днем. До метро дошли вместе. Коля поехал домой к ожидающей его Тане, а Степа с Леной в свое общежитие. Было уже поздно. Степа, прощаясь с Леной, подавая ей руку, немного задержал ее в своей. Она сразу не убрала ее, улыбнувшись, посмотрела ему в глаза и побежала. Подождав, когда она скроется за углом общежития, пошел к себе.

На завтра на работу они уже ехали в пятером, с Леной были еще три подружки, и так же возвращались домой. По окончании трудовой недели Лена делилась со Степой, как она, преодолевая боль в спине, ногах и руках, крепилась, чтобы не бросить работу, не опозориться перед всеми, и перед ним с Колей, как потом ото дня ко дню привыкала и почти привыкла.

Заканчивался первый семестр их учебы, девушки договорились с начальством на работе – последнюю неделю перед экзаменами выходить мыть вагоны через день, решив потратить эти вечера на подготовке к экзаменам. Степа с Колей субботу и воскресенье посвятили магазинам, поиску костюмов для свадьбы. Наконец выбор завершен, с упакованными покупками они спешат к Тане, которая должна вынести окончательное решение. Теперь они прохаживались во всей своей красе перед будущей женой Коли, та придирчиво присматривалась, щупала, выворачивала их, проверяла швы и бирки. Ее окончательный вывод – костюмы хороши, соответствуют ожидаемым требованиям.

Деньги у Коли оставались, решили купить ему дополнительно и пальто. Договорились, если потребуются деньги на свадьбу, то Коле их одолжит Степа, который пока отложит свои покупки. С этим не соглашалась Таня, заверяя, что все эти затраты на свадьбу возьмет на себя ее отец. Коля догадывается, что Лена для друга небезразлична, но своей будущей жене об этом он пока не высказывал своих соображений, или тактично они оба не поднимали этого вопроса в его присутствии, щадя его, не зная, как он к этому отнесется.

Степа же все чаще ловил себя на мысли, что постоянно думает о Лене, но как-то показать ей свою заинтересованность, или прямо сказать ей об этом, не решался. Но больше всего он боялся, что у Лены давно уже есть жених, с которым она поддерживает связь, и которому она предана. Спросить и узнать об этом не решался даже у знакомых ее подружек. Иногда у него вдруг возникало желание, не откладывая до следующего подходящего момента, пойти прямо сейчас, и выяснить ее отношения к себе, и выразить свои чувства ей. Но в самый последний момент, он как-то пугался своей решительности, остывал, откладывал это смелое желание на потом, которое переносилось снова на неопределенный срок.

Вчера он по телефону разговаривал с матерью. Она уже знает о намеченной и готовящейся свадьбе Коли и Тани. Мать уже обегала местные магазины в поисках ему хорошего костюма, деньги на который она уже давно накопила. Тронутый ее заботой, ему пришлось рассказать ей, что он вместе с ребятами вечерами подрабатывает, и на заработанные деньги уже купил его. Мать удивилась и пожурила его, чтобы он не деньги зарабатывал бы, а занимался учебой, и настаивала бросить все эти ночные работы. Потом хотела что-то спросить, но забыла, сказав, что как вспомнит, тогда и спросит. Почему-то он подумал, что мать волнует вопрос его отношений с Ниной и хотела спросить о ней.

За неделю до окончания семестра они втроем, Степа, Коля и Таня написали письмо Паше, которым сообщали о намечающейся свадьбе и просили никуда не уезжать на студенческие каникулы, его присутствие на свадьбе обязательно. О намечавшейся свадьбе Коли и Тани Паша узнал ранее из письма Ани, которой Таня тоже сообщила это при их встрече. Аня, не выдержав, не дождавшись очередного письма от Паши, не откладывая больше, написала ему очередное письмо и изложила эту новость.

Получая регулярно письма от Паши, она постоянно ожидала его раздражительных упреков, и даже разрыва всех отношений, думая, что об ее увлечениях в Москве ему уже рассказали. Это мог быть или Коля, узнавший от Тани, которая встречала ее несколько раз с другим парнем, или, скорее всего, от Степы, с которым ей пришлось столкнуться в метро, да еще при таких пикантных обстоятельствах. Разрыва отношений с Пашей она не хотела, поэтому заранее придумывала варианты оправдания со ссылкой, что это были сокурсники, а о случае, о котором мог поделиться с ним Степа, она решила его отрицать, мол, в Москве много народу и часто похожих, Степа мог и ошибиться, спутав ее с кем-то. Каждое письмо Паши она вскрывала только с этой мыслью, но ни в одном письме не было никакого намека. Она терялась в догадках. Что Таня могла скрыть от Коли увиденное, она еще допускала, но, чтобы его неразлучный друг Степа не написал ему об его встрече с ней, этого она понять не могла. Теперь с трепетом ожидала развязки при встрече. Видимо, Паша решил ее оскорбить принародно. Ее мозг работал и в этом направлении, придумывая варианты выхода и из этой ситуации. Ну, а в случае, если ее прижмут, скажет, что не надеется на Пашу, романов серьезных не заводит, но время проводит, как свободная ничем не обремененная девушка, не собираясь пока за выходить замуж.

Аню постоянно не покидало давление матери с ее неприязнью к Паше и только из-за того, что он гол, как сокол, как любила повторять ее мать. Она придумывала всякие байки о нужде, о нищете, о невоспитанности детей в бедных семьях, об их эгоизме и постоянно давила этим на сознание дочери.

Давление матери усилилось в последний год их учебы в школе, не ослабевало и сейчас. Эти назойливые мысли, засевшие у матери в голове по отношению к жениху своей дочери и принятые за основу ее воздействия на дочь, постоянно как-то высказывались ею или намеком затрагивались в каждом ее письме и телефонном разговоре, а ведь он и ей сначала нравился, а потом у нее возобладали какие-то другие суждения, как будто она сама из княжеского рода. Аня пыталась сопротивляться, защищая Пашу, но силы были неравны, и она стала невольно искать ему замену.

Пыталась здесь, в Москве, забыть его по наставлению матери, на какое-то время убеждала себя в этой необходимости, но как только получала от него письмо, с умилением его читала, перечитывала, даже целовала с любовью, клала его себе под подушку и спала с ним, ругая себя, что стала встречаться с другими парнями. На другой день разрывала с недоумевающим парнем всякие отношения, ничего не объясняя, не ругаясь и не предъявляя к нему каких-либо требований. Потом начиналось все заново. Она помнит, как сгорала от стыда, не предполагая, что гуляя с парнем в таком большом городе где миллионы и миллионы людей, может встретиться с кем-то из знакомых, да еще с какими, как с Таней, которая встречается с другом Паши. У них тайн друг от друга не может быть. А этот Степа, остолбеневший с широко-открытыми глазами и ртом в метро, увидевший ее в таком пикантном состоянии, в тот момент, когда этот болван, Вовка, вздумал целоваться, и когда она готова была провалиться сквозь землю. Что ей оставалось делать, как не убежать со стыдом, хорошо, что двери вагона поезда в этот момент были открыты, в которые она успела вбежать и поезд сразу тронулся, закрыв двери вагонов.

«Дура, я набитая, такого парня меняю, не зная на кого. Приеду, встречусь, и все расскажу, как все есть на самом деле. Мать, а что мать, покричит, покричит, да и успокоится. А нет, вообще отдамся ему, как, наверное, сделала более практичная подружка, Таня. Пусть потом

мать выбирает, что для нее лучше. Мне надо было бы сделать это раньше, плюнуть на все предрассудки. И учились бы в одном городе и жили вместе, как живут Таня с Колей. Паша, миленький, прости», – ругала Аня себя, сидя с заплаканными, уже красными глазами.

Паша тоже, стараясь не допускать прогулов, почти каждый вечер вместе с бригадой ребят из института ходил на разгрузку вагонов, возвращаясь домой, почти всегда после двенадцати часов ночи, иногда и позже. К работе быстро привык и работал со всеми наравне. Как и все получал за выполненный объем работ зарплату. Они с матерью смогли за эти месяцы с учетом ранее отложенных денег набрать сумму, хватившую чтобы купить новый диван и шифоньер, теперь копили ему на новый костюм и пальто. Паше хотелось что-то модное, оригинальное, но подходящее не попадалось. Он решил воспользоваться услугой своих друзей в Москве. Написал письмо, в котором просил Степу и Колю, с участием Тани, купить по их усмотрению для него костюм и зимнее пальто, предполагая, что друзья тоже себе будут покупать к намеченной свадьбе. Его размер совпадал полностью с размером Степы. Деньги отправил переводом. Теперь с интересом ожидал приезда друзей, гадая, что же они ему привезут.

Выбирать костюм и пальто Паше теперь ходили вместе Степа, Коля и Таня. Купили ему в том же универмаге, где и себе. Дома снова Степа одевал костюм и пальто на свой старый пиджак и прохаживался по комнате под внимательными взорами Коли и Тани. Купленная одежда всем нравилась, ее снова, как было, аккуратно упаковали.

Паша перед экзаменами подумывал отпроситься на работе на недельку, сесть основательно за учебники и конспекты лекций, но потом решил не менять сложившегося правила, тем более, на свадьбу друга хотелось иметь немного карманных денег на непредвиденные расходы. Примерялся купить какой-нибудь подарок и Ане, притом стоящий, чтобы не осмеяла будущая теща.

Пошел в ювелирный магазин, внимательно рассмотрел имеющиеся там украшения, сначала хотел приобрести что-то из них, но потом раздумал. Ему вдруг в голову пришла мысль, купить подарок с участием самой Ани. Так будет легче понять, что из предложенного ей больше всего понравится.

Начались экзамены, Паша почти не спал ночами, мать жалела его, но ничем не могла помочь. Он не переставал ходить на разгрузку вагонов по ночам, а, придя из института, спешил уединиться и позаниматься хотя бы часок. Весь день на своей работе мать не могла успокоиться, ожидая его звонка о результате первого экзамена в институте. Но вот раздался телефонный звонок, она снимает трубку и слышит веселый голос сына, у него в зачетке первая оценка – «отлично». От хорошей новости у нее на глазах появляются слезы, она радостно поздравляет его, но голос ее сбивается. Он понимал волнение матери, но и почувствовал в ее голосе радость за свои успехи, пообещал подробно все рассказать дома.

Но вот уже последний его экзамен, снова звонок матери, опять ее радость за сына, а у него и радость другого плана. Завтра надо быть на вокзале, встретить приезжающих друзей из Москвы, а послезавтра Аню. Паша никак не мог определиться, как вести себя с Аней при недоброжелательном отношении к нему ее матери, которое он почувствовал в последнее время, особенно, перед отъездом Ани в Москву. Отец Ани держался, как бы, нейтралитета между женой и женихом дочери, относился к нему, в отличие от своей жены, весьма уважительно и дружелюбно. Это Паша понимал, что его как-то и успокаивало.

Встречать друзей Паша приехал на вокзал за полчаса до прихода поезда, потом подъехали матери Степы и Коли, Галина Сергеевна и Маргарита Семеновна, которые увидев его, подошли, здороваясь. На своей машине подъехали родители Тани, Анатолий Иванович и Марина Григорьевна.

Вскоре прибыл и поезд. Из вагона вышла Таня, потом появились ребята. Поставив вещи на платформе, они опять, пробиваясь через выходящих пассажиров, скрылись в вагоне. Паша,

догадавшись, что у ребят много багажа, поприветствовал Таню, обнял ее и, передав ее подошедшим женщинам, тоже побежал в вагон.

Здесь ребята после долгой разлуки обнялись, радостно приветствуя друг друга. Степа с Колей, чтобы не бегать по магазинам в своем городе, постарались купить в Москве некоторые продукты для свадьбы и привезли их с собой. Отец Тани пригласил всех поехать к ним и отметить слегка приезд детей. Если ребята были неоднократно в их квартире, то Маргарита Семеновна и Галина Сергеевна были здесь впервые и с интересом рассматривали саму квартиру и весь интерьер в ней. Пообедав и поговорив некоторое время, Галина Сергеевна, поняв, что сватьям нужно пообщаться, scomандовала Степе и Паше ехать домой, оставив Колю и его мать.

С неохотой ребята удалились. Оставшись одни, родители невесты и мать жениха обговорили детали предстоящей свадьбы.

По дороге Степа рассказывал Паше в подробностях, как они с Колей и Таней покупали ему костюм и пальто, и как он его примерял, сначала в магазине, а потом уже и дома.

Войдя в свою квартиру, Паша быстро раскрыл упаковку и прежде, чем примерить положил пальто и костюм на кровать, отошел и стал рассматривать их фасон и цвет издалека. Мать, с интересом наблюдая за ним, проговорила:

– Хватить любоваться, лучше примерь.

Паша стал одеваться. Теперь в полном костюме прохаживаясь перед матерью и зеркалом, поворачивался и оглядывал себя со всех сторон. У него и тот костюм еще свеж и тоже сидел на нем хорошо, но этот выглядел намного элегантнее. Мать подошла, потрогала его за плечи, и, улыбаясь, сказала:

– В этом костюме ты выглядишь настоящим франтом. Фасон оригинальный. Теперь у тебя два хороших костюма, этот будет парадным, носить будешь только на праздники и по торжественным случаям. Примерь-ка и пальто, а я посмотрю, как оно на тебе сидит. Только мерить надо на пиджак.

Паша снял пиджак, надел другой, а на него новое пальто и опять к зеркалу, повернувшись к матери спросил:

– Ну, как, мам, я в нем выгляжу?

– Отлично, Паша. Тебя в нем не узнать. Молодцы твои друзья, постарались. Пальто красивое и по фасону, и по цвету и, главное, молодежное. Паша, как я рада за тебя. В таком виде можно будет покрасоваться и перед самой требовательной будущей тещей.

– Ты, что сосватать кого-то хочешь, вдруг стала расхваливать почему-то, или я на самом деле так уж в этом пальто хорош?

– Конечно хорош, только не зазнавайся. От зазнайства часто в голове кружится, упасть можно и больно, – ответила мать.

Он подошел, обнял ее, поцеловал в щеку и сказал:

– Спасибо, тебе мама, ты у меня такая добрая, такая хорошая. Потерпи немного, окончу институт, стану работать по специальности, все у нас будет хорошо.

Вечером пришел Степа. Вместе пошли погулять, поговорить, поделиться мнениями. О чем бы они ни говорили, у Степы в голове постоянно вертелась мысль, как бы, невзначай, не проговориться другу о неожиданной встрече в метро с Аней. Об этом он, может быть и скажет когда-то, но не сейчас, для друга это будет непоправимой болью. К тому же договорились, об этом ему не скажет и Коля. Пусть все пока останется на совести самой Ани.

Паша, ничего не зная об этом, завтра приготовился ее встречать. На просьбу Паши составить ему компанию пойти встретить на вокзале Аню, Степа нашел причину и тактично отказался. Еще было свежо его презрение к ней, он снова вспомнил тот момент в метро, когда она целовалась с Володей, боялся не сдержаться при встрече с ней. Об этом он много думал, успокаивал себя, но возникшая неприязнь из-за ее предательства друга не покидала его. Неохотно

и обтекаемо он отвечал на вопросы Паши о Нине, хотя чувствовал, что друг догадался о возникшей между ними отчужденности и больше на эту тему вопросов задавать не стал.

Паша, не желая общения с матерью Ани, решил приехать на железнодорожный вокзал, как можно ближе ко времени прихода поезда. По совету своей матери, хотя и сам хотел этого, надел новое пальто, с которого на вешалке за ночь полностью исчезли заметные вчера помятости, покрутился перед зеркалом и пошел. На перроне, где-то в середине, видимо зная номер вагона, стояли родители Ани, поджидая подхода уже видневшегося вдалеке поезда. Паша, подойдя к платформе, остановился в начале ее. В руках его был букет цветов, выдававший его намерения и цель прихода сюда. Отец Ани, увидев его, заулыбался и направился к нему. Мать Ани, пораженная видом Паши, в таком модном, элегантном и дорогом пальто, в котором он выглядел непривычно для нее возмужавшим, представительным и интеллигентным, как сынок богатых родителей, о котором она постоянно мечтала для своей дочери, стояла в нерешительности, не зная, как себя вести. Тем временем ее муж уже вел Павла под руку к ней, о чем-то весело с ним разговаривая. В таком недоуменном виде и застали они ее оба. На приветствие Паши она что-то пролепетала уже под шум прибывшего и останавливающегося поезда. В тамбуре рядом с проводницей, держащей в руке желтый флажок, стояла улыбающаяся Аня. Как показалось Паше, сойдя на платформу, она не сразу узнала его. Она бросилась обнимать родителей, целуя их со слезами на глазах. Потом ее взгляд упал на него. Явно не ожидая его увидеть здесь и сейчас, она растерялась, остолбенела, какая-то сумка упала у нее из рук, она смотрела на него, не решаясь подойти, но, видя его улыбающегося, счастливого, бросилась к нему в объятия, целуя и уже плача. Приняв из его рук красивый букет цветов, поблагодарила за них и поцеловала его без стеснения еще раз. В этом модном, новом пальто он был для нее совсем другим, неопишимо красив и статен, и почему-то неожиданно для себя и родителей, засмушалась, покраснев при всех.

Все это было на глазах и у матери, которая поняла, что дочка по уши влюблена в этого представительного парня, незаметно для нее превратившегося из бедного «гадкого утенка» в «прекрасного лебедя». Паша взял часть вещей из рук отца Ани и вместе с ней пошли к выходу вокзала. Вслед за ними, широко шагая, шел отец Ани, а мать, которой хотелось, почему-то реветь в это время, семенила сзади. В ней клокотал ком обиды, что дочка идет не с ней и даже не с отцом, а с этим самозванцем, напрашивающимся в зятя. Она не знала и не понимала, на какие деньги смог так он вырядиться, на нем такая дорогая и модная одежда, купил недорогой букет цветов, да и держался он на равных, гордо и достойно, и именно это ее и злило, и эта злость, скорее уже завистливая, у нее была написана на лице. Она приходила к выводу, что все ее усилия разбить дружбу дочери с этим назойливым парнем пропали даром. Она видела, как светились глаза дочери, как она, забыв элементарные правила приличия, при отце и матери безрассудно бросилась ему на шею, еще не мужу и которого почти бросила. Она приезжала к ней и видела, что дочь начала встречаться с другими ребятами. Она не знала их, но почему-то была уверена, что они из обеспеченных семей и одобряла ее поведение. И только где-то вдалеке в ее сознании, сейчас промелькнула мысль осуждения своего необузданного желания.

Паша, желая оставить Аню с родителями, стал прощаться. На приглашение отца Ани, поехать к ним домой вместе с ними, сказал, что, к сожалению, не может, у него имеются неотложные дела. С Аней успел договориться, что зайдет к ней вечером, и они куда-нибудь сходят. Он был рад встрече с ней. Она, как ему показалось, похорошела еще больше и тоже была рада встречи с ним. Ему было приятно, как она без стеснения, завидев его, бросилась целовать, обнимая, повесившись у него на шее. Он видел улыбающегося отца Ани и встревоженный, изумленный взгляд ее матери. Заметил, как она, да и Аня, рассматривали его в этом новом пальто. «Видимо, действительно это пальто мне подходит, кажется очень дорогим, поэтому мать Ани так откровенно рассматривала меня. Придется при встрече с друзьями и Таней еще раз поблагодарить их.

В хорошем настроении, не переставая радоваться встрече с приехавшей Аней, он оказался у дверей своей квартиры. В прихожей, стал раздеваться, напевая что-то себе под нос. Мать по его настроению догадалась, что все прошло у него по запланированному сценарию, и главное, видимо, привел в изумление своей модной одеждой мать Ани. «Вот так-то, «знайте наших», и «на нашей улице будет праздник» – думала, радуясь за сына, мать.

Ближе к вечеру к нему зашли Степа с Колей. Степа, поздоровавшись с Ольгой Ефимовной, уселся на новый диван, слегка подпрыгнув на нем, произнес:

– Поздравляю. Вы обновили мебель?

Мать, находившаяся рядом, ответила.

– Спасибо. Это на Пашины заработанные деньги мы купили. Как он стал ночью разгружать вагоны, появилась такая возможность. Правда, постоянно работая ночью не высыпается, домой поздно возвращается, а вставать надо рано.

– А мы хотели похвастаться, что мы одни такие умные с Колей, догадались подрабатывать на разгрузке вагонов на железнодорожной станции. Оказывается, Паша, ты нас опередил. Теперь я понимаю, откуда у тебя деньги на одежду, которую мы тебе купили. Кстати, ты примерил пальто, костюм, все нормально? – спросил Степа.

– Еще как, точно по мне сшито, и модное, большое спасибо вам ребята, здесь я такое бы не купил, – ответил Паша, а потом добавил, – и Тане спасибо. У вас хороший вкус.

Ольга Ефимовна стала накрывать на стол, но Коля встал и сказал, что их уже ждут дома у Тани, и пригласил ребят. Паша, одеваясь, спросил Колю:

– Если не возражаешь, захватим с собой и Аню, я ее сегодня встречал на вокзале, она приехала, я обещал зайти к ней вечером.

– Нет, не возражаю, веселее будет, – ответил Коля, переглянувшись многозначительно со Степой.

Такой обмен вопросительными взглядами между ними был замечен Пашей, но он не придал этому особого значения, не поняв, чем они обусловлены.

Втроем они заехали за Аней, уже ожидавшей его, но не предполагавшей, что здесь появятся Степа с Колей. Увидев их, она учтиво и радостно приветствовала, поцеловав обоих в щеку, но в глазах у нее оба друга заметили слегка уловимые искорки какого-то страха с отблесками, вроде бы, невысказанной вины перед ними, а она, в свою очередь, рассмотрела их вопросительные взгляды. Слегка сконфузившись, но придя в себя, стала с ними разговаривать.

К Тане они ввалились вчетвером, шумно раздеваясь в прихожей. Войдя в гостиную, они увидели сидящую за столом улыбающуюся Нину. Она быстро встала и стала целоваться с Аней, потом подошла к Коле и поцеловала его в щеку, последним оставался Степа. Все с интересом смотрели на них, ожидая развязки. Степа подал ей руку, но она, пожав ее, все же привстала на кончики пальцев ног, дотянулась и тоже поцеловала его в щеку. Все успокоились и устроились, кто за столом, кто на диване. Таня затеяла какой-то разговор с Аней, другие молча и внимательно их слушали.

Зашла мать Тани, попросила ребят раздвинуть стол, а девушек, чтобы помогли его накрывать. Вскоре вошел отец Тани, и стал вынимать из большого принесенного пакета бутылки шампанского, водки, лимонада, что-то из печеного.

Все уселись за большой стол. Ребятам налили по стопке водки, Паше, девушкам и хозяйке квартиры по бокалу шампанского. Первый тост за успешное окончание первого семестра, потом за продолжающуюся дружбу ребят после школы. Ребята, не привыкшие к водке, отхлебывали понемногу, боясь опьянеть. Свадьбу, как узнали гости, Коля с Таней и их родители, после долгого обсуждения, наметили на следующее воскресенье.

После ужина всей компанией пошли погулять. Говорили все, только не многословен был Степа, что выдавало его обиду на Нину. Заметен был оправдательный тон Нины, вроде бы ничего не обязывающего ее повествования, больше относящегося к Степе. Уже поздним вече-

ром Коля пошел провожать Таню, Паша с Аней. Нина остановилась у тети, жившей где-то на окраине города. Степа поехал проводить ее. Нина попыталась приблизиться к нему, даже как-то прижалась, Степа не среагировал, но не отстранился. Она поняла, растопить его сердце теперь вряд ли удастся. Такое инертное поведение Степы задевало ее самолюбие. От Тани она узнала, что Степа пока ни с кем не встречается, и внутренне радовалась такому обстоятельству, но и не могла понять, как такой видный симпатичный парень, может оставаться так долго один. Ведь она практически отвергла его, хотя сама, вся в сомнениях, тоже не нашла ему замены. 3

Степа, проводив Нину, сухо распрощавшись, возвращался в противоречивом состоянии, видел ее желание наладить прежние отношения с ним, чего он не хотел и показывал ей всем своим видом и действиями, в тоже время чувствовал ее стеснительность и несвойственное ей ранее поведение. Ему иногда хотелось приласкать ее, как ранее это он делал, поцеловать, так и напрашивающиеся ее нежные губы, но обида, притупление чувств к ней, побеждали его вдруг возникающие желания. Если бы Нина опять проявила бы инициативу, он вряд ли удержался, но она тоже с противоречивыми чувствами, не могла снова на это решиться.

Было уже поздно, но Паша с Аней не торопились расходиться, укрывшись от морозного ночного ветра в подъезде своего дома. Они грели руки, или делали вид, что греют, держа их на талии друг друга под пальто, и, нередко, вообще за спиной, не переставая целоваться. Они стояли вплотную, обнимаясь, с расстегнутыми пальто. Она, как бы в невзначай, провоцировала его, прижимаясь к нему, и оба уже не стеснялись этого. При таком взаимном, близком прикосновении, они блаженствовали, забыв, про вопросы друг к другу о времени-провождении в разлуке. Аня, разогретая Пашей, в это время забыла или не хотела помнить наставления матери, и уже подумывала, прокручивая мысли в голове, где можно было бы найти условия для более близкого общения. Поведение Паши говорило о том, что он ничего не знает, как она проводила время без него в Москве. Выходит, что ни Степа, ни Коля не захотели травмировать его чувств. Обретя уверенность, уже забыв о своих колебаниях в чувствах к нему за последнее время, ей захотелось закрепить искренние чувства Паши к себе, более тесным сближением, которое бы заодно и решило бы вопрос неприязни к нему матери. Эта мысль в последнее время не выходила у нее из головы, а сегодняшнее поведение Паши говорило, что он не устоит перед ее соблазном, а о случившемся, она непременно расскажет матери.

Они стояли на площадке своего этажа недалеко от дверей лифта. Из дверей соседней квартиры довольно звонко слышался звук домофона. Кто-то звонил снизу и должен теперь появиться здесь. Это заставило их отпрянуть друг от друга.

Паша тоже, наконец, распрощался с Аней. На улице его встретил тот же холодный морозный ветер. Оказавшись в автобусе, он вспомнил, что завтра он не сможет прийти к Ане, будет работать в ночь на разгрузке вагонов, и не предупредил ее об этом. Подумал «как бы не забыть, завтра с утра позвонить ей и все объяснить».

На другой день утром, вспомнив, Паша позвонил с телефона – автомата Ане и сообщил, что вечером он не сможет прийти к ней, в ночь идет на работу разгружать вагоны, и что будет свободен с двенадцати часов дня и назначил ей встречу в центральной части города, предполагая купить ей какой-нибудь подарок. К назначенному времени они встретились в условленном месте, и он предложил погулять по городу. Они шли не спеша, разговаривая, интересуясь, что продается в попадающихся палатках, небольших магазинах, зашли в ювелирный. На полках лежали многочисленные сверкающие ювелирные украшения. Паша полушутя, полусерьезно сказал:

– Аня, чтобы ты выбрала бы себе из всего лежащего на этих витринах, конечно, исходя из наших скромных возможностей?

Не собираясь ничего покупать, она просмотрела витрины и, тоже шутя, не предполагая, что ее жених сразу пойдет в кассу выбивать чек, ткнула пальцем в брошь с зеленоватыми изумрудами, даже не посмотрев на ее стоимость:

– Наверное, вот эту бы вещицу, она смотрится красиво.

Паша нагнулся, прочитал этикетку и направился в кассу. Видя, что он не шутит, Аня бросилась уговаривать, чтобы он этого не делал, но в его руке уже был чек. Продавщица вытащила брошь, положила в коробочку и протянула ему. Аня растерялась, этот подарок был не дешев, стоя в сторонке, наблюдала за ним, а он подошел и, улыбаясь, укрепил его у нее на груди, на платье.

Переживая за его деньги, Аня высказалась:

– Паша, зачем ты потратил такую сумму денег, я знаю, они тебе нелегко достаются? Я думала, что ты шутишь, потому и ткнула пальцам на эту не дешевую брошь.

– Я хотел сам выбрать для тебя что-нибудь, но остановиться на чем-то не мог. Вот я и привел тебя сюда, и получилось, как нельзя лучше. Тебе остается только еще раз поцеловать меня, – закончил свой ответ он, уже шутя, обнимая ее прямо здесь на улице.

Не обращая внимания на прохожих, она тоже, обняв его, подтянулась, встав на носки своих сапог, дотянулась до его губ и расцеловала. Не договариваясь, оба радостные и веселые, ухватившись за руки, со смехом побежали.

Коля, особо не задерживаясь у Тани, поспешил домой, знал, что его ждет соскучившаяся мать и им надо о многом поговорить, в том числе и о предстоящей свадьбе.

Когда он вошел в квартиру, мать, зная, что его покормили у Тани, все равно предложила выпить чаю с ней. И вот сидя вместе за столом, Коля рассказывает, как, работав на разгрузке вагонов на железнодорожной станции вместе со Степой ночами. Как, заработав деньги, ходили, выбирали ему и Степе, к свадьбе, новые костюмы и пальто. На заработанные деньги сумел даже купить хорошие парадные туфли и платье Тани. По просьбе Пашы, пришлось искать одежду и ему, только теперь с участием Тани. Он видел, как мать внимательно слушает его, как от радости ее глаза становились влажными, которые она старалась украдкой вытирать висевшим у нее на шее шарфом. Рассказывал, как готовился и успешно сдал экзамены за первый семестр. Не забыл упомянуть, что они с Таней будут жить в снимаемой ею комнате. Их беседа затянулась надолго, в ходе которой поговорили и о его друзьях, и об их намерениях. В конце разговора мать пошла в комнату, долго там копалась и вернулась с платком, в котором держала скопленные деньги для его свадьбы. К его удивлению, мать скопила достаточную сумму. Он пошел и тоже принес свои оставшиеся от покупок, и занятые деньги, на всякий случай, у Степы, о чем умолчал перед матерью. По их расчетам, денег теперь вполне должно было хватить на все свадебные расходы. Коля, на всякий случай, довел до матери разговор с Таней, в котором она сказала, что все расходы на свадьбу берут на себя ее родители.

Другой день ребята посвятили прогулкам по городу, Паша, посмотрев на часы, ему надо было на работу, на разгрузку вагонов и стал прощаться с ними. Вдруг Коля выдвинул предложение – пойти на разгрузку всем троим, пусть отработанные смены его и Степы засчитают и отпустят Пашу на два дня, день до его свадьбы и день после свадьбы. Степе такая идея понравилась. Паша стал сопротивляться, неудобно было как-то ему эксплуатировать друзей, приехавших домой всего на несколько дней, но друзья, найдя аргументы, все же уговорили. Встретиться договорились у грузового двора вокзала.

Приход двух здоровых ребят вместе с Пашей, пожелавших по-работать, как никогда оказался востребованным бригадиром, несколько ребят по разным причинам сегодня не смогли выйти на работу. Отработав смену, перегрузив ящики с продуктами на машины, домой смогли вернуться поздней ночью.

Собравшиеся у Тани девушки, ожидая ребят, так и не дождавшись их, строили разные предположения их не прихода. Телефона ни у одного из ребят не было, некуда и звонить.

На другой день ребята опять вместе появились дома у Тани. Надо было вместе с Анатолием Ивановичем, отцом Тани, ехать и заказывать зал в ресторане, познакомиться с его интерьером. Когда надо было оплачивать, Коля вытащил деньги и положил их перед кассиром,

Анатолий Иванович спокойно вернул их ему, сказав, что это его забота, и, если у него денег не хватит, он непременно воспользуется и его деньгами. Отозвав Колю в сторонку, он стал говорить:

– Коля, у нас будет на свадьбе много моих знакомых по работе, вы не стесняйтесь, тоже всех позовите со своей стороны. Пусть Маргарита Семеновна позовет своих коллег из школы, близких соседей, а ты всех своих знакомых ребят. Когда много молодежи веселья будет больше. Расходы пусть вас не волнуют, у нас дочь одна, и она заслуживает хорошей свадьбы. Коля, ты умный парень, надеюсь, ты поймешь меня. Потом, мы уже полюбили тебя, как собственного сына, считай, ты член нашей семьи.

– Извините, Анатолий Иванович, но мы с мамой хотели тоже принять участие в предстоящих расходах, – проговорил Коля.

– Коля, ты, надеюсь, меня понял, о деньгах больше ни слова. Я больше твоей матери зарабатываю. Они твоей матери еще пригодятся, ты пожалей ее, она у тебя очень хорошая, – еще раз подтвердил свои намерения Анатолий Иванович.

Со стороны, наблюдавшие за отношением Анатолия Ивановича к будущему зятю, Степа и Паша, видели и понимали, что говорилось все это не из бахвальства, а от всей души, он его считал уже своим родным и сочувствовали смущению друга.

Степа шепнул на ухо Паше:

– Повезло Коле с тестем. Такие редко попадают. И теща у него вежливая, приятная, обходительная и, видно, не жадная.

Паша, поняв намек, немного смутился и ответил.

– Это точно. Всю жизнь Коля со своей матерью ничего хорошего, как и мы с тобой со своими матерями, не видели, может теперь, жизнь нормальную почувствует.

Закончив дела с арендой зала, Анатолий Иванович привез их к себе домой, и чтобы не мешать женщинам, занятых приготовлением чего-то, пригласил в рядом расположенный гараж, открыл бутылку вина, предложил обмыть заключенную сделку.

Аня, наблюдая за отношениями между отцом и матерью Тани, невольно сравнивала свою семью с семьей Тани и видела большую разницу, и которая была не в пользу ее семьи. Отец был тоже, как и у Тани, спокойным, сдержанным, практичным. Мать, наоборот, отличалась неуравновешенностью, вспыльчивостью, с какими-то своими особыми суждениями о жизни.

Аня также не понимала истинной причины, почему ее мать, ранее доброжелательно относившаяся к Паше, теперь старается ее разлучить с ним. Ей как-то не верилось, что причиной всему оказалась бедность семьи Паши. Но сама, не веря в это, незаметно для себя, соглашалась с матерью. Теперь, учась в Москве, она все больше познавала мир, видела кто, как живет, как люди, обеспеченные тянутся друг к другу, как проводят время ребята из таких обеспеченных семей. И узнав, только что сейчас, как ее Паша пытается зарабатывать деньги, стремится преодолеть свою необеспеченность, она смотрела на него, на его прекрасное лицо, с каким-то его благородным, даже гордым выражением, с умным взглядом его глаз, одетого по моде, в прекрасно сидящем на нем костюме, и никак не могла согласиться с мыслью, что такой парень может испытывать материальную необеспеченность всегда. Нет, он достоин большего, и хочется верить, и она мысленно желала этого, что так и будет. Она встретила с ним взглядом, он улыбнулся, и, вроде бы, подмигнул, мол, «знайте наших».

Посидев, послушав музыку, ребята решили разойтись по домам, предоставив возможность хозяевам заняться своими семейными делами. Оказавшись на улице, где ощущался довольно морозный ветерок, Паша предложил Ане, как бы между прочим:

– Что-то холодновато, может, пойдем к нам, дома никого нет?

– Я с удовольствием, – ответила Аня.

Войдя в квартиру, раздевшись, повесив пальто на вешалку с помощью Паши, Аня сразу обратила внимание на появившийся новый шифоньер у стены, вместо старого потертого

дивана стоял но- вый с красивой обивкой, застеленный светло-коричневым тоже новым пледом. Она села, попробовала упругость его пружин подпрыгиванием, и высказалась:

– Паша, а вы разбогатели. У вас и новый симпатичный шифоньер, и оригинальный диван. Поздравляю.

– Спасибо Аня, как видишь, понемногу богатею. Не то еще будет, – шутя, ответил Паша. Потом добавил, – пойдем на кухню, что-нибудь пожужем.

Обед Аня не захотела, обошлись чаем. Вернувшись в комнату, она опять уселась на свое место на диване, где сидела до этого, а он на стул около стола.

– Ты, что меня боишься, уселся там? – улыбаясь, спросила Аня.

– Да, боюсь, это ночью, в темноте, я смелый, – подсаживаясь на диван, обнимая ее, проговорил он.

Она поддалась к нему все телом, обвила за шею руками и, шутя, повалила, потянув на себя, не переставая целовать. Он принял ее шутку, отвечая на поцелуи. Она не сопротивлялась, и как ему казалось, способствовала его возбуждению, готова была отдаться ему, чувствовалось, что она хочет этого. У него промелькнула мысль, что он, пользуясь ее слабостью и влюбленностью, хочет воспользоваться ею, отпрянул, отодвинулся к краю дивана и спокойно тихо, вроде бы шутя, стал говорить:

– Аня, не надо, нам пока рано. Стоит подумать о последствиях, которые ни тебе, ни мне не нужны. Я, думаю, что ты согласишься со мной. Перенесем все это на более позднее время. Не умрем же мы без этого, пока. И мамке твоей не зачем будет выдирать мне глаза, она, ведь, из-за своей дочки и не на такое пойдет.

– Ты, прав Паша. Это от любви к тебе я готова на все, даже на такое раннее сближение. Извини меня такую взбалмошную, – с сильным смущением проговорила Аня.

– Давай, я лучше музыку включу, послушаем, если хочешь, потанцуем, – предложил он.

Послышалась музыка танго. Паша встал и галантно пригласил ее. Она встала, надела домашние тапочки матери Паши, подошла к нему, он взял ее руку, другую положил на ее талию, и стали танцевать.

Ушли они немного раньше до обычного возвращения с работы матери Паши, решив сходить посмотреть какой-нибудь фильм.

Меж тем Степа, вернувшись домой, уже с лестничной площадки услышал в своей квартире чьи-то женские голоса. Войдя в квартиру, к своему удивлению, он застал здесь, кроме своей матери, Ольгу Ефимовну и Маргариту Семеновну, что-то оживленно обсуждающих. На кровати и диване лежали новые, еще с бирками, вечерние платья. Он догадался, их матери только-что вернулись из универмага, купив их. Видимо они только закончили повторную нетопливую их проверку, теперь обсуждают, что и как.

– Степа хорошо, что ты пришел. Мы сейчас наденем купленные нами вечерние платья, а ты со стороны посмотришь, как мы в них выглядим. Мы решили показаться на свадьбе во всей своей красе. Дело в том, что со времени наших свадеб мы уже забыли, как должны парадно выглядеть такие еще не старые женщины, как мы, – улыбаясь, говорила Ольга Ефимовна, направляясь в ванну с платьем для переодевания.

– Пожалуйста, если вы считаете, что я способен заменить эксперта в этом вопросе, – отвечал, посмеиваясь, Степа, удивленный столь необычному возлагаемому поручению.

Через некоторое время дверь из ванной открылась и в комнату вошла совсем другая Ольга Ефимовна. Степа даже растерялся, женщины смотрели на него, стоящего с открытым ртом и широко открытыми глазами, и смеялись. Поборов свое смущение, усилившееся от смеха матери и ее подруг, он собрался и произнес:

– Теть Оля, мне как-то неудобно говорить, но вы совершенно другие в этом платье, вы и так выглядите хорошо, а в нем вы совсем помолодели. Вам это платье подходит. Никогда не думал, что одежда так может менять человека.

– Мам, теперь твоя очередь. Пойди, переоденься, – обращаясь к матери вполне серьезно, попросил Степа.

Мать тоже удалилась в ванную, взяв с собой новое платье, и через некоторое время появилась тоже преобразившейся, стала совершенно другой. Степа подошел к матери обнял ее, как это он делал неоднократно, поцеловал и сказал:

– Мама, оказывается вы у нас такие красивые и совсем молодые. Не надо больше относить себя к старушкам. Жалко, что вас не видят сейчас мои друзья, Паша и Коля.

Потом заставили надеть парадное платье и Маргариту Семеновну. В такой момент совсем забылись перенесенные недавние, тяжелые годы, постоянные материальные затруднения, и все другие мытарства, рано оставшись без мужей. И только теперь, когда выросли дети, стала появляться радость, какая-то надежда на будущее и уверенность, что все плохое позади.

Маргарита Семеновна, вернувшись домой, входила в свою квартиру, когда Коля уже собрался уходить, они договорились с Таней, что она будет его ждать. Матери захотелось, чтобы сын тоже увидел ею купленное платье, в котором она собиралась быть на его свадьбе.

– Коля, я купила себе платье на твою свадьбу, посмотри, как я в нем выгляжу, я пойду быстренько переоденусь, – сказала она и вошла в другую комнату.

Коля сел на диван, думая, что это матери, вдруг, захотелось повостаться своей покупкой, хотя такого, вроде, никогда не было. В это время вышла мать в новом платье, такой необычной, помолодевшей, точно такой, какой она была на фотокарточке, висевшей на стене. Он не выдержал, подошел к ней и произнес:

– Мам, какая ты, оказывается, у меня красивая и еще молодая. И платье, какое выбрала, оно очень идет тебе.

Мать стояла, сконфужено улыбаясь. Он обнял ее и поцеловал. Мать тоже ответно поцеловала его в лоб, но от радости доставленного удовольствия сыну, прослезилась не могла собраться, что-то сказать ему. Он понял ее состояние, снова обнял и сказал:

– Мам, а вот расстраиваться не надо. Я вырос, теперь нам будет легче. Не переживай, институт я все равно окончу, буду работать. Я уверен, ты и с Таней поладишь, у нее неплохой характер.

Перед свадьбой, матери ребят Маргарита, Галина и Ольга пошли в парикмахерскую, сделать прически. На день свадьбы арендовали автобус, который должен был подобрать родственников и знакомых по городу. Для поездки в ЗАГС, к трем часам дня прибыла арендованная «Чайка», подъехали на своих уже разукрашенных разными лентами машинах знакомые Анатолия Ивановича.

И вот весь свадебный кортеж тронулся к назначенному времени в ЗАГС. При регистрации Степа и Паша выступали в качестве свидетелей со стороны Коли, а Аня и Нина со стороны Тани. После регистрации, хотя было и холодно, посетили все места в городе, которые обычно посещают молодожены, и направились в ресторан, где уже собрались гости. Молодых в зале встретили маршем Мендельсона и аплодисментами.

Все чинно расселись. Анатолий Иванович на правах старшего представил тамаду. Первый тост за молодых, потом обычное, как на всех свадьбах традиционное «горько», затем последующие тосты и поздравления гостей. И вот музыка, приглашавшая на танцы. Вышли молодые, Коля с Таней, Паша с Аней, Степа с Ниной и закружились в танце. Молодость, стройность девушек в их парадных вечерних платьях, подчеркивающих их молоденькие фигуры и красоту, а ребята рослые, возмужавшие, в модных хорошо подогнанных костюмах, делающих их интеллигентно представительными, не оставляли никого равнодушными. Потом ребята пригласили своих мам. В кругу танцевали только три пары, что будут танцевать дети и их мамы объявили громко через микрофон. Аня, сидевшая недалеко от своей мамы с отцом, обратила внимание на неподдельный интерес, с которым мать рассматривала Пашу и особенно его мать. Паша с матерью, как и другие две пары, были, каждая по-своему, элегантны, красивы. Мать

Ани, явно проигрывая во всем этом. И платье у Ольги Ефимовны лучше, и сама она кажется намного моложе и элегантнее нее. Все это, видимо, и раздражало мать, Аня заметила, как ей подморгнул родной отец, решивший подлить масло в огонь, наклонился к матери, и до нее долетели его слова:

– Лена, ты посмотри на Пашу, какой бравый у нас будет зять, просто красавец по всем статьям, и как модно одет, интеллигент настоящий. А будущая сваха, какая красавица, хоть замуж выдавай и платье какое на ней, как на английской королеве.

Мать при последних словах мужа, встала и пересела на другое свободное место и отвернулась от танцующих пар.

Музыканты решили немного отдохнуть. Но вот опять полились звуки вальса, площадка снова стала заполняться танцующими гостями. Аня опять кружилась с Пашей, а Степа, раскрасневшись, кружил Нину, от удовольствия постоянно улыбающуюся. Галина Сергеевна не сводя глаз, следила за ними. Рядом с ней сидели Маргарита Семеновна и Ольга Ефимовна.

Вдруг к матерям ребят подошли отец Ани, пригласивший на танец Ольгу Ефимовну, и еще какой-то мужчина, попросивший разрешения на танец у Маргариты Семеновны. Аня, кружась с Пашей, немного столкнувшись с кем-то, увидела рядом отца, танцующего с мамой Паши, которые, улыбаясь, удалялись вглубь толпы, а весь вид матери Ани, сидевшей здесь, говорил, что ей здесь неинтересно, и она, вроде, исполняет какую-то повинность.

Паша понял беспокойство Ани и сказал:

– На очередной танец я приглашу твою маму. Как думаешь, согласится она потанцевать со мной хотя бы один танец? Ты не возражаешь, посидишь это время пока одна?

– Попробуй, может тебе удастся ее развеселить, – ответила Аня.

После небольшого антракта в зале опять заиграла музыка. Паша вместе с Аней подошли к ее матери. Та удивленно вскинула глаза, вопросительно уставившись на дочку, потом на ее кавалера, пытаясь понять, что они от нее хотят.

Паша, набравшись храбрости, обратился:

– Елена Николаевна, разрешите пригласить вас на этот вальс.

Чувствовалось, как она колеблется, борясь со своей обидой на мужа и всех других. Но при просящем взгляде Ани, и ожидающего ее решения Паши, она сдалась, даже улыбнулась какой-то виноватой улыбкой и встала, готовая удовлетворить их просьбу. Прямо с места, довольный и улыбающийся Паша, закружил ее в вальсе. Танцуя, она искоса поглядывала на своего будущего зятя, сначала украдкой с какими-то извинительными, в то же время строгими, проблесками в ее глазах. Потом она, словно оттаявшая принцесса, все более расцветала в довольной улыбке, ее движения становились все уверенней и уверенней, слышалось ее подпевание в такт музыки. Это, вдруг, ожившее состояние матери Ани, подстегнуло Пашу, и он закружил ее с еще большим воодушевлением. Аня, видя это, стояла, улыбаясь, хлопала в ладоши. Постепенно в кругу они остались вдвоем, но Елена Николаевна не видела этого, она полностью была увлечена танцем. К Ане подошел отец и, приглашая ее на танец, сказал:

– Поддержим их?

– С удовольствием, – ответила она, уже протягивая руку к его плечу, пританцовывая.

Теперь в кругу кружились две пары, отец с улыбающейся дочкой, и не менее довольная мать Ани с женихом своей дочери.

Маргарита Семеновна увидела опять приближающегося к ней того же мужчину, назвавшегося Геней. Это имя сразу ей запомнилось, так же звали ее покойного мужа. Подойдя, он, улыбаясь, протянул ей руку, приглашая снова на танец. Она встала, и они пополнили площадку танцующих родственников. Танцуя, она увидела около себя и своих сватов – Анатолия Ивановича со своей женой Мариной Григорьевной, медленно передвигающихся и о чем-то беседующих. Оказавшись рядом, они мило улыбнулись им обоим. Вдруг она услышала слова своего

партнера, обращенные к ней, который стал говорить с какой-то извиняющейся улыбкой, старающийся все время смотреть ей в глаза:

– Рита, насмелюсь так назвать вас по старой нашей дружбе, вы не узнаете меня, неужели я так сильно изменился, сильно постарел, наверное, за эти годы?

– Нет, по-моему, я вас увидела в первый раз только сегодня и здесь. В других местах я бываю редко, а вот в школе постоянно. А вы что, знали меня? Я что-то вас совсем не помню, – отвечала Мар-гарита, выбирая свободное и тихое место для беседы.

Уже сидя рядом, он продолжил:

– Увидев вас здесь, я тоже сначала не признал. Но в вас было многое мне знакомого – ваша улыбка, знакомые движения, и это запомнившееся ваше имя, ведь Рита, это не особенно распространенное имя у нас. Я стал вспоминать, где я вас видел раньше, мысли витали, но вспомнить не мог, потом, вдруг, вспомнил, что это же Рита из Самарканда. Я не ошибся? Я же тоже детдомовский, в одну и ту же школу с вами ходили, только я был старше вас, и учился в классах, опережая вас на два года. После седьмого класса я попал в ремесленное училище, в вечернюю школу ходил. Отработал немного, потом в армию забрали. Служил недалеко отсюда, отслужив, больше в Среднюю Азию я не вернулся.

– Кажется, я начинаю вспоминать. Вы жили во втором крыле нашего здания. Можно, мы перейдем на «ты»? Так вот, ты играл нападающим в футбольной команде нашего детдома. Ты еще был таким долговязым, худым и почему-то всегда в какой-то полосатой куртке. Если бы ты не напомнил, я бы тебя не узнала ни за что. А как ты оказался здесь в нашем городе, да еще здесь, на торжестве этой свадьбы? – говорила Рита.

– Пути господни неисповедимы. Это долгая история, но я расскажу о главном. Отслужив в армии, мне удалось поступить в институт, окончил и получил направление сюда. Мы учились вместе с Анатолием Ивановичем, теперь сватом вашим, в одном институте, и даже все пять лет спали в одной комнате общежития, по распределению и сюда вместе попали, и сейчас вместе продолжаем работать. По старой продолжающейся дружбе он меня и пригласил на это торжество. У меня такое ощущение, что в тебе я родственнику нашел, – отвечал Геннадий.

– А почему ты один, где твоя семья? – задала она вопрос.

Он смолк на минуту, видно было, что ему трудно говорить, потом собрался и ответил:

– Мне в семейной жизни не повезло. Познакомился с хорошей девушкой, уже здесь, в этом городе, женился. Жили мы с ней неплохо, но долго у нас не было детей. Уже подумывали взять из детдома, и вдруг она забеременела, мы не могли дождаться, когда у нас появиться ребенок. Но этому было не суждено сбыться. Роды у нее были тяжелыми, ребенок родился мертвым, и она не выдержала, умерла. Сердце у нее оказалось слабым. Так я остался опять один. С нами жила теща, а потом осталась и со мной по моей просьбе, недавно тоже похоронил. Жениться второй раз не смог, вот и живу бобылем. У меня неплохая трехкомнатная квартира, в хорошем месте города, а кому она нужна, мне и кухни одной хватает, но в которую тоже не всегда хочется заходить и готовить себе что-то покушать.

– Извини, я ничего не знала о твоей семейной жизни, – проговорила она, поняв, что эти напоминания ему тяжелы.

– Рита, а ты больше никого не встречала из наших ребят, детдомовских? – спросил он.

– Меня же в детском доме, после долгих поисков, нашла моя тетька, сестра моей матери, и забрала к себе. Но, живя у нее, мы не теряли связь с Генной Потаповым, наверное, помнишь его. Мы были одногодки, вместе под бомбежку при эвакуации попали и оба там же родителей потеряли, потом вместе в партизанском отряде оказались, откуда нас самолетом вывезли и в Самарканд отправили. Он тоже после семилетки в ремесленное училище попал, потом тоже армия, вернулся сюда, мы и поженились. Тоже недолго продолжалось наше счастье. Родился у нас ребенок, вон видишь, какой вымахал, но видел Гена его всего два года. Пошел на рыбалку, попал в какие-то заброшенные рыбацкие сети, запутался и утонул. Вскоре умерла моя тетька, и я

тоже осталась одна с маленьким Колей. Зарплата у нас в школе у учителей младших классов, как ты знаешь, маленькая, вот и мучились, живя, в постоянной нужде. Сейчас сын в институте учится и по ночам подрабатывает грузчиком на железнодорожной станции. Я стала вести две смены, теперь нам легче. Но, вдруг, как видишь, он еще на первом курсе жениться надумал. Он полюбил свою одно-классницу, я возражать не стала, девушка у него хорошая. Как-нибудь вытянем, – пространно отвечала она, делясь наболевшими переживаниями, думая, что такое может понять только человек сам хлебнувший на протяжении жизни немало горя.

Он на некоторое время призадумался, видимо переваривая только что услышанное о ее не простой жизни, и желая вывести ее из грустного состояния, сказал:

– Да, пришлось и тебе хлебнуть горя, врагу не пожелаешь. Рит, как бы не сглазить, но выглядишь ты довольно молодо, словно не пережила всего этого за эти годы. Сегодня же свадьба твоего сына и дочери моего самого близкого друга, хватит нам думать о грустном. Пойдем, потанцуем? Имеем же мы права повеселиться.

Она подумала и боевито ответила:

– Пошли, тряхнем стариной, не всегда же нам плакать.

И они тоже присоединились к танцующим парам. Через какое-то время музыка замолкла, и всех гостей снова пригласили к столу. К матери подошел Коля и спросил:

– Мам, ты что-то стала, вроде как, взволнованной, это видно по твоему лицу, что-то случилось?

– Не поверишь, я встретила бывшего своего детдомовца из Самарканда, и звать его, как твоего отца, Геннадием. Ну и вспомнили кое о чем, такое не забывается. Он, оказывается, давний друг твоего тестя, Анатолия Ивановича, – ответила мать.

– Вот новость, действительно интересно, встретились через столько-то лет, да и в этом нашем городе. Просто невероятно, – проговорил, с удивлением, Коля.

Подошедшая Таня, услышав последнюю фразу Коли, заинтригованно спросила:

– Что это за невероятность такая, или я ослышалась?

– Нет, не ослышалась. Здесь на нашей свадьбе мама встретилась с бывшим своим детдомовцем, другом твоего отца, звать Геннадием, – ответил Коля.

– Да, я знаю его, он у нас часто бывает, звать его Геннадием Александровичем. Они с папой вместе работают, он, если я не ошибаюсь, является директором какого-то крупного СМУ, – проговорила Таня и побежала к отцу сообщить эту новость.

Вскоре к ним подошли вместе с Таней Анатолий Иванович и Марина Григорьевна. Теперь усевшись рядом, бывшие детдомовцы стали выяснять детали их пребывания в Самарканде, когда, кто и куда, из знакомых им обоим, уехали. От этих воспоминаний все притихли, уж больно свежи еще были невзгоды войны и первые послевоенные годы для этого поколения людей. Выпили еще раз за счастье молодых, пожелав им долгой совместной жизни, за ожидаемых деток.

Некоторые гости под сильным хмельком, некоторые не очень, стали собираться домой, прощаясь с молодыми и их родителями. Подали автобусы, из которых уже выкрикивали, звали, кто с ними по пути, торопили опаздывающих. Молодежь, как всегда, не торопилась, вызывая упреки старших. Но вот автобусы тронулись. Раздался свист и крики опаздывающих, их подобрали и снова тронулись. Для матери Коли и ее подруг Анатолий Иванович распорядился подать легковую дежурившую машину. Уже было поздно, зная, что Аня собирается ехать домой с родителями, Паша решил вернуться со своей матерью. Провожая Маргариту Семеновну, Геннадий Александрович, выбрав момент, тихо и как-то загадочно сказал ей одной, что у него к ней есть серьезный разговор. Попрощавшись с молодыми и сватами, подружки, а с ними и Паша уехали. На другой такой же машине поехали домой молодые и Анатолий Иванович с женой. Вслед за ними отъехала машина с Аней и ее родителями.

Высадив всех, автобус довез Степу и Нину до ее тети, жившей в небольшом поселке на окраине города. Степа, пожелав ей всего хорошего, вернулся в город, выйдя, где-то по пути.

Так закончилась долго готовящаяся свадьба. На завтра все гости, кто смог прийти, были снова приглашены, но уже на квартиру гостеприимных родителей Тани.

Собрались вновь только во второй половине дня. Здесь теперь были самые близкие. Опять молодежь – Степа с Ниной, Паша с Аней, и старшее поколение – Маргарита Семеновна, Галина Сергеевна, Геннадий Александрович и какая-то другая пара, вчера не присутствовавшая, и как потом стало известно, родственники Марины Григорьевны, задержавшиеся в пути на самолете из Барнаула, прибыли только сегодня утром.

Маргарита Семеновна, вчера озадаченная Геннадием Александровичем, с нетерпением ожидала обещанного его разговора, впадая в различные догадки, хотя по его глазам видела своеобразную заинтересованность собой. При создавшемся удобном случае, оказавшись вдвоем, Геннадий решил и произнес давно приготовленные и обдуманые слова:

– Рита, выходи за меня замуж. Я один и ты теперь практически будешь одна, вдвоем нам будет комфортнее. Ты мне нравишься, – увидев ее изумленные глаза, смущаясь, он продолжил, – только сразу не говори, нет, подумай обстоятельно. Я же, наберусь терпения, подожду. Пообщаемся, привыкнем, друг к другу, тогда и вынесешь свое окончательное решение.

В это время кто-то вошел в комнату и не дал им поговорить. Стали входить и другие, усаживаясь за стол. Она почувствовала, как у нее загорели щеки, выдавая ее волнение, она могла предположить многое, но о таком и думать не могла, собственно, и не мечтала. Она вышла на балкон немного охладиться и подумать в тишине. Коля, заметив ее неадекватное состояние, последовал за ней, спрашивая:

– Мам, тебе плохо? У тебя что-то щеки горят.

– Коля, ничего все в порядке. Это от радости, вспомнилось кое-что. Иди, садитесь за стол, я сейчас приду, подышу здесь немного свежим воздухом.

За столом она оказалась рядом с Геннадием. Посидели, поговорили, молодые встали и ушли к себе в комнату. Кто-то негромко запел, его поддержали. Потом, вдруг Анатолий Иванович, как только смолкли обращаясь к Маргарите Семеновне и Геннадию Алексеевичу, не то просто от себя или по согласию с другом, стал говорить:

– Прошу сразу извинить меня, если я скажу что-то невпопад. Смотрю я на вас моя добрая сваха Маргарита Семеновна и на тебя мой старый друг, Геннадий Александрович, хорошая вы пара, не настало ли время вам тоже объединиться и жить вместе?

Все притихли, посматривая на обоих. Геннадий Александрович, смущаясь, но с улыбкой ответил:

– Мы этот вопрос рассмотрим немного позже, хотя, честно говоря, я «за». Анатолий Иванович, ты нам зубы не заговаривай, лучше наливай, рюмки и бокалы уже давно высохли. Не жжимай, пожалуйста, такие торжественные мероприятия часто не бывают.

Теперь засмеялись все дипломатически найденному быстрому выходу из щекотливого положения Геннадием Александровичем.

– Ну, ты и хитер Геннадий Александрович, всегда найдешь дипломатический ход. Вот и на работе так же, поймать его трудно. Ладно, давайте еще раз выпьем, теперь только за нас стариков, чтобы нам долго жилось и иногда находить поводы чаще встречаться, – предложил тост Анатолий Иванович.

После обеда попрощавшись с молодыми, гости стали собираться домой. Коля, подойдя к матери, сказал, что они с Таней придут к ней завтра. Проводить сваху пошли всей компанией без молодых. Долго не могли остановить такси, все пронеслись мимо заполненными. Наконец, один остановился. Открыв дверцу машины, и усаживая Маргариту Семеновну, Геннадий сказал:

– Нам по пути, я провожу тебя.

Сам сел рядом, помахал рукой оставшимся, и скомандовал водителю ехать. Уже в пути, обращаясь к спутнице, он предложил:

– Если не возражаешь, заедем ко мне домой, квартиру посмотришь, оценишь, как я живу, конечно, со скидкой на холостяцкую мою жизнь за многие годы?

– Ненадолго, не отпуская такси, согласна, – ответила она.

Квартира у Геннадия была просторной, а по сравнению с ее, она казалась хоромами. В комнатах стояла новая дорогая мебель, выделялись большие мягкие кресла, паркетные полы были застланы добротными коврами, книжный шкаф заполнен книгами. Паразительно для нее, больших размеров была кухня с соответствующим гарнитуром, в составе которого были и газовая плита, холодильник, посудомойка, в середине стоял большой стол со стульями без спинок, но с вращающимися сиденьями. Все было убрано, чисто и совсем не было похоже, что здесь живет одинокий мужчина.

– Геннадий, у меня квартира по сравнению с твоей и по величине, и по интерьеру несопоставима. Мне просто неудобно приглашать к себе посторонних людей. У нас все старенькое, – обходя вместе с ним квартиру, говорила она.

– Это не главное. Главное для меня, это твой положительный ответ. Я буду ожидать столько, сколько ты скажешь, – как бы отвечая ей, напомнил Геннадий.

– Договорились – я думаю, а ты ждешь. А сейчас проводи меня, таксист, наверное, заждался, – улыбаясь, проговорила она.

Провожая бывшую свою детдомовку, Геннадий Александрович не мог понять, ни по глазам, ни по поведению ее отношения к себе, но чувствовал, что ей интересно было встретиться и узнать, как живет знакомый по детдому. Со дня смерти жены прошло достаточно много времени, но ему пока не попадалась женщина, к которой бы снова загорелся бы интерес, были мимолетные влечения, но они быстро гасли и женщины все менее и менее его интересовали. Увидев Риту на свадьбе ее сына, вспомнил ее и совсем маленькой девочкой в детдоме, и уже в сформировавшемся возрасте, школьницей старших классов. Теперь же, вновь встретив и узнав, что она свободна, давно живет без мужа, у него появился сначала просто интерес к ней, который как-то уж быстро сменился на давно уже забытые чувства, стал постоянно думать о ней. О своих чувствах он не постеснялся высказаться, боялся, что она отвергнет их, а она только заявила, что будет думать, вселив в него надежду. Машина давно скрылась, а он стоял у своего подъезда, продолжая думать в возбужденном состоянии, его сердце учащенно билось и он снова, как бы, видел ее перед собой, потом встрепенулся и, посвистывая, пошел к себе.

Так конкретно поставленный вопрос Геннадием, застал Риту врасплох. Он сразу понравился ей, но от сделанного им предложения она пребывала в раздирающих ее противоречиях, – между такой запоздалой возможностью изменить уже привычный образ жизни и целесообразностью такого изменения. Эти противоречивые мысли не покидали ее ни на минуту, в них она пока не могла самостоятельно разобраться, но зарождающиеся чувства, а может и интерес, и даже какое-то любопытство, толкали ее дать положительный ответ. С кем-то советоваться в таком щепетильном вопросе, безнадежное дело. Здравомыслящий человек, советуя что-то, будет исходить из практической целесообразности, которая при ее теперь одиночестве, если пренебречь даже чувствами, будет в пользу положительного ответа на вопрос Геннадия. О своих чувствах он высказался, остается проверить свои, но для этого нужно время. Отъезжая на машине, она хотела повернуться, посмотреть еще раз на него, но пересилила себя. Потом она никак не могла объяснить своего поступка, согласившись поехать к нему, просто взглянуть на его условия, в которых он живет, и всего на несколько минут, и поймала себе на мысли, что не это ее интересовало, ей просто хотелось побыть подольше с ним. А машину не отпускала, потому что боялась остаться сейчас здесь у него надолго, и не просто остаться. Завтра к ней домой придут Коля с Таней, может быть и родители снохи. Ей надо подумать, что приготовить на обед. Она стала перебирать в памяти, что ей следует докупить на рынке.

Машина уже остановилась около ее дома, но она, занятая своими мыслями, не замечала этого, продолжая сидеть задумавшись, пока водитель не напомнил, что они приехали.

Друзья Коли и подружки Тани еще продолжали оставаться у них в комнате. Послушав музыку, поговорив, посмотрев на время, тоже все собрались уходить. Аня решила сегодня пригласить к себе Пашу, тем самым проверить, не изменилось ли отношение к нему ее матери. В этом вопросе она хотела ясности. Степа пошел провожать Нину. Таня с Колей, проводив друзей, пошли в дом.

Таня, вышедшая в гостиную комнату, невольно стала свидетельницей разговора родителей в кухне. Мать спрашивала отца:

– Есть какие-нибудь сдвиги в твоём сватовстве?

– Трудно сказать, но по Геннадию видно, что наша сваха заинтриговала его. Да иначе не могло и быть, всего два дня прошло, как увидели друг друга. Но надо же такое совпадение, они росли в одном и том же детдоме и оказались после более двадцати лет, в одном городе. Он ее узнал, хотя и не сразу, и это через столько-то лет. Видимо она ему еще там приглянулась, а она его не узнала. Значит, ее интересовал другой Гена, Колин отец. Только потом, после напоминания Геннадия о пребывании в детдоме Самарканда, она вспомнила его, – делился своими суждениями отец.

– Они подходят друг другу. Я, считаю, им лучше объединиться. Тем более по Геннадию Александровичу видно, что она ему нравится, он даже как-то преобразился за это время, помолодел что ли, повеселел, – проговорила мать.

– Может, ты поговоришь с ней по-женски, посоветуешь, что ей мыкаться-то одной, да и молода она еще, рано в старухи записываться, – слышался голос отца.

В кухне раздался какой-то хлопок, вроде что-то упало, мать возмутилась неуклюжестью отца, тот, решив больше не мешать жене, затопал в комнату. Таня, не желая, чтобы отец знал, что она невольно подслушала их с матерью разговор, быстренько шмыгнула в свою комнату, чуть не сбив с ног Колю, оказавшегося около двери. Тот посторонился и вопросительно посмотрел, не понимая, что заставило ее, буквально, влететь в комнату. Она закрыла плотно дверь и полушепотом начала говорить:

– Коля, я невольно стала свидетельницей разговора между нашими родителями, но не знаю, говорить ли тебе об этом, он, кажется, касается твоей матери.

– Если уж начала, то говори. Надеюсь, это не сплетня какая ни будь очередная? – ответил Коля.

– Нет, это не сплетня. Как я поняла, Геннадию Александровичу понравилась наша мама, и он горит желанием предложить ей руку и сердце. Как тебе такая новость? – спросила Таня.

– Новость действительно неординарная, просто сногшибательная. Где мама, где Геннадий Александрович, что между общего, кроме как воспитывались в одном детдоме в Самарканде, – задумчиво говорил, пораженной новостью, Коля.

– Наоборот, по словам моих родителей, у них обоих много положительных качеств, между ними большое сходство и они друг другу подходят, – дополнила Таня.

– Дети в большинстве случаев негативно относятся к повторному браку родителей, хотя это не совсем правильно. Вот и у меня возникли противоречивые чувства – будет ли маме лучше, или хуже, заинтригованно говорил, Коля. Потом добавил, – я практически не знаю этого Геннадия Александровича, но с виду он порядочный мужик, так что я, видимо, возражать не буду. Если все сложится нормально, пусть остаток жизни мама поживет по-человечески, она заслуживает этого. По характеру она добрая, справедливая и отзывчивая женщина. Она будет хорошей женой. Нам остается только пожелать ей счастливой жизни. Завтра будем у нее, смотри, не проговорись, пока рано. Если надо, она сама скажет, – сделал заключение Коля.

Оказавшись у матери Коли дома, сын с невесткой все ожидали, скажет ли им мать о своем отношении к своему бывшему детдомовцу, в связи с услышанным разговором родителей Тани, но напрасно.

На другой день, снова за столом у родителей Тани, обедая теперь только своей семьей, без гостей, говорили о многом, о работе отца, о погоде, о предстоящем отъезде в Москву, о коротких каникулах после первого семестра, но на интересовавшую тему Таню с Колей, разговор так и не зашел, поднимать его молодые не решились.

Каникулы завершались, московские студенты собрались в дорогу. Вчера проводили Нину. Уезжала она в подавленном состоянии, поняв, что Степу она потеряла безвозвратно. Сегодня уезжали Коля с Таней, Степа и Аня, их провожали всей большой компанией – родители ребят и девушек, и Паша. Перед самым отходом поезда, когда все родители вышли из вагона, Аня, выбрав момент, расцеловалась на прощанье с Пашей. Он выпрыгнул из вагона уже на ходу поезда, набравшего скорость. С вокзала он добирался один, обдумывая последние дни, проведенные с Аней. Ему опять вспомнился какой-то неприветливый взгляд на себе матери Ани, не предвещавшего ничего хорошего. «Может, потому-то Аня и стремилась к новым таким близким отношениям со мной, чтобы поставить свою сердобольную мать перед фактом случившегося, считая, что другого пути у нее нет», – рассуждал он.

Возобновившаяся учеба в институте и университете, и пятидневная в течение недели ночная все же тяжелая работа по разгрузке вагонов, постоянное недосыпание постепенно затуманивали так активно и весело проведенные первые студенческие каникулы. Все, еще вчера волновавшее и будоражившее сознание, уже воспринималось в прошедшем времени.

Степа на разгрузку вагонов стал ходить один, без Коли, его не отпускала Таня, да и не было ему уже нужды. Родители Тани их обеспечивали с головой. Теперь обновки появлялись не только Тане, но и на ее мужа. Они часто стали ходить в театры, на концерты отечественных и зарубежных знаменитостей, и питались не в студенческой столовой. Степа стал стесняться к ним часто заходить, придумывая оправдания. Зная о стеснении Степы, Таня с Колей постоянно выговаривали ему на этот счет.

Месяца через два Коля получил от матери пространное письмо, думая, что сын и невестка еще не в курсе взаимной заинтересованности ее и Геннадия Александровича, решила подробно описать свои сомнения и желания по сделанному им предложению. Она просила его мнения по столь деликатному вопросу, не смеяться над этим. Мать хорошо владела пером и Коля, читая ее письмо, невольно прослезился, что нельзя было утаить от Тани. Не откладывая в долгий ящик, он решил сегодня же позвонить ей по телефону, зная, что она будет волноваться, не спать ночами, дожидаясь его ответа. Мать, по его расчету, должна быть еще в школе.

Он быстро оделся и побежал на телеграф. Его сразу соединили, и он услышал взволнованный голос матери. Успокаивая мать, он говорил, что советует поступать, как подсказывает ее сердце, но рассматривает этот вопрос положительно, считая Геннадия Александровича хорошим человеком, по крайней мере, так отзывался о нем Таня и ее родители, и что он с ними согласен. В конце он уже слышал веселый и довольный голос матери, поняв, что она для себя этот вопрос уже давно решила, только хотела выяснить его отношение к этому.

«Теперь и у меня будет отец, и, главное, моя мать будет пристроена. Ведь до этого она ничего, кроме постоянной нужды и забот, не видела, может теперь поживет, как живет большинство людей», – выходя из дверей телеграфа, думал он.

В середине недели мать прислала телеграмму, приглашая на свадьбу, назначенную на воскресенье. В ней же приглашала и Степу с Аней, написав, что, если смогут приехать и есть желание, пусть приезжают. И вот их опять встречают родители и Паша на машинах, Анатолий Иванович на своей, и Геннадий Александрович на своей. Обе новые, сверкающие свежей краской. Опять небольшой ужин у родителей Тани, а потом по домам.

Свадьба, состоялась на квартире Геннадия Александровича. Приглашены были все его знакомые по работе и близкие соседи. Были тосты длинные и короткие, танцы и песни. Здесь старались обратить на себя внимание еще двое одиноких импозантных мужчин, теперь уже друзей Геннадия Александровича, находящиеся в том же возрасте, а он тактично, шутя, выступал сватом к Ольге Ефимовне за Ивана Григорьевича и Галине Сергеевне за Романа Алексеевича, призывая последовать в этом вопросе за подругой.

Таня кое-что узнавшая через мать, говорила Коле:

– Если так будут разворачиваться события, то нам скоро, незапланированно, придется приезжать сюда, на такие же торжества снова, еще два раза.

– По таким случаям можно приезжать постоянно. Я смотрю, как светится моя мама, она помолодела лет на десять, глаза ее горят счастьем. О таком она, видимо, и не мечтала. Дай-то бог ей счастья, на которое она рассчитывает, – произнес Коля.

Уходя со свадьбы, два друга, Степа и Паша уже были знакомы со своими будущими папашами, еще не зная, свершится ли это, и как скоро это будет, но прощаясь, шутя, называли их между собою отцами.

Закончился и второй семестр, студенты разъехались в стройотрядах по многим областям страны.

Несколько раз, зная, что к жене придут ее подружки, Геннадий Александрович звонил своим одинокими товарищам, и как бы, между прочим, говорил им об этом и они находили повод зайти. Это для них был повод пообщаться с приглянувшимися им дамами. О цели их визита сразу догадалась жена и по секрету выложила свои догадки своим подружкам. Те замечали их заинтересованность собою, а теперь и утвердились в этом. Их встречи после этого стали более частыми и переросли тоже в предстоящие свадьбы. Брак Коли и Тани оказался на редкость заразительным, он продолжился объединением сначала одной пары, а потом и еще двух. У Паши появился отец Иван Григорьевич, работавший главным инженером на одном из заводов города, у Степы Роман Алексеевич, заведующий крупной автобазой. Свадьбы состоялись с разницей в неделю, когда Паша и Степа вернулись из стройотрядов, из других городов.

После свадьбы Иван Григорьевич настоял, чтобы Паша перешел жить тоже к нему, в его просторную квартиру. Паше выделили одну из комнат. Степа, тоже последние дни до отъезда в Москву, жил на квартире нового папаша, в отведенной для него комнате. Оба папаша настояли также, чтобы бы Паша и Степа посвятили все свое время только учебе и не ходили больше на ночные разгрузки вагонов, говоря этим, что будут обеспечивать их потребности в деньгах.

Иван Григорьевич определил Пашу на курсы водителей, и в выходные дни сам дополнительно обучал его правилам вождения. К своему удивлению он обнаружил, что его новый сын довольно хорошо водить машину. Он поинтересовался, где пришлось Паше так уверенно научиться управлять автомобилем, и был удивлен, узнав, что тот умеет водить не только машину, но и самоходный комбайн. С интересом выслушал рассказ о работе трех друзей на комбайнах в пригородном совхозе. У Ивана Григорьевича была служебная машина, собственную же, которая постоянно стояла в гараже, он отдал в пользование Паше, предварительно подготовив его к сдаче экзаменов на получение прав.

Так неожиданно, в течение года, круто изменилась жизнь трех друзей и их, постоянно нуждающихся в деньгах, матерей. Только ощутив новые условия жизни, они поняли, в каком нищенском положении до этого жили. К жизни в новых условиях, конечно, тоже без особого блеска и какого-то особого шика, но при полном и достаточном обеспечении, когда можно позволить многое, о чем раньше и мечтать не приходилось, привыкли с особым интересом, постоянно сравнивая со своим недавним положением. Матери трех друзей, выходя замуж, желали покончить с одиночеством, но все же преследовали, пребывая в противоречиях, какие-то и материальные выгоды, но теперь, ощутив ласку своих мужей, все более и более привязывались к ним. Не веря себе, ощущали, как загораются в них давно угасшие чувства. И это было

видно по ним, они как-то заново расцвели, в глазах у них появились отблески счастья, и этим, не стесняясь, они делились между собой при встрече. Зародившееся знакомство через ребят в школе, незаметно переросло тоже, как и у их детей, в дружбу, а теперь укрепляющуюся еще через дружбу своих мужей. Привыкшие жить скромно, они радовались любому подарку мужей и еще более их постоянному к ним вниманию, старались, в свою очередь, сами во всем им угождать.

На культурные мероприятия, включая походы в театры, на концерты звезд, они старались теперь попадать вместе, все три пары.

Со времени расставания после первого семестра и свадьбы Коли с Таней, Паше и Ане ни разу не пришлось встретиться. Не приезжая домой, Аня, как и Паша, поехала в стройотряд, а, вернувшись, сразу же по горячей туристической путевке, взятой для нее родителями, уехала за границу. Из-за границы приехала, когда уже начались занятия в институте. Выбрала время, приехала домой на один день с надеждой встретиться с Пашей, а он с отчимом на машине на два выходных дня уехал на рыбалку.

Нина прислала Тане письмо, которым сообщала, что выходит за-муж, и приглашала всех ребят, включая Степу, на свадьбу. Степа ехать отказался, а из солидарности с ним и Коля. Не поехал и Паша. Поехали на свадьбу Таня и Аня. Побыв там два выходных дня, и поучаствовав на торжествах, вернувшись, домой, весь следующий вечер рассказывали, как там все происходило. Таня передала по секрету Степе слова Нины, которые та хотела, чтобы он знал, что, если бы он ей дал твердое слово жениться на ней, она бы ожидала окончания им института. Таня, уже знавшая отношение Степы к Нине, не удивилась, когда он отмолчался.

Каждый день, встречаясь с Леной, Степа уже знал, чего он больше всего и опасался, что у нее есть парень, который иногда навещает ее к ней из их родного города. На это время она исчезала из его поля зрения. Степа сравнивал себя с ним, понимал, что превосходит его во многом, но и знал, что для чувств этого бывает не всегда достаточным. Иногда он приходил к мысли, что Лена просто не знает о его чувствах к ней, вынашивал планы, как это ей показать или прямо высказаться, но боялся, что она может отвергнуть его, успокаивался и вел себя как обычно, надеясь на какое-то чудо. Многие девушки сокурсницы и из других курсов, групп постоянно крутились около него, пытаясь обратить на себя его внимание, он это видел, шутя, как-то отделялся, придумывая разные предлоги, еще более развивая их интерес к себе. Его многие знали уже, как способного студента, получающего самую высокую стипендию. Теперь он тоже не ходил разгружать вагоны. Повышенная стипендия и помощь из дома ему вполне хватало. Он успевал везде, был комсоргом курса, участвовал в кружке художественной самодеятельности, в разных олимпиадах института, занимался в группе по разработке и внедрению новых технологий в производстве. Даже получил какую-то премию.

Шел последний пятый год учебы. Паша пока жениться не собирался, и Аня, постоянно обрабатываемая матерью, все более невольно соглашаясь с ней, подыскивала по рекомендации матери себе достойную пару, но безумно продолжая любить Пашу.

Елена Николаевна не переставала через знакомых находить для дочки то одного, то другого достойного жениха. Задействованы были все источники, в том числе и со стороны мужа, не представлявшего, какую бурную деятельность развила за его спиной жена, но рекомендованные женихи потом не подходили той же матери или дочери по каким-то характеристикам. Все же ее поиски не остались напрасными. Жених нашелся, правда, старше невесты более чем на пятнадцать лет, но с положением. Жил он в Москве, занимал хорошую должность. Его родители были дипломатами, проживали постоянно за рубежом. Он был дважды женат, но по каким-то причинам, неудачно. Аню с ним познакомили на какой-то вечеринке. Она ему понравилась, и он принялся за ней ухаживать, пригласил к себе домой. Такое оказываемое внимание льстило ей, но сказать, что он ей понравился, пока не могла. Попав к нему на квартиру с дальней родственницей, она была очарована ее размерами, состоящей из большого зала

и еще пяти комнат разной величины, богатого своеобразного интерьера всех комнат, кухни, ванны. Станислав, переодеваясь в домашний костюм, ненароком открыл свой шкаф, снял один из них из целого большого ряда, и пошел в другую комнату, откуда скоро в нем появился. На стол накрывала домработница. Многие яства она видела впервые, и не знала, как их и с чем кушают. Шутя, она просила рассказать о них и с интересом пробовала их понемногу. Потом, по дороге домой, на вопрос своей родственницы: «Ну, как?», – которая имела в виду самого Станислава, его квартиру, с интерьером, ответила, что пока не знает, но глаза выдавали ее заинтересованность.

Завершен очередной семестр учебы, а у Коли, Степы и Ани предпоследний, и они с Таней, которой учиться на год дольше, опять спешат домой. Прибывших студентов встречают родители и Паша. Как обычно Анатолий Иванович приглашает всех к себе. Несмотря на недовольные взгляды матери, осуждающих дочь, на вокзале Аня постоянно, в окружении знакомых, старалась быть рядом с Пашей.

Отобедав, после приезда в свой город у Анатолия Ивановича и его супруги, все собрались по домам. Паша успел предупредить своих друзей, что завтра они собираются у него на квартире.

На другой день Паша на своей машине приехал за Аней. Зайдя в квартиру и приглашая ее, сообщил, чтобы слышала и ее мать, что у него собираются все их совместные друзья, не уточняя где, у себя на квартире или у отчима с матерью. А собрались у него на старой квартире, чтобы никому не мешать. Заехали на рынок, в магазины, купили кое-что к обеду, и общей компанией приготовили его. Пообедали, повеселились, потанцевали под магнитофон. Разошлись по домам только вечером. Аню должен бы проводить Паша, но она не спешила. Оставшись одни, сидя на диване, они смотрели телевизор. Интересного ничего не показывали, да им и не хотелось смотреть никакие передачи. После долгой разлуки они не могли насмотреться друг на друга, постоянно обменивались улыбками, обнимаясь, целовались.

– Паша, так я все свое платье помню, неудобно потом в нем возвращаться домой. У тебя нет ничего такого, во что можно было бы переодеться? – спросила она.

– Надо посмотреть, может, что-то из маминых вещей и оста- и лось, – ответил он и пошел смотреть, что висит в их шифоньере.

Покопавшись, он крикнул, чтобы она подошла, и сама выбрала. Аня покопалась, нашла и вытащила какой-то старенький халат. Он был без пуговиц. Она примерила его, запахнув полы, покрутилась в нем перед зеркалом, а потом перед ним, и сказала:

– Сойдет, лучшего и не надо.

Не стесняясь его, она стала раздеваться прямо здесь в комнате, долго укладывая свое платье на стоящем здесь стуле, оставаясь в нижнем белье. Она знала, что Паша посматривает на нее, стара- лась показать свои красивые ноги, фигуру, и, не стесняясь, посмотрела ему в глаза, а встретившись взглядом, мило улыбнулась. В них она увидела и его желание, и какую-то страсть, которые он ранее старался скрывать. Она поняла, что на этот раз все будет по-другому. Надев халат, под села к нему, как можно ближе. Он сразу обнял ее, халат ее без пуговиц распахнулся. Она поддавалась его поцелуям, чувствуя его руки на себе, и сама целовала. Помогла в один миг освободиться от мешавшей ему одежды. Она уже мало, что соображала, как бы находясь в жару, но подсознательно старалась помочь ему. Потом они долго наслаждались взаимным сближением и, ощутив ранее не испы- танного блаженства, откинулись и безмолвно лежали, отдыхая, пос- матривая в полумраке в потолок.

Время было позднее, надо было разбежаться по домам. По очере-ди, побывав под душем, одевшись, они кубарем спустились вниз к машине, быстро уселись и поехали. Паша сразу не отъехал от ее дома, подождал, когда Аня войдет в квартиру, зажжет свет в комнате. Аня подошла к окну и помахала рукой в темноту на свет подфарников машины. Теперь можно было и возвращаться к родителям.

От возбужденной сегодняшней ночи, он не мог сразу заснуть. Перед глазами постоянно маячила Аня, такая теплая и желанная, из головы не выходило произошедшее сближение между ними. Он вспоминал, сколько раз Аня желала этого, а он, руководствуясь своей порядочностью и ответственностью, против своей воли, сопротивлялся этому и вот не выдержал, сдался. В этот момент были забыты все рациональные стремления посвящать себя только учебе, забыты все возможные последствия, которые могут появиться в результате такого сближения, наконец, собственная неготовность обзавестись семьей на этом этапе жизни. Начинал корить себя за проявленное безволие, но потом приходил к выводу, что не надо было бы откладывать этого и тогда, когда желала Аня. Что произошло сегодня, должно было произойти еще ранее. Опять начинал корить себя, но на этот раз за свой консерватизм. Другие на это смотрят намного проще и по возможности пользуются этим, и относится это в равной степени, как к ребятам, так и к девушкам. Он видел задерживающиеся на себе томные многозначительные взгляды, как однокурсниц, так и других девушек, знал, чем они вызваны, но старался сторониться таких, хотя среди них, были и с чистыми намерениями. Жениться сейчас, не окончив институт, хотя осталось учиться всего ничего, он все же не желал, в то же время, не хотел терять Аню. Теперь эта дилемма постоянно преследовала его. Он еще не знал, а только догадывался, что мать Ани не больно жалуется на него, что проявлялось в ее взглядах.

Аня, испытав впервые так давно ожидаемое удовлетворение, оказавшись дома, тихо пробралась к себе в комнату, закуталась в одеяло и предалась размышлениям, что теперь Паша ее и только ее, и никто их не разлучит. Она ощущала его ласки, горячие поцелуи, тепло его тела, мощную фигуру, силу и в то же время мягкость его рук. Она хотела и желала этого постоянного общения, но и с трепетом думала, что после окончания каникул, снова придется расстаться с ним до сдачи государственных экзаменов в институте. Потом до нее дошла мысль, а может им придется разъезжаться по направлению после окончания институтов в различные регионы страны. Единственный способ оказаться вместе после этого, это пожениться и ехать вместе. Об этом она как-то не думала, но теперь это становилось главным вопросом их общения. Она продумывала варианты, как об этом поговорить с Пашей, узнать его мнение. А вдруг, он не согласится жениться сейчас или чуть позже, и им придется оказаться в разных городах страны? От этой мысли по коже у нее пробежали мурашки, сделалось не по себе.

Она знала, что нравиться ему, но на тему женитьбы у них предметных разговоров пока не было.

Потом она представила далекий захолустный серенький городок, маленькую комнату, может быть в семейном общежитии какого-то предприятия, где им придется жить, и настроение ее начинало меняться. Возможность и необходимость брака по любви с Пашей, с симпатичным и умным парнем, которого она облюбовала со школьной скамьи, полюбила, а потом наметила себе в мужа, которому давно мечтала отдаться и, наконец, добилась этого, если только час назад ей казались решенными, то сейчас впервые представились ей нерациональными. Почему-то раньше она не предполагала, что ей придется жить этой серой жизнью вдалеке от Москвы и даже от родного города. Вспоминались и рассказы об этом девушек-однокурсниц.

Ранее, слова нравоучения и все наставления матери по отношению к Паше, она не воспринимала всерьез и делала все, не споря с ней, в основном, как подсказывало ей собственное сердце. И став, по сути, сама инициатором произошедшего сближения, без раздумья, решившись на такой серьезный шаг, даже не вспомнила о матери, подыскивающей ей состоятельных женихов. И только теперь приближающиеся обстоятельства перспективы повседневной жизни, ощущенные ею, как-то вдруг и только что, казалось бы, после преодоленного сопротивления Паши к близким отношениям, подтвердившее его любовь к ней, заставили серьезно задуматься над практицизмом матери, увидеть в них житейскую целесообразность. Только сейчас ей стали понятны поведения ее подружек по курсу, которые проще относились к жизни,

получали удовольствия, не задумывались о далекой перспективе, которых устраивала любовь на несколько вечеров.

Утром она долго лежала в постели, давно проснувшись, перебирая в памяти вчерашний вечер, проведенный с Пашей. Она уже забыла о вчерашних возникших тревогах, уже горела снова желанием встречи с Пашей. Она закрыла глаза, представляя приближающиеся для поцелуя губы Паши и его руки, но, вдруг, раздался громкий междугородний звонок телефона, перебив ее сладкие мысли. Трубку взяла мать, раздался ее радостный и довольный голос, приветствующий говорившего на том конце провода. Долго она не могла понять, с кем говорит мать, но вот в разговоре мать назвала имя Станислава, все стало ясно. Видимо, Станислав спрашивал о ней и просил передать ей трубку, но мать отвечала, что она еще в постели и сейчас посмотрит, проснулась ли она. Сама, приоткрыв дверь, и видя, что дочь не спит, закрывая ладонью трубку, проговорила ей, что ее спрашивает Станислав. Ане тоже захотелось с ним поговорить и взяла трубку из рук матери.

– Да, Станислав, слушаю, – ответила она.

– Аня, здравствуй. Я вечером заехал за тобой, нас пригласили на вечеринку, а тебя уже не было. Подружки твои сказали, что ты уехала домой. Ты об этом ничего не говорила, поэтому я очень был удивлен твоему неожиданному отъезду из Москвы. Скажи, когда думаешь вернуться? Может, мне приехать за тобой? – говорил он, вежливым и каким-то желанным тоном, и чувствовалось, что это неподдельно, искренне и с заботой.

– Нет, не надо. Я соскучилась по родителям, потому и поспешила домой. Я решила все каникулы провести с ними, и вернусь в Москву по их окончании. Приезжать не надо, если сможешь, встречай меня потом на вокзале, – почему-то не хотела, но сказала она в ответ, зная, что теперь дала ему этим большую надежду.

Мать, стоявшая рядом, услышав их разговор, от удовольствия расцвела в улыбке. Беря у дочери трубку и укладывая ее на место, на аппарат, поглядывая на дочь, проговорила:

– Молодец, дочка, соображать стала, что хорошо и что плохо.

Приведя себя в порядок, к условленному времени Аня посмотрела в окно, около дома в сторонке стояла машина Паши. Она быстренько оделась и собралась выходить из квартиры, но у дверей ее остановила мать и назидательно стала говорить:

– Смотри у меня, без всяких там глупостей. Вчера ты вернулась довольно поздно, чтобы этого больше не повторилось. Помни, на тебе хочет жениться человек довольно обеспеченный и с положением, ни чета, твоему оборванцу, Паше

– Мам, а если уже поздно об этом предупредить? – вопросом. ответила дочка, явно желая в чем-то насолить матери и испортить ей такое появившееся хорошее настроение.

От неожиданного такого ответа дочери у матери глаза как-то широко открылись, потом ее зрачки куда-то закатились, ноги ее подкосились, и она рухнула, где стояла, издав какой-то глухой глубокий внутренний звук. Аня, видя перед собой бездыханное тело матери, наклонившись над ней, поняла, что надо звать кого-то на помощь, но лучше вызвать скорую. Она не помнила случая, чтобы с матерью когда-то ранее случалось такое, мать практически никогда не жаловалась на свое здоровье. Были случаи, когда, простудившись, у нее поднималась температура, кашляла какое-то время, но все проходило без каких-либо последствий.

Сейчас, зная, что отца дома нет, она подбежала к открытому окну и прокричала, что было мощи, Паше. Тот, поняв, что случилось что-то неладное, выскочил из машины, и поднявшись на этаж, увидел распластанную на полу в прихожей около двери мать Ани и ее рядом. Он перескочил их обоих, нашел телефон и вызвал скорую помощь. Довольно быстро послышался гул подъезжающей неотложки. Врачи аккуратно перенесли ее на диван, дали подышать ей кислородом, сделали укол, Елена Николаевна, полежав, открыла глаза, обвела всех тусклым взглядом и спросила:

– Доктор, что со мной?

– У вас обморочное состояние, сейчас пройдет. Мы сделали укол, сейчас у вас и давление стабилизируется, немного полежите, – ответил один из врачей.

Аня, отведя врача в другую комнату, выяснила, что ничего серьезного не произошло, обморочное состояние обычно последствий серьезных не дает. Вернувшись к матери, она увидела мать спокойно сидящей на диване и беседующей с другим врачом. Врачи ушли. Провожали их Аня с Пашей. Поднимаясь в квартиру, Аня попросила его подъехать часа через два. Она хотела побыть, на всякий случай, с матерью. Не решилась она с ним поехать и через назначенные два часа, попросив извинения. Оставалась дома и вечером около матери, не отходя от нее.

Только на завтра друзья встретились снова всей компанией вместе во второй половине дня. Аня пыталась, как обычно, шутить, но на ее лице не было уже той беззаботной радости и счастливого выражения глаз. Только ближе к вечеру, когда ушли Коля с Таней и Степа, они, оставшись одни, предались взаимным ласкам. Она, конечно, знала, какие могут быть последствия их возникших отношений, что в таких случаях надо предпринимать, знала, как это делается, но сама, не зная почему, не хотела этого делать. Ей было все равно, что может случиться, что об этом будут говорить другие, но на всякий случай решила прозондировать Пашины взгляды на эти вопросы. Не затрагивая этой темы, она выяснила, что он не прочь повременить с женитьбой, но, зная, что по окончании института ему придется ехать куда-то по направлению, о чем он видимо, неоднократно думал, неожиданно для нее, предложил поехать вместе с ним. На вопрос в качестве кого, не задумываясь, ответил, что, конечно, в качестве жены. Это ей польстило, она знала, что другого он не скажет. А на вопрос, где они будут жить и хватит ли им денег на семейную жизнь, он как-то удивился, и ответил, что, наверное, на первое время в семейном общежитии, потом видно будет, а деньги придется тратить по доходам, живут же другие, не умирают. Подумав, он добавил, что придется полностью отдаваться работе, выслушиваться, без этого карьерного роста не бывает.

Она знала, как начинают жизнь молодые семьи без посторонней помощи, об этом в последнее время она часто задумывалась, как долго молодым специалистам приходится добиваться нормальных условий материального обеспечения, как многие не выдерживают этого, хотя и временной неустроенности, и расходятся, обвиняя друг друга. Она также знала, что при необходимости ее родители помогут им, то же самое могут сделать и родители Паши, но об этом ей думать не хотелось, ей не хотелось от кого-то зависеть, она привыкла к обеспеченной жизни и другой не желала. Ее представления о серой жизни с необеспеченностью в первый период, подтверждались опытом жизни таких же молодых специалистов, как и они. Конечно, такой жизни, хотя и с любимым человеком, ей не хотелось.

Отгуляв каникулы, студенты уехали в Москву. Для Ани это был решающий последний семестр, и в смысле учебы, и в выборе мужа и всей дальнейшей жизни, со всеми, пока желаемыми на данном этапе, условиями. Она любила Пашу, не было дня, чтобы она не думала о нем, но все более, как-то против своей воли, склонялась к совету матери, к ее практицизму. Не сближаясь со Станиславом, не отталкивала его, она давала ему повод надеяться на взаимность. Станислав, почувствовав это, стал со всей серьезностью ухаживать за ней, подарил дорогое бриллиантовое колечко и, соответственно к нему, такие же серьги. Она иногда одевала их, вызывая зависть однокурсниц, но самым дорогим для нее был тот первый подарок Паши, который они выбирали вместе в ювелирном магазине, на его заработанные деньги на ночных разгрузках вагонов.

Все чаще Аня посещала вместе со Станиславом театры, рестораны, знакомясь с его окружением, бывая на непривычных для нее веселых вечеринках, днях рождениях его друзей и знакомых. Приехали из-за границы его родители, видимо, пожелавшие с ней познакомиться. С трепетом и волнением шла она к ним в гости, боясь не понравиться, но все обошлось, и даже больше, мать Станислава подарила ей какую-то уникальную старинную брошь. Позволяя уха-

живать за собой, Аня все-таки держалась на расстоянии, избегая с ним близких отношений. Все чаще Станислав заговаривал о свадьбе, но она это считала преждевременным и просила перенести этот разговор на более позднее время, когда сдаст последние экзамены в институте.

Несколько раз они вместе со Станиславом попадались на глаза Степе, она даже познакомилась с ним, назвав его Степе своим родственником. Степа не поверил этому, видел, что такие взаимоотношения между родственниками не бывают, но своему другу Паше об этом не сообщал по двум причинам. Не хотел волновать друга, особенно теперь в самый ответственный момент завершения учебы, боясь причинить ему боль. И второе, что было главным, если она на самом деле такая, водит за нос обоих и Пашу, и этого, так называемого «родственника», то такая его другу невеста не нужна и будет гораздо лучше, если она его оставит навсегда, пусть выходит за своего так называемого «родственника».

Завершен последний семестр последнего курса. Степа, так и не решившись признаться Лене в своих чувствах, серьезно ни с кем не встречался, оставаясь практически один, частенько навещая Колю с Таней. Он целиком посвятил себя учебе. Его усидчивости и старанию не было предела. Ребята по курсу прозвали его ходящей энциклопедией. Еще до завершения учебы он уже знал, что его оставят на кафедре, и готовил себя к научной работе. Заранее выбрал тему для своей будущей диссертации и подбирал материал. Все у него, кроме личной жизни, шло по задуманному им самим плану. Ему небезразлична была Лена, но признаться в этом так и не решался.

Тане предстояло учиться еще один год. В медицинском срок учебы длиннее на год. Тесть Коли уже искал каналы, чтобы зятю дали направление в его главк.

Степа, зайдя к друзьям, договорился поехать на несколько дней домой, о чем Таня сообщила и Ане. И опять всех их вместе встречают на вокзале в родном городе. Здесь же был и Паша. Но мать Ани, приехавшая встречать дочь, как бы не замечает его. Аня, выходя из вагона, видит Пашу, сразу бросается к нему, страстно целует его, о чем-то переговаривается, а потом только подходит к родителям. От такой выходки дочери мать не на шутку обиделась и выговорила ей, пытаясь говорить тише, что он ей еще не муж и нечего вешаться при знакомых людях ему на шею.

Как и ранее, уже по сложившейся традиции, все были приглашены на ужин к Анатолию Ивановичу, но на этот раз от приглашения студенты отказались, договорившись встретиться завтра. Все студенты были в приподнятом настроении, закончилась учеба, оставались государственные экзамены. Никто еще не знал, как сложится их дальнейшая судьба, но радость заканчивающегося долгого марафона учебы уже обосновалась на лицах Степы, Коли, Паши и Ани, и только одна Таня пока не испытывала этой радости, она еще должна была продолжить учебу. Теперь ей почти целый год придется жить одной.

Первыми с вокзала уехали родители Ани, прихватив ее с собой, потом уехали Степа с родителями и с ними Паша. В семейной обстановке Таня и Коля рассказывали своим родителям об учебе и наиболее значимых эпизодах своей жизни за последний семестр.

Паше не хотелось сидеть дома, и он с удовольствием откликнулся на приглашении Степы и его родителей пойти к ним домой, где они, уединившись в отдельной комнате, долго беседовали. Из разговора со Степой Паша сделал вывод, что его друг так и не стал ни с кем из девушек серьезно встречаться. О мимолетных встречах Степа даже не хотел говорить. Он больше говорил об учебе, об участии в опытных исследованиях в составе какого-то проекта, о своем участии в студенческой олимпиаде, где он занял первое призовое место, о возможности поездки на стажировку за границу. Его голова была забита всевозможными планами предстоящих научных работ. Говоря обо всем этом, Степа боролся с возникающими у него противоречиями, говорить или не говорить Паше об объявившемся «родственнике» Ани, о своих суждениях по этому поводу, о своих сомнениях, но каждый раз откладывал это на потом, до удобного случая, боясь навредить близкому другу своими благими намерениями.

Паше в свою очередь не терпелось поделиться с ним своими от-ношениями с Аней, про-сил совета о намерении, сделать ей уже сейчас предложение выйти за него замуж, чтобы ехать вместе с ней по распределению, куда пошлют. Отвечая другу, Степа говорил:

– По этим вопросам давать советы опрометчиво, и я не хотел бы делать этого. Вы не маленькие сами разберетесь. Но я хотел бы спросить тебя, – ты уверен, что она захочет с тобой куда-то ехать и где-то там жить? Не забывай, она прожила последние пять лет в сто-лице родины и безбедно. Потом не сбрасывай со счетов мировоз-зрение ее матери, которое всем нам уже известно. И еще один аспект. Ты уверен в ее искренности? Встречаться это одно, а жить повсед-невной будничной жизнью, и скажем на первом этапе не вполне обеспеченной, если не считать возможностей ее родителей, это совсем другое дело. У тебя еще есть время, ты можешь это выяснить. Но мне тебе житейский совет, основанный на собственном опыте. Как бы и что-то там не вышло бы, не придавай этому безысходного значения. Люди разные и по наследственным признакам и по воспи-танию, у них могут быть собственные мнения и суждения, в том числе и на жизнь, изменить их вряд ли кому удавалось, не берись и ты. Луч-ше сразу получить оплеуху, чем потом испортить себе жизнь на годы.

– Никогда бы не подумал, Степа, что жизнь уже научила тебя так мудро судить о ней. О чем ты говоришь, я даже никогда не заду-мывался. Я верю всему, что мне говорят, тем более делают, а как отличать истинное, от наносного, до сего времени не знаю, – с гру-стью ответил Паша.

– Желал бы тебе, чтобы ты этого никогда и не узнал, чтобы оно тебе никогда не приго-дилось, но жизнь не так уж проста, и заставляет повседневно о многом задумываться, многое сравнивать и оценивать. Ты не хуже меня знаешь изречение известного классика марксизма – «бытие определяет сознание», так вот и руководствуйся в своих оценках этим простым, но глу-боким по содержанию, смыслом. Я его уже неоднократно ощутил применительно к себе. Даже при знании сказанного, тебя все равно могут обойти и обмануть более ушлые и пронырливые. Еще раз советую, ни при каких okazиях не раскисай, знай себе цену, – вполне рассудительно говорил и советовал Степа.

Добираясь до дому матери и отчима, у Паши, было много времени на раздумье. Степа немного сказал, но в его словах был большой смысл. Друг, как бы изнутри, видел их отноше-ния с Аней. Не мог же он ответить Степе, что он знает Аню, как самого себя, что может пол-ностью положиться на нее и довериться ей во всем, ведь, встречается с ней более шести лет и уже не просто встречается. Если до этого разговора ему вроде все было ясно – они оканчи-вают институты, женятся, и вместе едут по направлению, начинают жизнь вместе, теперь у него закралось сомнение, захочет ли ехать с ним Аня, и что их близкие отношения еще ничего не значат. Слова друга стали для него открытием, и высказанные ему какими-то общими сужде-ниями, вроде намека, приводили его к мысли, что их отношения с Аней в складываю-щейся ситуации до конца остаются невыясненны-ми, не определившимися, требующими кон-кретный уточнений.

Уже подъезжая к дому, Паша почему-то вспомнил, что ни Таня, неоднократно виде-вшаяся там, в Москве, с Аней, ни разу ничего не упомянула о ней, как она проводит время, и не может быть, чтобы они с Колей не обсуждали эти моменты, относящиеся к Ане, не в поло-жительном или отрицательном плане, и Коля тоже ни одним словом не обмолвился. Не про-ронил ни плохого, ни хорошего слова и Степа. И это при том, когда ежегодно все они и Коля с Таней, Степа и Аня уезжали в Москву и возвращались вместе, и он их встречал всегда и про-вожал. А ведь он ничего не знает о жизни Ани в Москве. И этот вакуум молчания о ней и при ней, и без нее? Наверное, что-то есть, о чем его друзья не хотят пока говорить ему. Такое обстоя-тельство заинтриговало его, он стал строить различные предполо-жения и за, и про-тив. А как же тогда понимать ее желание отдаться ему и никому другому? Да и по всему чув-ствуется, что она любит его и только его. Не может же она любить его, а строить планы на сов-

мест-ную жизнь с кем-то другим? Тем более он ни давал никакого повода ей для сомнений в своей любви к ней. Он вспомнил свои интимные отношения с ней, когда не задумывались о возможности, что будет ребенок. Значит, она хочет от него ребенка, а это желание может возникнуть только с любимым.

Завтра, думал он, следует как-то постараться рассеять свои сомнения, понять, чего же хочет Аня, и как она планирует дальнейшую свою жизнь, какое место в ней отводит ему.

Встретились они во второй половине дня, ближе к вечеру, предварительно созвонившись. Погуляли по городу, купили кое-что к ужину и отправились на старую квартиру к Паше. Здесь после долгой разлуки, Аня, как только Паша закрыл за собой дверь, бросилась ему на шею, увлекая к раздвинутому дивану. Им никто не мешал, они были одни. В такой момент он забыл про заранее подготовленные вопросы, о том, что так волновало его вчера и весь день сегодня до встречи с ней. Он отвечал ей ласками, отвечал на поцелуи, целовал сам, любовался ее красотой, удивлялся ее темпераментом. И уже позже лежа спокойно в обнимку на диване, она неожиданно, вдруг, задала ему вопрос, который он сам долго вынашивал до этого:

– Паша, что мы будем делать, и конечно ты, если, вдруг, после произошедшего, между нами, я окажусь в интересном положении?

– Странный вопрос. Во-первых, ты уже давно должна была оказаться в этом положении, но этого не произошло, а на этот раз ты почему-то считаешь, что получится по-другому. Во-вторых, этого надо было ожидать и быть готовой к этому. А действия, не мои, а наши обоюдные, как я думаю, наверное, должны выразиться в нашей женитьбе. Институты мы практически окончили, теперь имеем право и на семейную жизнь. Только вот не знаю, куда нас могут услать по распределению, но это уже другой вопрос. Кстати, а как думаешь ты? Ты готова к такому раскладу наших действий, или у тебя имеются какие-то другие еще соображения? – пространно ответил он, ожидая, что ответит она.

– Паша, я об этом много думаю, мне самой интересно, почему до сего времени я не оказалась в интересном положении. У меня появились сомнения – здорова ли я, а может и ты. Но такое положение нас устраивало обоих, мы учились. При другом раскладе, мне пришлось бы на время бросить учебу. Как я поняла, ты готов жениться сейчас, хотя ранее ты не хотел слушать об этом, потому-то и не хотел близких отношений со мной, боялся, что надо будет преждевременно жениться. Ты как-то планировал свою жизнь и, соответственно, поведение, а я так не могла. Я влюбилась в тебя и готова была отдаться до конца, именно тебе, а не другому. Удивляюсь, что не задумывалась о последствиях, хотя понимала, что надо будет брать отсрочку в учебе, не думала, на какие деньги мы будем жить в случае нашей женитьбы, знала о твоей бедности. Сейчас я повзрослела, пожила в Москве, посмотрела, в каких условиях живут и бедные, и обеспеченные люди, на их кругозор, их суждения и поведение, многое поняла, и высказываю тебе благодарность за твою ту занятую реалистическую, обдуманную позицию, за твою дальновзоркость и благородство. При твоей любви ко мне, о чем я хорошо знала с самого начала, я восхищаюсь твоим рассудком, что ты не пошел на соблазн, не воспользовался моей взбалмошностью, на это не многие способны. Но и я сейчас стала другой. Я готова с тобой хоть на край света, я постоянно думаю о тебе, ты всегда со мной, но как подумаю, что наша жизнь начнется с нуля и неизвестно где, в какой-то дыре, у меня по коже мурашки пробегают. Конечно, в чем-то помогут родители, но на постоянную и безразмерную помощь рассчитывать не стоит. Паша, если ты согласен на мне жениться, и, если у нас не появятся новые обстоятельства после наших любовных отношений и на этот раз, нам надо будет воспользоваться наиболее выгодным направлением на работу и по зарплате, и по месту жительства. Не ехать же нам к «черту на кулички» и обживаться там, а потом искать новое место для жизни и работы, – говорила рассудительно Аня, что от нее ранее ни разу не приходилось ему слышать.

– Аня, ты так практично стала смотреть на жизнь, и, исходя из этого, на взаимоотношения между людьми, словно прошла соответствующий курс обучения. Смотри, это тоже опасно, может увести совсем далеко, потом жалеть придется. Всегда надо держаться середины. Потом жизнь изменчива, то, что сегодня хорошо и кажется неоспоримым, завтра может оказаться неприемлемым и даже вредным. Так часто бывает. Ты мне лучше ответить на вопрос, – готова ты выйти за меня замуж сейчас или сразу же после экзаменов, независимо, где нам придется жить и в каких условиях? – спросил он, смотря ей в глаза.

– В принципе я готова, но лучше, если жить будем или в Москве, или в нашем городе? И не менее важно, чтобы зарплата была нормальная, – ответила шуткой Аня.

– Тогда придется нам обратиться с этой просьбой в правительство страны, пусть для нас сделают исключение, – тоже, подыгрывая ей, сказал Паша.

Поздно вечером он отвез ее домой. Вернувшись в дом к родителям, он застал за столом гостей матери и отца, для приличия посидел немного с ними и удалился к себе. Теперь ему предстояло разложить по полочкам весь сегодняшний разговор с Аней. Как он понял, Аня любит его по-прежнему, готова хоть завтра выйти за него замуж. Жить предпочитает лучше в Москве, что перекликалось с выводами Степы, или, что чуть хуже, в своем городе, где она привыкла, и где под боком всегда будут находиться ее родители, на постоянную помощь которых она надеется, и вовсе не испытывает желания жить где-то в провинции. Соглашается, хоть завтра объединиться для совместной жизни, но не желает начинать ее в условиях не вполне обеспеченной.

«Желания не плохие, – думал Паша, – но как их реализовать, ведь многие из них явно невыполнимы. Что дальше? Как вести себя в такой ситуации? Видимо, все же, придется согласиться с выводами Степы. Ну и Степа, как в воду смотрел. Будто не я встречаюсь с Аней и живу с ней как с женой, а вроде бы он, и он больше знает ее суждения и взгляды на жизнь, чем я. Интересно, как это так получается. Может действительно без меня, там, в Москве, о чем я не знаю, Аня кого-то имеет про запас, или наводит мосты, как там остаться? Если это так, то как не горько, но придется согласиться с этим, и еще тяжелее пережить, ведь я ее безумно люблю. Из-за этого все это время я ни с кем даже не пытался завести подобное знакомство. Все же придется согласиться с рассуждениями Степы. Первое – как бы там не вышло, не придавать этому безысходного значения, и второе, что „лучше сразу получить оплеуху, чем потом испортить себе жизнь на многие годы“. Друзья ничего не говорят, даже не заикаются об Ане. А если завтра нажать на них и спросить, что они умалчивают? А что в таком случае изменится? Ничего, просто поссоримся с Аней, что на руку будет ее матери, чего мать и добивается. Надо просто жить и ждать, что из всего этого получится. Время все расставит по своим местам. Недаром говорят, что не делается, все к лучшему. Придется подождать и мне».

С этими мыслями он разделся и заснул. Утром мать заметила его чуть расстроенное, хотя и прикрываемое, состояние, решила, когда он приведет себя в порядок, поговорить с ним, как-то утешить. Открыла дверь, но его в комнате уже не было. Не увидев на вешалке его спортивного костюма, догадалось, что он во дворе, на утренней пробежке, где он обычно проводит время почти каждое утро.

Аня, вернувшись в хорошем настроении домой от Паши, застала бодрствующую мать, с каким-то журналом в руках. Весь ее вид говорил о том, что она дожидается ее. Подождав, когда дочь переоденется, под села и спросила:

– Аня, ты скажи, только честно, ты у Паши была?

– Да мам, я была у него. А что? – ответила и в свою очередь спросила дочка, ожидая, что скажет мать.

– Звонила из Москвы наша родственница, ей звонил Станислав, узнавал, когда ты вернешься в Москву. Станислав получил направление на работу в консульство какого-то государства, пробыл там почти три месяца. Он хочет жениться. Приехали из-за границы его роди-

тели. В качестве жены они хотят видеть тебя, ты им понравилась. Я не вижу радости на твоём лице. Дурочка, веселись, такое счастья не каждой достаётся. Не только будешь иметь мужа с положением, богатого, но и жить будешь в роскоши за границей, помотришь, как там люди живут. Станислав говорил, что несколько раз звонил к нам, но не мог дозвониться. Завтра снова будет звонить, но только не знаю в какое время, – рассказывала мать.

– Мам, заманчивое это предложение, но ты знаешь, что я люблю другого. Мы с ним решили пожениться сразу после государственных экзаменов, и вместе поедem по распределению. Потом, мам, мы уже с ним в близких отношениях, поздно уже за другого мужчину выходить. Он меня тоже безумно любит, а это не мало важный фактор в предстоящей семейной жизни. Да и узнав об этом, вряд ли Станислав захочет жениться на мне. Несмотря на то, что он сам уже два раза женился, ему девушку непорочную подавай, – разъясняла Аня, думая, что это обстоятельство убедит мать.

– Ну и дура, ты, Аня. Сделала глупость, легла под оборванца, и еще дальше хочешь себе в убыток глупости творить. Это сейчас у тебя возвышенные чувства, а завтра, как столкнешься с недостатками, с серостью и неустроенностью в жизни, сразу они выветрятся, будешь локотки кусать, да поздно будет. Выбрось ты эту дурь, на счет любви, из головы. Любовь придет новая, когда все будет в достатке, когда ни в чем не будешь нуждаться, когда все будет у твоих ног, ты будешь жить как королева. О таком счастье только можно мечтать. А насчет того, что Станиславу нужна девственница, это ты сама себе придумала. Но подстраховаться нужно, а как, надо подумать. Сейчас конец двадцатого века и поведение женщин соответствующее, об этом не может не знать и Станислав, – говорила мать, думая, как помочь дочери в такой ситуации.

– Мам, я поняла тебя, у меня голова кругом ходит. А сейчас я пойду спать, завтра спокойно поговорим, – направляясь в свою комнату, сказала Аня.

– Иди, дочка, и подумай, ночь длинная, но помни, завтра мы должны сказать Станиславу о принятом твоём решении. Он ждет и, видимо, с нетерпением, – проговорила мать.

Наступил момент, которого Аня так боялась и старалась меньше думать о нем. Теперь надо определяться, какую сторону предпочесть. Жизнь, обеспеченную со всеми ее прелестями, но с человеком, который намного старше, которого она пока не любит, и неизвестно полюбит ли. Или жизнь с любимым человеком, в котором все хорошо и здоров, статен, красивый и умен, но пока не имеющего никакого положения и неизвестно, когда это произойдет и сколько времени придется ей прозябать, скитаться по семейным общежитиям и коммунальным квартирам, считать копейки хватит ли денег до следующей полочки. Потом, может и добьется карьеры и обеспеченного состояния. Невольно она склонялась к первому варианту, соглашаясь с матерью. Потом представляла себе не с Пашей, которого хорошо знала, и к которому давно привыкла, а с этим, уже с животиком и лысеющим, самодовольным, лоснящимся и все знающим Станиславом, ее становилось не по себе. Ей хотелось, чтобы часть первого, ею желаемая и такая же желаемая часть второго, как-то объединились, но они никак не состыковывались. Она думала и думала, перебирая варианты, но ничего стоящего придумать не могла, так и уснула в противоречиях. С ними она и проснулась, и трепетом ожидала нового телефонного звонка Станислава, а из головы не выходили мысли – какое принять окончательное решение, хотя уже практически согласилась с желанием родной матери. Сейчас будет завтрак, отец уже ушел на работу, она знала, что мать будет спрашивать ее об окончательно принятом решении, но она не знала, что ответить и ей.

Вдруг раздался громкий телефонный звонок и почему-то длинный, протяжный, нудный. Аня, побледнев, подошла к телефонному аппарату, взяла трубку. В голове у нее застучало, сердце противно сжималось, лицо побледнело. Встревоженная, с открытым ртом и не прожеванным бутербродом, она не могла сосредоточиться. Рядом стоящая мать, приобрела в ее глазах смутные и расплывчатые очертания. Аня покачнулась, но собралась и ответила. И в трубке вместо самодовольного голоса Станислава, к своему удивлению, она услышала голос

Паши, веселый, какой-то задорный и милый, приглашавший ее вместе с Таней, Колей и Степой поехать сегодня за город, на пикник, половить рыбу, провести там целый день и ночь.

От неожиданности, она растерялась, не зная, что ответить, потом решила и проговорила:

– Хорошо, милый, я согласна.

У матери от удовольствия губы расплылись в улыбке. Дочери показалось, что от радости, мать даже подпрыгнула. Положив трубку, опустившись в кресло, Аня произнесла:

– Мам не радуйся, это был Паша.

Мать, не ожидавшая такого поворота дела, сразу побледнела и тоже медленно опустилась на рядом оказавшийся диван, после некоторого молчания она тихо вымолвила:

– Когда же он отстанет от тебя.

– Мама, не мешай нам хоть в последние дни. Я согласилась поехать с ним и ребятами за город, может быть и с ночевкой. Успокойся, и Станиславу я решила дать положительный ответ. Но, если бы этот звонок был бы его, я ответила бы своим несогласием и, конечно, вышла бы замуж за Пашу. Вот так, мама, я сама пока не знаю, чего хочу. Уже перед самым выходом Ани из дома снова позвонил телефон и опять почему-то длинный, звонкий и уже ожидаемый. Трубку на этот раз решила взять мать. Потому, как она заулыбалась, Аня поняла, что звонит Станислав. поприветствовав будущего зятя, и поговорив на отвлеченные темы, мать передала трубку Ане. Теперь Аня была спокойна, рассудительна и ответила веселым голосом. Станислав кратко рассказывал, что получил повышение по должности, будет работать в консульство в одном из крупных городов Германии. Поэтому просил ее руки, извиняясь за нелепую необходимость делать это предложение по телефону из-за отсутствия времени на приезд в Россию. Получив ее согласие, свадьбу предлагал провести сразу, как появится возможность приехать в Москву. Всеми приготовлениями к свадьбе будут руководить специально приехавшие из-за границы родители и его старший брат Аркадий. Поэтому по возвращении в Москву она должна созвониться с Аркадием, он обеспечит ее всеми необходимыми суммами денег. Просил не стесняться с расходами, людей на свадьбе будем много и важных, выглядеть она должна достойно. Обручальные кольца он уже купил, колье с бриллиантами привезли родители. А еще, колечко и серьги, она должна выбрать сама по своему вкусу. Еще раз предупредил, чтобы при выборе украшений за цены не переживала. Прощаясь, сказал, что он ее безумно любит и не дождется часа, когда вернется в Москву.

Вот и все, выбор сделан. Так долго думала, колебалась, нервничала, не соглашаясь с матерью, и все решилось в один момент. Она представила Пашу, с недоуменными глазами, растерянным, когда он узнает, что она предпочла вместо него другого. Ей стало жаль его. Она встала, посмотрела в окно и увидела машину Паши, и всех ребят с Таней, неизменной их спутницей, позавидовала ей, которой с самого начала все было ясно в отношениях с Колей, и которая другой жизни и не хотела. В их жизни главным была их взаимная любовь, в которой ни они сами, и никто другой из окружающих знакомых и родственников не сомневались.

Мать смотрела на Аню, желая угадать какие действия теперь примет ее дочь после этого звонка и данных обещаний Станиславу. Аня же, посмотрела на мать влажными глазами, но уже с проблесками озорства и какой-то стремительной решительностью, и стала молча ходить по комнате. Понаблюдав за нервным передвижением дочери, решила прервать ее бестолковое занятие, но не успела. Дочь остановилась, открыла шкаф, выбрала там что-то из одежды, положила в сумку и загадочно улыбаясь, направляясь к двери, стала говорить:

– Мам, говоришь, что в каждом намечаемом действии необходимо просчитывать ожидаемую выгоду? Так вот я не знаю, в чем она выражается, в деньгах или в другом материальном благосостоянии, или просто в любви к любимому человеку, когда всего этого и не надо, но сегодня я еду с ребятами на пикник и оторвусь в последний раз, чтобы осталось в памяти на всю жизнь. Не волнуйся, глупостей я не натворю, но с Пашей напоследок пообщаюсь.

– Не дури, будь благоразумна, чтоб к вечеру была дома, – успела крикнуть мать уже юркнувшей за дверь дочери и побежала к окну посмотреть, кто ее будет там встречать.

Дочь, подойдя к ребятам, здороваясь, расцеловалась с Таней, обняла по очереди ребят, поцеловав их в только что чисто выбритые щеки, взглянула на окна своей квартиры, и, увидев силуэт матери, помахала ей рукой. Без раздумья, проворно, сев в раскрытую переднюю дверь машины рядом с Пашей, она сразу забыла про звонок Станислава и данные ему обещания. Теперь рядом был Паша, которого она любила и которого только что хотела оставить навсегда. Неожиданно для себя, она повеселела, вступала в разговоры, даже шутила. Встречала такие же веселые и счастливые взгляды Паши, мило отвечала улыбкой, видела, как ему это нравится, продолжала поддер- живать веселое настроение.

Остановились у двух, рядом стоящих, красивых, в одиночестве выделяющихся на зеленом лугу берез, сильно нависавших над спокойной гладью реки. Здесь и далее выделялись крупные и мелкие поляны цветов. Пока Паша и Коля выбирали места для палаток и костра, Степа отошел и успел набрать по букету полевых цветов Тане и Ане и торжественно вручил им.

Коля и Паша принялись разматывать завязанные шесты, колья, растягивая и примеряя палатки на земле. Степа решил не мешать им, прохаживаясь рядом, проговорил:

– У нас всего две двуспальных палатки, в них, как я думаю, места мне не найдется, мое место в машине. Тогда вы и устанавливайте их, как вам нравится, а я пойду искупаюсь в речке, освою ее берега и глубину, и конечно температуру воды.

Он быстро разделся, сложил вещи в кабину машины и с разбегу плюхнулся в воду, выплыв на поверхность вдалеке от берега, громко фыркнул и крикнул:

– Какая благодать. Таня, Аня, раздевайтесь и сюда в воду, пусть ребята там все готовят, не мешайте им обустраиваться.

Те, переглянувшись, стали быстро раздеваться. Коля, взглянув на них, с завистью крикнул:

– Эй, вы, совесть имейте, подождите нас.

Но с реки уже раздавался их смех вперемежку со смехом Степы и криками. Паша бросил собирать палатку, быстро снял с себя брюки, рубашку и с криком: «Коля, пошли, потом доделаем», – тоже прыгнул в воду. Коля, недолго думая, последовал его примеру. Таня и Аня, не видевшие, как раздевались Коля с Пашей, не на шутку испугались, когда те незаметно подплыв под водой, ухватили их за ноги и потащили их вниз, но потом ими же поднятыми на поверхность. Оказавшись наверху, над поверхностью воды они, перепуганные, недоуменно озирались по сторонам и, только увидев ребят, выплывших около себя, поняли сыгранную над ними шутку, смеялись, что было мочи.

Попытались поудить рыбу. Поймали несколько небольших рыбешек, но самую большую, неожиданно для всех, поймала Таня. Она сидела с заправленной Колей удочкой несколько в стороне. Вдруг оттуда раздался ее душераздирающий крик. Коля, думая, что случилось что-то, в несколько прыжков, оказался около нее, а она, держала рыбу на крючке, поднятым над водой, не зная, что в таких случаях делают, продолжала кричать. Коля обхватил ее сзади, зажал рот, повернул лицом к себе, спрашивая:

– Ты что кричишь, как ужаленная, всех перепугала?

Видя, что жена успокоилась, он отпустил ее, снял с крючка ее трофей, внимательно рассмотрел его и передал ей.

Теперь прыгая около Коли, Таня кричала:

– Я поймала, я поймала.

На ее крик собрались и остальные, рассматривая добычу. Посоветовались, решили вместе с мелкими рыбками пожарить на сковороде и эту. Ужиная говорили о купании, о рыбалке и, конечно, о пойманной Таней большой рыбе, расхваливая ее вкус. Костер прогорал. Степа принес еще охапку сухих веток и одну сырую с листьями для дыма от комаров и принялся

снова его разжигать. Паша, вспомнив, что прихватил с собой гитару, принес ее, заиграл, напевая знакомую всем мелодию. Его поддержали сначала Аня с Таней, потом стал подпевать Коля и присоединился Степа, разжегший костер и вернувшийся на свое место. Песни сменялись, грустные, на веселые, озорные. Теперь не только пели, танцевали, но и отплясывали, показывая, кто на что горазд. Но всему приходит конец, отдыхая, посидев у костра, решили укладываться спать, было далеко за полночь.

Таня сделала предложение, как всем разместиться в двух палат —ках – они с Аней ложатся в одной, во второй все ребята. Возражений у ребят не было, но Аня сказала:

– Таня и Коля, неудобно вас разлучать, даже на оставшуюся короткую ночь. Ложитесь вместе, а я согласна разместиться в машине, а ребята вдвоем в другой палатке. А вообще можно и так:

Степа в машине, а мы с Пашей в палатке.

После ее слов наступила пауза, которую нарушил Степа:

– Это предложение меня устраивает больше, я пошел в машину, только дайте мне какой-нибудь плед, может и не потребуются, но на всякий случай.

Устроившийся в машине Степа включил не громкую музыку. Коля, забираясь в палатку, где уже лежала Таня, говорил жене:

– Ну и Аня, не постеснялась, попросилась в палатку, как к мужу.

– А что ей стесняться и кого? Они, видимо, давно живут как муж с женой, – ответила с улыбкой Таня, поглядывая на мужа.

– Не может быть, на нашего Пашу это как-то не похоже. Я бы это как-то знал, – не согласился Коля.

– Твоя наивность меня иногда удивляет. Ты докладывал своим друзьям, когда мы с тобой стали жить, как муж с женой еще до свадьбы? Нет. Ну, а что ты хочешь от других? Тем более учеба заканчивается, чтобы ехать вместе по направлению надо жениться. Ты об этом думал? – растолковывала Таня сейчас простые понятия непонятливому мужу, с улыбкой.

– Раз так, то давай, и мы вспомним те первые наши моменты? Думаю, с твоей стороны возражений не будет, – проговорил Коля, шутя, обнимая жену.

Музыка в машине затихла, видимо, Степа, засыпая, выключил приемник. Стало, непривычно тихо, только иногда где-то за палаткой слышалось шуршание, не то мышей, не то каких-то маленьких зверьков, которое прекращалось на какое-то время, потом слышалось снова. Время от времени раздавались далекие приглушенные звуки совы. Эта необычная обстановка сначала наводила на Таню и Аню какой-то страх, заставляя прижиматься к своим возлюбленным. Если для Коли с Таней это было обычным делом, то для Паши, да и самой Ани – не то, что новым, но еще непривычным. Аня не только прижималась от страха, но и от желания близости, зная, что этих моментов у них с Пашей скоро не будет. Попав в его объятия и забыв про только что испытываемый страх от шорохов и писков, она стала целовать его в губы, в лоб, шею и опять страстно, зная, что расстанется после этого навсегда. Чувствуя, что сейчас заплачет, и еще хуже разревется, чего она не хотела ему показывать, она старалась сдерживать как-то себя. Паша отвечал на ее ласки. Находясь в ее объятиях, и не понимая, причины ее не обузданной срасти, сам не менее страстно обнимал ее. И только получив взаимное удовлетворение, они на время притихали, потом все повторялось вновь. Он не мог и предположить, что Аня в его объятиях находится в последний раз, у него останутся о ней только воспоминания.

Первым проснулся Степа, включил почти на полную мощность приемник, предполагая громкой музыкой при открытых дверях машины разбудить своих друзей, но они не реагировали. Он пошел, набрал еще сухих дров, разжег костер, повесил воду для чая, но из палаток никто не вылезал. Не помог и продолжительный сигнал автомашины. Тогда он решил разбудить сначала семейную пару, принявшись стучать веткой по палатке.

Это подействовало, на четвереньках первым вылезал Коля, за ним появилась и Таня, возмущенно грозясь кулаком на Степу. Потом вместе принялись за палатку друзей.

Из нее раздался недовольный голос Паши:

– Не шалите, дайте поспать.

– Вылезайте. Вы, что спать сюда приехали? Посмотрите, на сколько уже поднялось солнце от горизонта, спать будете дома на мягкой перине, – кричал Коля.

Появился Паша, а через некоторое время, показалась и Аня, шурясь от солнца, пыталась рассмотреть, кто их потревожил. Умываться пошли к речке. Паша и Коля, нагнулись, пробуя температуры воды. Степа, подошедший сзади, слегка их обоих и подтолкнул, оба, как по команде, медленно плюхнулись головой в воду реки, успев, что-то выкрикнуть. Вода была прозрачной, видно было, как они там под водой резво развернулись и одновременно всплыли, медленно вышли на берег, и, не сговариваясь, схватили Степу, раскачали, держа за руки и ноги, и бросили под общий смех в воду. Теперь трое, стоя на берегу, выкручивали одежду, отжимая воду, постукивали зубами, трясущихся челюстей от холода, притоптывая в пляске ногами. Таня и Аня, насмеявшись вдоволь над их шутками, отойдя подальше, боясь, как бы в пылу шуток, их тоже не бросили в реку, стали умываться.

Позавтракав, они разбрелись по полю, собирая цветы. Выбрав момент, Аня решила сказать Паше:

– Я тебе еще не сказала, но завтра мы с мамой уезжаем в Москву. Она должна пройти медицинское обследование, по договоренности, в одном из институтов. В последнее время ей несколько раз было плохо. Она здесь лежала в больнице, но ничего не помогло. Придешь меня проводить?

– Конечно, о чем разговор. Только вот мы с тобой конкретно ни о чем не договорились. Я рассчитывал на завтра выбрать с тобой обручальные кольца, сережки к свадьбе. А теперь, когда? Когда вернешься сюда, или только после экзаменов? Хочешь, я сам выберу время и подъеду к тебе в Москву, там и выбор больший? – спрашивал Паша, ничего не подозревая.

– Купим, Паша, не спеши. У нас будет достаточно времени, – ответила Аня, нагибаясь за очередным цветком, чтобы он не видел ее глаз, боясь выдать свои намерения.

С большими букетами цветов они возвращались в город. Разговаривая о предстоящих экзаменах, Аня, выяснив, когда друзья собираются в Москву, как бы, между прочим, сообщила и им, что она уезжает завтра с матерью на обследование ее здоровья.

Прощаясь, Аня попросила Пашу не приходить вечером, так как вечер они с матерью посвящают сбору в дорогу. Но на завтра на вокзале она будет его ждать, просила, чтобы он отложил все свои дела и приходил проводить обязательно.

Завалившись спать с вечера, Паша рано проснулся, принял душ, чисто побрился и, позавтракав, стал дожидаться времени поездки на вокзал, отложив свои утренние пробежки. Время тянулось долго, он, не знал, чем заняться, ходил по своей комнате из стороны в сторону, садился к столу, листал какие-то журналы, но ничего не видел в них. Раздумывая, пытался понять, чем объясняется слишком спокойное отношение Ани на его предложение выйти за него замуж, к предложению купить обручальные кольца, серьги, почему-то не могла назначить более, менее точную дату свадьбы, устраивающую ее. Все это как-то не состыковывалось с ее поцелуями, с ее ласками к нему, пренебрежением к стыду, например, не стыдясь посторонних людей, напросилась к нему в палатку. Но время подходило, нужно было ехать. Он долго одевался, что-то возился с туфлями, негромко возмущаясь. Мать, заметив его сумрачное настроение и явную раздраженность, решила спросить:

– Ты куда собрался? И вид у тебя что-то неважный. Смотри, не оторви шнурок, в запасе такого у нас дома нет. Что у вас с Аней, вы успели поссориться?

– Да нет мам, не поссорились, она сегодня уезжает с матерью на обследование в Москву, – ответил он.

Одевшись, он еще раз взглянул в зеркало, открыл дверь и побежал по ступенькам вниз. Мать вернулась в комнату, посмотрела в окно, как он садится в машину. Послышался шум мотора, машина плавно тронулась, выруливая на проезжую часть. Мать глубоко вздохнула, присела на стул и задумалась. Ведь совсем скоро он получит диплом, уедет по направлению на работу, и видеться они будут очень и очень редко. Глаза ее увлажнились. Муж, оказавшийся свидетелем этого общения матери с сыном, решил вывести ее из этого состояния, обнял ее и проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.